

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Замполиты,
политруки...
А сегодня?

Если
офицер
не сделает...

Разведка
больше,
чем
спецназ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

2'98

**23 февраля —
День защитников Отечества**

**Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА,
Владимира НИКОЛАЙЧУКА**

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

— Иван Андреевич, что лично для вас значит День защитников Отечества? Как встречаете его вы и ваши товарищи по ветеранской организации?

— Для нас это самый дорогой праздник после Дня Победы. Я в вооруженных силах прослужил 45 лет. Прошел путь от рядового до генерала. Горжусь, что был солдатом великой армии великого государства.

Мы, представители старшего поколения, отдавшие делу защиты Родины долгие годы, по-прежнему считаем 23 февраля Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота. Они в самые трудные дни отстояли честь и независимость нашей Родины, больше полувека были

День защитников Отечества в таблице о рангах отмечаемых в стране праздников занимает особое место. В нем выражены огромное уважение народа к российскому солдату, признание выдающихся заслуг всех поколений российских воинов в защите свободы и независимости нашей Родины.

В канун большого и светлого праздника наш корреспондент встретился с председателем Московского комитета ветеранов войны генерал-майором в отставке Иваном Андреевичем СЛУХАЕМ.

Московского комитета ветеранов войны считаю своим долгом сделать все от меня зависящее, чтобы этот день остался в памяти 80.000 ветеранов войны.

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

Генерал-майор в отставке И.СЛУХАЙ:

«ЕЩЕ ЖИВЕТ В ВОЙСКАХ БОЕВОЙ ДУХ»

оплотом мира во всем мире, сдерживали своим могуществом агрессивные намерения вероятного противника, не раз подводившего мир к опасной черте.

В нынешнем году 23 февраля — день особенный. В этот день мы, ветераны, отметим 80-летие Советской Армии и Военно-Морского Флота. Как председатель

— Как вы планируете его отметить?

— Подготовку к празднику мы начали давно. В музеях боевой славы, в нашем комитете подготовлены стенды, которые освещают деятельность ветеранской организации, жизнь ветеранов. Наши товарищи выезжают в подшефные коллективы, где выступают с докладами, проводят

беседы. Представители комитета примут участие в торжественных собраниях, которые будут проводиться Министерством обороны и правительством Москвы.

В программу подготовки празднования 80-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота нами включены торжественные собрания, лекции и беседы, посвященные 55-летию Сталинградской битвы. Ряд наших ветеранов, участвовавших в боях на Волге, делегируются в Волгоград на празднование годовщины. Мы, в свою очередь, пригласили к себе на юбилей ветеранов-волгоградцев.

23 февраля по сложившейся традиции от Московского комитета ветеранов войны возложим венок на могилу Неизвестного солдата, цветы к могилам и памятникам выдающихся полководцев Советской Армии.

Наименее обеспеченные ветераны к празднику получают материальную помощь от комитета. Будут поощрены самые достойные из активистов ветеранского движения.

— Иван Андреевич, раньше вся страна относилась к военным с почтением. Дело защиты Отечества понималось буквально как священный долг. Но времена меняются — сегодня в обществе процветают антиармейские настроения. Молодежь завидует своим ровесникам, кому удалось “закосить” от воинской службы, а не тем, кто два года добросовестно тянул солдатскую лямку. Что изменилось в сознании молодых россиян? Может, такие „пацифистские“ настроения — нормальное явление и нечего делать из этого трагедии?

— Испокон веков на Руси к армии относились с уважением. Но, справедливости ради, необходимо отметить, что особенно высок ее авторитет был в годы Советской власти. Когда армия действительно являлась частью народа. У меня сохранились такие воспоминания. В 30-х годах Красная Армия была малочисленна. Всех подряд молодых людей не призывали. Тогда на собраниях трудовых коллективов выбирали лучших. Те же, кого не брали в армию, страшно переживали.

Сегодня, по-моему мнению, российское правительство еще до конца не осознало, в каком бедственном положении находятся Российские Вооруженные Силы, внутренние войска, к каким последствиям это может привести. Не лучшим образом решаются кадровые вопросы. Что-то не везет последнее время армии и флоту на руководителей. Мало кто из военачальни-

ков подолгу задерживается на высоких постах. Кадровая чехарда — одна из причин того, что с таким скрипом идут военные реформы. Да и о каком реформировании может идти речь, если государство не в состоянии вовремя выплачивать своим офицерам денежное содержание? На что, спрашивается, жить им и их семьям, если индивидуально-но-трудова деятельность военнослужащим запрещена законом? А солдаты разве в лучшем положении находятся? Денег, которые они получают, едва хватает на несколько пачек сигарет. Да и получают солдаты свои жалкие рубли не всегда вовремя. Что может быть печальнее и отвратительнее картины — просящий милостыню защитник Отечества?

— Но, Иван Андреевич, давайте отдадим должное и самоотверженности наших солдат и офицеров — несмотря ни на что, они готовы выполнить любой приказ.

— Вы имеете в виду участие армии, внутренних войск в наведении конституционного порядка на территории мятежной Чечни?

— И Чечню тоже.

— Ничуть не умаляя боевых заслуг наших солдат и офицеров, их мужества, считаю: Чечня авторитета армии и внутренним войскам не прибавила. Но не их в этом вина.

— Иван Андреевич, знаю, что вы и ваши товарищи по комитету часто встречаетесь с молодежью. Удастся ли вам найти с ней общий язык? Находят ли ваши высокие слова отклик в сердцах молодого поколения?

— Я не могу утверждать, что наши слова о любви к Родине, священном долге по защите Отечества падают на благодатную почву и со временем дадут добрые всходы. Но мне хочется верить, что так оно и будет. Ведь то, что мы говорим, говорим искренне. Мы также искренне любим нашу Родину и надеемся, что эти же чувства пробудят

и в душах наших молодых соотечественников.

— Как вы считаете, достаточно ли внимания уделяют патриотическому воспитанию молодежи средствами массовой информации?

— Почти не уделяют. Полистайте наши самые массовые периодические издания. Много вы там найдете публикаций, после прочтения которых ваше сердце переполнилось бы чувством гордости за свою Великую Родину, за ее славную историю? Зато статей, где искажается историческая правда, предостаточно. Разве можно умалять достижения нашего народа за советский период истории? Роль Советских Вооруженных Сил в победе над фашизмом?

Даже на страницах учебников история сплошь и рядом фальсифицируется.

— Но вы не будете отрицать, что были в истории нашего государства и черные страницы?

— Были. А кто ж спорит? Разве я призываю вырвать их из нашей исторической книги? Внимания заслуживает и черное, и белое. Почему, например, мы должны обелять палачей своего народа? Они ведь были. Но говорить обо всем надо только правду! За правду мы, ветераны, будем стоять до конца.

— Иван Андреевич, не обижайтесь, но мне кажется, сегодня к ветеранам отношение равнодушное. Вроде бы и сил, и средств на ветеранов нет, но обидеть их невниманием, безучастностью как-то неприлично. Или я не прав?

— И такое случается. Хотя мое мнение — старшее поколение делами заслужило, чтобы к нему относились по-доброму, оказывали элементарное внимание. Я помню те времена, когда ветераны в стране были окружены заботой. Они имели реальные, ощутимые льготы. Нынче же о нас вспоминают, когда надвигаются очередные выборы. Тогда политики и разыгрывают ветеранскую карту. С

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

ветеранами начинают заигрывать. Сулить им золотые горы и безбедную жизнь. Не верите? Когда появился Закон о ветеранах?

— Накануне президентских выборов.

— То-то и оно. Прошла избирательная кампания, и закон положили под сукно. Кроме как в Москве, Московской области да в ряде регионов, он нигде толком не работает.

Посмотрите, как живут сегодня ветераны. Большинство из них прочно обосновались за чертой бедности. С каждым днем положение осложняется. Дефицитные медикаменты приходится выбивать с боем. Путевки в санатории и дома отдыха выдаются им теперь только раз в два года. Раньше такая возможность отдыхнуть и поправить здоровье предоставлялась ежегодно. А какое нынче отношение к престарелым людям в больницах и поликлиниках? Наплевательское.

Грустно об этом говорить, но видя отношение государства к ветеранам, невольно приходишь к выводу: старшее поколение — обуза для общества. Все, чего мы достигли, что имеем сегодня — результат прежде всего нашей инициативы, нашего упорного нежелания мириться с обстоятельствами.

— А как используется сегодня ваш мирный и боевой опыт? Ему, наверное, цены нет?

— Да никак не используется. С нами мало советуются. А если и советуются, то, как правило, оставляют наши предложения невостребованными.

— Иван Андреевич, поддерживаете ли вы отношения с теми ветеранами, которые живут в бывших советских республиках? Кто вы, вчерашние однополчане, теперь — друзья или враги? Сохранили ли верность своему боевому прошлому или пошли на поводу у конъюнктурных историков?

— Московский комитет ветеранов войны — это организация однополчан, орден воинского

братства. Мы никогда не делились по национальному признаку. В первичных организациях комитета объединяются ветераны, служившие во время Великой Отечественной войны в одной части, в одном соединении или объединении. Мы не только однополчане, мы, прежде всего, боевые друзья, побратимы. Сражались за одну Родину, сидели в одном окопе, вместе поднимались в атаку, прикрывали друг друга в бою. Развал Советского Союза развел ветеранов по национальным квартирам, но не смог разрушить их святую дружбу.

Наш комитет поддерживает сегодня тесные связи более чем с тридцатью тысячами боевых друзей. В прошлом году более сотни наших делегаций побывали в гостях у своих побратимов в странах СНГ и столько же делегаций мы приняли у себя дома.

Что касается меня, то я лично переписываюсь с боевыми друзьями из Белоруссии, Украины, Казахстана, Грузии, Молдавии, Армении, Азербайджана.

— Вы часто бываете в частях и подразделениях. Что бросается вам в глаза? Что радует, что огорчает?

— Это сейчас все часто бывает в воинских коллективах. Одно время недалековидные чиновники при погонах запретили нам появляться на территории воинских частей. Положение изменилось только с назначением министром обороны генерал-полковника Родионова. Он дал нам зеленый свет на работу в войсках. Новый министр обороны Маршал Российской Федерации Игорь Сергеев пошел еще дальше. При его личном участии был создан Консультативный совет ветеранов, который призван активизировать деятельность ветеранов в области патриотического воспитания воинов, в решении навалившихся на Российские Вооруженные Силы проблем. Нам были созданы все условия для нормальной работы, что не замедлило сказаться на

результате. Если в 1996 году в частях и соединениях было проведено почти полторы тысячи мероприятий, то в прошлом году — в два с лишним раза больше.

Что касается наших впечатлений от посещения частей и соединений, скажу следующее. Мы, ветераны, с восхищением отмечаем, что несмотря на то что, у офицеров и солдат все еще сохраняется боевой дух. Они понимают, что служат Родине, а не начальникам и политическим лидерам. Ветераны помогают им укрепиться в этой мысли.

К великому сожалению, приходится сталкиваться нам и с неприятными вещами. Больно смотреть на внешний вид наших воинов, их поведение. Одеты солдаты и офицеры во что попало и как попало. Спрашиваешь, почему так, говорят: нет денег на закупку обмундирования. Обидно, у чеченских боевиков деньги есть, а у России нет.

Упала в войсках воинская дисциплина. Воинское приветствие у военнослужащих ныне не в моде. Процветает дедовщина, и даже рукоприкладство начальников. Это удручает ветеранов.

Снизилась боевая выучка воинов, что сказывается на боеспособности и боеспособности частей и подразделений.

Медленно идут в войсках реформы.

— Иван Андреевич, приятно сознавать, что вы и ваши товарищи, старая гвардия, оставив военную службу, не сидите сложа руки, а продолжаете трудиться на благо нашего многострадального Отечества. Совместными усилиями нынешнего поколения и ветеранов мы изменим жизнь к лучшему. Спасибо за интервью. Крепкого здоровья вам и вашим товарищам.

**Беседу вел
подполковник
Алексей ПЕТРОВ**

Содержание

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 2 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная улица,
9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

И. СЛУХАЙ:

«Еще живет в войсках боевой дух» 1

День защитников Отечества. В нем выражены огромное уважение народа к российскому солдату, признание выдающихся заслуг всех поколений российских воинов в защите свободы и независимости нашей Родины.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Г. ШАХОВ

«Ваш сын и защитник Пашка» 6

И. СОФРОНОВ

Два серебряных креста 9

Владимир Игумнов свое мужество носил лишь в сердце. Орденов при жизни не дождался.

СЛУЖБА

Н. КАМШЕКИН

101-я бригада: ставропольская одиссея 12

В декабре 96-го бойцы 101-й бригады покидали Грозный с развернутыми российскими флагами, свято веря в то, что страна не забудет их заслуги...

Ю. РЖЕВЦЕВ

Разведка больше, чем спецназ. 15

Ю. КИСЛЫЙ

Батальон как батальон 18

Г. КАЗАКОВ

Военным журналистам посвящается... . 20

Состоялся первый открытый лично-командный чемпионат Москвы по рукопашному бою среди сотрудников правоохранительных структур, посвященный памяти Анатолия Ягодина.

А. ЕВСЕЕВ

- «Если офицер не сделает...» 22
 «Круглый стол». Замполиты, политруки... Асегодня? 23

Ф. СОКОЛОВ:

«Воинская служба — дело богоугодное» 28

Церковь всегда напутствовала своим благословением ратников, воинов, уходящих на поле брани.

ЛИТЕРАТУРА, ОБЩЕСТВО, МЫ**Б. ЛЕОНОВ**

Читая классику 32

РЕТРОСПЕКТИВА**Н. СЫСОВ**

Увольнение отменить..... 39

И. МУЧАК

Первый, Краснознаменный..... 44

Если все внутренние войска выстроить в линию полковых колонн, то этот полк будет на самом правом фланге. Потому что он первый. 24 февраля ему исполняется 80 лет.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ**И. КОЗЛОВ**

Тайна «Белого стрелка» 50

Современный детектив.

Журнальный вариант нового романа Ивана Козлова — члена Союза писателей России

В. КОЧЕТКОВ

Среди самарских ковылей (стихи) 73

КАЛЕЙДОСКОП**И. КОБЗОН:**

«Армия — это воспитание характера» 75

Шахматный клуб 78

Кроссворд 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное оформление

КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

ГЕРАЩЕНКО В.П.

БАРАНОВА В.А.

ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.

БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы.

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал
"На боевом посту", 1998

Сдано в набор 28.12.1997 г.
Подписано к печати 6.02.1998 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 5

Индекс
для индивидуальных подписчиков — 70610
для предприятий и организаций — 73175

Ордена "Знак почета"
типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

По страницам Книги памяти

“Ваш сын и защитник Пашка”

*Бессмертных нет
на всей земле,
И мы с тобою
не бессмертны...*

Строки, вынесенные в эпиграф этого материала, взяты из солдатского блокнота рядового Павла Блохина, погибшего в декабре 1995 года в Чечне. Долгое время его фамилия числилась в списках без вести пропавших. И только 15 ноября 1997 года останки воина были захоронены на кладбище в поселке Фряново Щелковского района Подмосковья.

До призыва на службу Павел учился в средней школе № 2, закончил 8 классов, затем местное ПТУ. Работал каменщиком в СМУ-4 г.Щелково, потом по этой же специальности в НПО “Энергия”, что в Подлипках. Перед армией перебрался поближе к дому, трудился в Петрищах.

— Характер у него был упрямый, — вспоминает отец Павла Александр Федорович. — По натуре немного скрытный. Но от работы никогда не отлынивал.

В сентябре 95-го в семью Блохиных пришло горе. Умерла мама Павла. Сердце было боль-

ное. А через три месяца Блохин-младший получил повестку. Попал во внутренние войска. Начинать служить в Пятигорске. После учебки направили в г.Зеленокумск Ставропольского края. Вот одно из первых писем домой:

“Здравствуйте, мои родные!

Спасибо тебе, папа, за перевод. Я его уже использовал.

У меня пока все нормально. Есть возможность остаться здесь. Но старший лейтенант хочет увезти меня в Зеленокумск. Хотя я не хочу отсюда уезжать, потому что здесь мне ближе к дому и вам легче будет приехать ко мне...

Если надумаете приехать, то только после очередного моего письма, в котором я опишу вам дорогу сюда.

Здесь у нас апрельская погода. Снега нет вообще, ни одной снежинки. Но зато ветер пронизывающий и в последнее время изморось. Мне выдали новые сапоги, и я уже натер хорошую

мозоль на правой ноге. Теперь из-за этого болит голень, и я сегодня не поехал на стрельбы...

Папа, когда я получил перевод, очень радовался тем 11 строкам, которые ты написал своей рукой. Я даже заплакал, когда увидел их.

Подумать только, целых два месяца от вас ни слуху ни духу. И вдруг вот тебе — перевод!

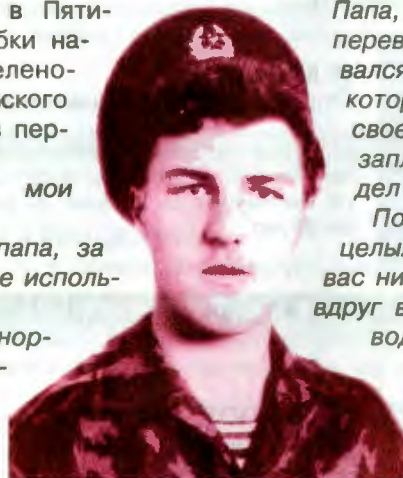
Папа, если в следующий раз захочешь послать деньги, то положи их в конверт между

листочками, чтобы на свет не было видно.

Ну вот, пока вроде бы и все.

Передавай всем знакомым и друзьям огромный, во все Фряново привет, чтобы долго-долго его жевали. А вам я пожелаю не болеть, не стареть и быть всегда бодрыми, здоровыми, сытыми и веселыми.

Папа, помнишь, что я тебе говорил еще до армии? Когда отслужу, чтобы у меня в комнате стоял гардероб, а в зале новый

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

цветной телевизор. Ты мне это пообещал, а слово надо держать.

Несколько строк из солдатского блокнота:

“Бессмертных нет
на всей земле,
И мы с тобою
не бессмертны...
Мы просто служим в МВД
И просто не боимся смерти!”

До свидания. Ваш сын Павел.
Целую, держитесь. Пока”.

А это письмо уже солдата, отслужившего полгода:

“Здравствуйте, мои родные!

Пишу вам ночью, потому что снова заступил дневальным по роте. Я жив, здоров, цел и невредим...

В связи с трагедией в Буденновске могу сказать вам следующее: вся наша рота была там. Мою машину в бою подбили. Да так, что даже почти ничего от нее не осталось. Вместе с ней сгорел и наш майор. К счастью, больше никто из членов экипажа не пострадал. Единственное, что осталось от машины, так это броня и одна левая гусеница, которую где-то потеряли.

Сам я в Буденновске не был, нес службу в наряде по роте. 20 июня наш батальон вернулся оттуда. В тот же день притащили и мою развалюху. Я как посмотрел на нее, сначала не поверил, что это моя машина: внутри пусто, десантный отсек сгорел полностью, места водителя, командира и водителя тоже сгорели полностью, ничего не осталось.

Папа, я знаю, что вы с нетерпением ждете мои письма. Я тоже их жду от вас. Но мне писать письма нечем и не на чем. Конвертов тоже нет, так что когда

будете мне посылать письма, не забудьте положить в свой конверт пару чистых листов бумаги и пару конвертов. Тогда я буду отвечать на каждое ваше письмо.

Папа, спасибо тебе за фотографии. В следующем письме пришли денег тысяч пять или десять. И еще попрошу тебя: соберитесь как-нибудь вместе и сфотографируйтесь в моей комнате. Очень хочется показать ребятам, как я жил дома. И чтобы все было там: гитара, магнитофон и остальное. И еще фотографию сделайте на улице, возле магазина. Очень хочется взглянуть на мое Фряново и вспомнить жизнь на гражданке.

Прошу вас, пожалуйста, пишите больше и чаще. Передавайте привет всем родным и близким, друзьям и подругам. Особенно Аньке моей любимой. Пишите также о том, что происходит во Фряново...

Пока все. Ваш сын и защитник Пашка.
21.06.95”.

И еще письмо:

“Здравствуй, папа!

Получил твое письмо, которому очень обрадовался. Все-таки дома меня еще помнят. Жалко только, что бригада наша распалась, и мое будущее место работы неизвестно.

...22 июня наша рота опять уехала в Буденновск. Но на этот раз меня уже не забыли. Там мы останавливались в студенческом лагере, где в дальнейшем и было наше место дислокации. Как я уже писал вам, моя БМП в первых боях под Буденновском была подбита. О том, что там было, расскажу потом, когда приеду домой. Правда, это будет еще не скоро, через 11 месяцев.

Папа, ты, наверное, помнишь,

что у меня 20 августа день рождения и для меня было бы большим подарком, если кто-нибудь придет ко мне... 28.07.95”.

Однако не суждено было Павлу ни встретиться с отцом в свой день рождения, ни вернуться домой...

С августа 95-го родные перестали получать от него письма. Отец догадывался: сын в Чечне. И только через пять месяцев, в конце января 96-го, пришло печальное сообщение о том, что рядовой Блохин Павел Александрович пропал без вести.

Блохины искали его тело в ростовской лаборатории, где хранятся неопознанные останки погибших на той войне — безрезультатно. Звонили, писали в Ростов-на-Дону, рассылали конверты в разные уголки страны сослуживцам Павла, которые уже к тому времени уволились в запас. От одного из них — Олега Родина из Саратовской области — пришел ответ.

“Дорогие родители Блохина Павла!

С уважением к вам отвечаю на ваше письмо.

Да, я действительно служил с вашим сыном в одной роте. И выезжал с ним на задание для захвата больницы, которая находилась в г.Гудермесе. Опишу вам подробно, что с нами произошло...

На четырех БМП и четырех ГАЗ-66 нас привезли на аэродром в Ханкалу. Там к нам посадили двух подполковников. Один сел на мою машину БМП-320, в которой я был наводчиком. Мы шли первыми. За нами еще две машины. В которой из них находился ваш сын, я точно не помню. За этими машинами ехали четыре ГАЗ-66 с зенитчиками, а замыкала колонну “бээмпэшка”.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

При въезде в Гудермес, куда мы прибыли на задание, справа показалась больница, в которой находились чеченцы. Мы обратили внимание на кирпичный забор. Через каждый метр в нем были проделаны маленькие окошки, из которых боевики стреляли. При прохождении нашей колонны они открыли огонь из всех видов оружия. Мы сразу ответили своим огнем.

Чеченцы были хитрее. Они выстрелили из РПГ в последнюю БМП. Машина встала и начала гореть. Потом был выстрел в мою "бээмпэшку", которая шла первой. Но снаряд не разорвался, а рассыпался. Это и спасло нашу жизнь.

Затем боевики начали расстреливать другие машины, которые находились в середине колонны. При выходе из Гудермеса за моей машиной двигались еще две БМП, в одной из которых был ваш сын Павел. Со стороны больницы последовали два выстрела из гранатомета, и обе "бээмпэшки" оказались подбитыми...

С поля боя вернулась только одна моя машина. Мы чудом спаслись, получив 4 пробоины в бок и одну в мотор. Когда дотянули до КПП, БМП встала, заглохла и больше не заводилась. По радиостанции я связывался с нашими ребятами, но мне никто не ответил. Было очень тихо. К месту боя отправился еще один БТР, но было уже поздно. Все погибли...

После этого больницу стали обстреливать с воздуха вертолеты. Через четыре дня все успокоилось, боевиков разгромили. Пришла колонна из Грозного. Мы, кто остался жив, поехали на КамАЗах искать своих солдат. Нашли их в большой яме. Они были зверски убиты. Лежали совсем голые. В головах, ту-

ловищах и ногах были отверстия. Мы погрузили всех в КамАЗы и их увезли в Ханкалу на опознание.

Некоторых мы сами могли узнать только по жетонам на шее, которые сами делали перед выездом из части в Чечню. За какие-то 4 минуты боя наших погибло более 30 человек. Для меня это было настоящим адом.

Вот все, что я могу вам написать про своих друзей, с которыми служил плечом к плечу. Больше я про них ничего не слышал. Нам потом говорили офицеры, что некоторых опознали, а других отправили в морг, который находится в г. Ростове-на-Дону.

Извините за ошибки и мазню. Я очень волновался, когда писал. Просто мне страшно было вспоминать о том, как мы там воевали. До свидания. Напишите ответ, пожалуйста. Я буду ждать. Олег. 23.02.97".

...В конце мая Блохины снова отправились в Ростов-на-Дону. Отцовское сердце болело: останки сына не опознаны, не преданы земле.

Возвращаться опять пришлось ни с чем.

Приехав во Фряново, Александр Федорович еженедельно ходил на телеграф, настойчиво продолжал звонить в лабораторию. В ответ звучало до боли знакомое: "Ждите!" А ждать и догонять, как известно, хуже всего.

И только 4 ноября 1997 года в Щелковский РВК пришла телефонограмма. В ней сообщалось, что родственникам рядового Блохина П.А. следует срочно выехать в Ростов-на-Дону.

Работники лаборатории уже ждали Александра Федоровича. Выдали необходимые документы и... все, что осталось от сына. В свидетельстве о смерти запи-

сали диагноз: "Высокотемпературная травма с тотальным обугливанием тела". Заряд, выпущенный боевиками из гранатомета, попал в отсек БМП, где находились боеприпасы. Можете себе представить, что там осталось от людей...

Хоронили Павла со всеми воинскими почестями. Из части, где когда-то служил оператор-наводчик рядовой Блохин, проводить боевого товарища в последний путь приехал заместитель командира роты по работе с личным составом старший лейтенант Евгений Никулин. Несколькими днями он жил в семье Блохиных, много рассказывал о Паше. Немало горя пришлось хлебнуть и самому офицеру на той страшной чеченской войне.

... Отгремели над могилой автоматные выстрелы прощального салюта в память о погибшем солдате. Минорной мелодией похоронного марша отзвучала медь военного оркестра. Третьей стопкой, молча, не чокаясь, будут теперь поминать Павла Блохина его сослуживцы, однополчане. На гранитной плите мемориала, установленного в военном городке г. Зеленокумска, высечена и фамилия фряновского паренька, сложившего голову на поле боя.

Никогда не сыграет больше Пашка на новой концертной гитаре, которую купил перед самой армией. Не услышат его песен закадычные друзья Володя Белов, Рома Иванов, Петя Черников. Не поцелует парня любимая девушка Аня.

Вечная тебе память, солдат! Пусть земля подмосковная будет для Павла Блохина пухом!

**Майор
Геннадий ШАХОВ**

На подписание контракта его подбивать-агитировать не пришлось — сам решил продолжать службу в должности инструктора. Командование получило прирожденного разведчика-профессионала, спокойного, рассудительного, выдержанного и в то же время способного принимать правильное решение, действовать смело, осторожно и, главное, результативно. Дневал и ночевал в роте. Ни домом, ни семьей обременять себя не спешил. Перед последней командировкой получил комнатку в общежитии.

...В 95-м выполняли задачи под Новогрозненским. Боевая активность дудаевцев несколько снизилась. Наша "пехота" занималась повседневными делами в пунктах временной дислокации, на заставах, вела досмотр на блокпостах. А разведка... Разведка, как ей и положено, ежедневно и еженощно уходила в рейды в "зеленку", выискивая базы боевиков, тайники с оружием, уничтожая подпольные нефтеперегонные заводы, устраивала засады на тропях и дорогах, вела наблюдение.

Не одну сотню километров исходил, изъездил, исползал по Чечне и сержант Игумнов. В октябре 95-го, сразу после бандитского покушения на генерала Анатолия Романова, часть перебросили в Грозный. Владимир прибыл туда с самой дальней заставы. И через день ушел в свою первую анτισнайперскую засаду. Дело в том, что "духовский" стрелок задолбал пункт временной дислокации бригады — никого, слава Богу, не убил, но житья не давал, всем нервы измотал. В паре с Владимиром в тот раз работал сержант Александр Лукин (позднее он будет награжден орденом Мужества).

Все понимали, что поединок снайперских пар в городе — дело смертельно опасное. Здесь или — или... "Дух" выстрелил первым и тем себя обнаружил. В ответ щелкнула "эсвэдэшка" разведчиков. Чеченец перестал стрелять в сторону военного городка, ввязался в смертельную игру. Дуэль началась...

Володя с Сашей вернулись в темноте. Живые и невредимые. А что стало с "духом", неизвестно. Похоже, получил свою пулю... Но разведчики категорично не утверждали, не в их правилах выдавать желаемое за действительное. Но впредь бойцов бригады "дух" не тревожил. А значит, разведчики задачу выполнили...

Работы в те дни хватало: надо было изучать новый район дислокации бригады, помогать в сопровождении колонн. Говоря языком военным, проводились поисково-разведывательные мероприятия, шла реализация разведанных. А по-простому — каждый день ходили в обнимку со смертью, когда не знаешь, за каким углом ждет тебя бандитская засада, заложенный фугас или растяжка.

Многие вздохнули с облегчением, когда услышали долгожданное: "Замена!" Володя тоже вздохнул и... остался на второй срок. В подразделении некомплект личного состава, вновь прибывшие не знали район боевых действий, обстановку в городе. Короче, не захотел он подставлять необстрелянных...

В черном марте 96-го хлебнули лиха. Разведчики бились на печально знаменитой Минутке, в других местах. В пункте временной дислокации он помогал организовать оборону, засекал огневые точки "духов".

7 марта в военный городок пробилась очередная колонна с ранеными и погибшими. Не успели заглушить двигатели, как начался новый сильный обстрел. Двое были ранены вторично, пули достали бойца-спецназовца, наводчика "зушки". Бандиты били с крыши республиканской больницы, оттуда военный городок как на ладони. Сержант Игумнов занял более-менее удобную позицию для ответного огня. Вот они, бандитские трассеры из окна. Туда — очередь, вторая. Есть! Вдруг заговорил пулемет из-за вентиляционной коробки на крыше. Володя заряжает подствольник. Щелк! Сверху полетели обломки кирпича и ключья окровавленной одежды...

Встретив дружный отпор, боевики отошли. Но передышка длилась недолго — вновь шквал огня накрыл военный городок.

...В медпункте его поначалу и не заметили. Раненых много, товарищи просят оказать помощь самым тяжелым. А он сидит в уголке молча, зажав кисть левой руки, закусив губы. Кто-то из медиков, склонившихся над очередным иссеченным осколками телом, бросил, оглянувшись вполоборота: "Володя, что у тебя?" — "Да ничего страшного, я потом..." А сам еще сильнее закусил губу, сжался в комочек. Только когда последний из привезенных бойцов был обработан, перевязан, сержант Игумнов подошел к медикам. Те глянули и ахнули — у разведчика на руке не было большого пальца...

Госпиталь во Владикавказе, потом в Ростове-на-Дону, отпуск по ранению. В части сказали, что представлен к награде. Мама, Валентина Михайловна, поглядев на искалеченную руку

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

сына, взглянув в его суровое не по возрасту лицо, всплакнула: "Володенька, сынок, может, хватит? Может, навоевался уже? У тебя ранение — имеешь право..."

"А может, действительно, хватит?" — была такая мысль и у него. Поделился сомнениями с сослуживцами. "Тебе решать, Евгений. Имеешь полное право и отдохнуть. Вон, и здоровые увольняются... Но если честно, нам без тебя будет тяжело..."

Эта последняя фраза, сказанная тихо, без нажима, определила его выбор в ту минуту. Остался. И снова улетел на Кавказ. Это было 26 июля...

* * *

*А если так случится вдруг,
Навек тебя покину, друг,
Не осуждай меня —
война тому виной.
Тебе наш ротный старшина
Отдаст медали, ордена,
В разведке
заработанные мной...
Подполковник Игорь Морозов.*

ТЕПЕРЬ ИЗВЕСТНО доподлинно — он сражался до последнего вдоха, пока теплилось сознание, пока руки могли держать автомат. Лишь когда силы оставили его, к разведчику, распластанному на изрытой пулями земле, смогли подобраться боевики. И добили его выстрелом в затылок...

Начиная с 5 августа, когда закружилась кровавая карусель в Грозном, Володя и его сослуживцы-разведчики не знали покоя. Днем — в разведдозорах впереди штурмовых групп, ночью — в неусыпном бдении на крыше в пункте временной дислокации, где, прячась за небольшими укрытиями из кирпича и

мешков с песком, вели наблюдение за перемещениями противника, отстреливали наиболее отчаянных "духовских" лазутчиков и снайперов.

8 августа он, как обычно, возглавил разведдозор.

Когда хитрая засада боевиков вдруг ошетибилась всеми своими стволами, Володя был отсечен от своих огнем противника. Этого могло не случиться, если бы не был ранен в первые же минуты боя. Скатился в придорожную канаву и принял последний бой.

В неглубоком укрытии он был прекрасной мишенью для пулеметчика боевиков, стрелявшего с третьего этажа высотки, с противоположной стороны улицы. Длинные и короткие очереди, которыми огрызнулся автомат разведчика, не позволяли "духу" вести прицельный огонь, К тому же разведгруппа, рассредоточившись и мало-мальски укрывшись, поддерживала товарища огнем.

Он попытался прорваться к своим. И они делали попытку вытащить сержанта. Но земля вокруг него просто кипела от врезающихся в нее пуль. Сержант Ринат Курмалиев бросил бойцам: "Вовка сам не вылезет — похоже, ранен сильно... Я попробую..." Во время очередной короткой перебежки Ринат будто наткнулся на невидимую стену, упал. Его ребята вытащили из-под пуль уже мертвым. Попытались пробраться к Володе под прикрытием дымов. Ветер, как назло, сдул дымовую завесу...

Сержант Владимир Игумнов погиб несломленным. Раны на груди и в затылке были смертельными. Разгрузник протерт до автоматных рожков от переползаний по асфальту...

* * *

ЕГО ПОХОРОНИЛИ на родине, в селе Хватовка Нижегородской области. В августе 97-го, в скорбную годовщину, собрались в доме героя-разведчика все, кто знал и любил, кто помнит. Кроме родни и друзей детства приехали двадцать пять мужчин в камуфлированной форме. Бойцы разведки и спецназа стояли перед матерью, отцом и двумя братьями Владимира, опустив головы, потупив глаза. Сами раненые, контуженые, опаленные, но живые, они будто бы винулись перед близкими друга за то, что не уберегли такого парня. Их никто не винул, все все понимали...

Валентина Михайловна держала на ладони два серебряных креста, два ордена Мужества. Володя свое мужество носил лишь в сердце. Орден он при жизни не дождался.

Алексей, средний брат, в армии уже отслужил. А младший, Сергей, попросился в часть, где служил Владимир. Узнав об этом, разведчики переглянулись: если парень хочет пойти по стопам брата, среди них будет и место, и помощь братская. Но войсковая разведка — дело нешуточное. Попал сюда — гордись, не попал...

**Майор
Игорь СОФРОНОВ**

*Приволжский округ
внутренних войск
МВД России*

Болевая точка

101-я бригада: Ставропольская одиссея

В декабре 96-го бойцы 101-й бригады покидали Грозный с развернутыми российскими флагами, свято веря в то, что страна не забудет их заслуги. Пролитую кровь, долготерпение. Но надежды на лучшую долю не оправдались. Судьба вновь подвергла служивых людей суровым испытаниям...

— Наверняка в сто первую? — увидев шеврон, означающий мою принадлежность к внутренним войскам, спросила соседка по купе — невысокая, худенькая старушка лет семидесяти. Получив утвердительный ответ, резко заметила: — Плохая слава идет о вашей части в городе. Нехорошие дела в ней творятся. Зачем солдат голодать заставляете?

— Да что вы говорите? — удивилась сидевшая рядом женщина.

— Замордовали бедных, вот

они и перестали командиров слушаться... Разве не правда? — нахмурилась бабушка. — А зачем тогда министр Куликов приезжал?

Я промолчал. Говорить о бригадных бедах не хотелось. Но попутчица оказалась назойливой.

— Молчите? Тогда я за вас отвечу, молодой человек. Распускать вашу сто первую будут. Комму нужны такие защитнички?..

Слухи о расформировании боевой бригады, выведенной из Чечни в Ставрополь, стали рас-

пространяться по городу после показа по каналу НТВ грустных сюжетов из ее повседневной жизни. Жалкий вид солдат, худые, грязные лица, исповеди избитых “дедами” и попавших в больницу молодых воинов вызвали бурю негодования. В высокие правительственные инстанции, редакции газет полетели гневные письма от родителей солдат, общественных организаций, самих военнослужащих. Жаловались на грубость командиров, произвол и беззаконие в распределении жилья, отсутствие нормальных условий жизни и уставного порядка в подразделениях, жестокость казарменных хулиганов. В середине ноября краевой центр посетили главком, а затем и министр внутренних дел.

Результат всем известен...

В степи под Татаркой...

До пригородного поселка Татарка, где до недавнего времени в полевом лагере дислоцировалась бригада, около двадцати километров. Вместе с офицером штаба, майором Владимиром Сидоровым (изменить фамилию он попросил сам: "Начальство житья потом не даст"), выехали утром и за час не одолели даже половины пути. Трасса — хуже не придумаешь: вязкая грязь, глубокая колея и постоянные рытвины. Не езда, а сплошное мучение.

— Пропади она пропадом, такая дорога! — ругнулся мой попутчик. — Слава Богу, закончилась эта нервотрепка! Наконец-то съехали с опостылевшего поля. Бывало, пока сюда доберешься, все на свете проклянешь! В штаб заходишь уже на взводе. Облаешь подчиненных, позлобствуешь, а уж потом только приступаешь к работе.

Такая прелюдия к началу рабочего дня у некоторых офицеров вошла в привычку. За время командировки убеждался в этом не раз. И виной тому — не только плохая дорога.

— А что делать, когда брань сама с языка слетает? Вы знаете, что такое Татарка? Богом забытое место! Вместо тропинок — месиво из глины, жилье — рваная палатка. Воды — не больше литра в день, кормежка — хуже некуда. Хоть зубы на полку клади, — горько сетует Владимир.

Водитель нашего "уазика" резко принимает вправо, пропуская машину, кузов которой набит домашними вещами.

— Наши переезжают, — пояснил майор. — Снимали на хуторе у бабок комнаты. Чтобы не

тратить зря время на дорогу в город, перевезли семьи. Теперь возвращаются обратно. Частые переезды уже никого не удивляют. Мотаемся с места на место не только мы с детьми и женами. Батальон материального обеспечения место дислокации менял трижды. Другие подразделения еще чаще. И все потому, что приткнуться куда-то надолго не можем. В Грозном все было по-другому. Заняли два городка, зарылись в землю, как положено, и ни шагу назад...

Поле, где стояли палатки бригады, было пустынным. О недавнем пребывании здесь военных напоминали оставленные кучи хлама да неразобренные постройки.

— Поселили нас сюда минувшей весной, — продолжил невеселый рассказ майор Сидоров. — Сказали — ненадолго. Выделенные помещения нуждались в реконструкции и срочном ремонте.

Пока было тепло, жили — не тужили. Сложившимся распорядком дня с нечастыми разводами на занятия и свободным времяпрепровождением даже были довольны. Почему бы и не отдохнуть после чеченского кошмара? Расслабуха устраивала всех. И в первую очередь местное руководство и строители, которые трудились совсем не ударно.

Недовольство проявилось позднее, когда зарядили дожди. Дороги размыло. Торчать здесь приходилось неделями.

Дожили до осени. Она выдалась холодной и дождливой, как и лето. На стройках затишье. Будущие казармы по-прежнему зияли пустыми проемами дверей и окон. Какое уж тут новоселье? Работнички, мать их!.. Ко-

гда в начале ноября ударил первый мороз, в палатках чуть дуба не дали. Ропот пошел такой, что наши бригадные полковники испугались. Быть бы бунту, да на наше счастье, с проверкой окружное начальство пожаловало во главе с командующим. Михаил Иванович Лабунец — мужик крутой, решение принял быстро: "Чтоб через неделю в Татарке никого не осталось".

Что тут началось! Выезжали целыми батальонами. Кто в Зеленокумск, кто в Астрахань, а кто и дальше. Заняли в частях округа все свободные теплые помещения. В Ставрополе остались мы — управление бригады да человек четыреста личного состава. В тесноте, да не в обиде.

Благоустраиваем и готовим здания к зиме до сих пор. Только теперь под неусыпным оком офицеров из округа. Няnek много и раньше было, а в итоге — дитя все равно раздетым оказалось. Подобные мероприятия однажды мы уже проводили. Тогда, в период своей первой зимовки, худо-бедно создали на заводе "Аналог", который является основной базой дислокации подразделений, более или менее сносные бытовые условия...

Ломать — не строить

Выговорившись, майор замолчал, погрузился в невеселые думы. Воспользуюсь паузой, чтобы рассказать о ставропольской одиссее 101-й подробнее. Первые подразделения бригады прибыли в краевой центр в декабре 1996 года. В январе передислокация была завершена. После недолгих мытарств

личный состав осел в помещениях заводов "Аналог", "Фрегат" и автоприцепов. Чуть позже в собственность бригады была передана территория домостроительного комбината. Добротные многоэтажные здания дорого обошлись казне МВД. На эти деньги можно было построить типовой военный городок. Но в связи с тем, что часть выводилась зимой и на новом месте военнослужащих не ждали, решили разместить людей сразу под крышей. Тогда же была достигнута договоренность о выделении из госбюджета 360 миллиардов рублей на обустройство выведенных из Чечни военных.

С наступлением тепла началась реконструкция зданий. Девиз был многообещающим: быстрее разрушим — скорее построим. Первую часть задуманного успешно реализовали. С выполнением второй половины намеченных планов возникли трудности. Темп начатых работ заметно снизился, а вскоре и совсем сошел на нет. Должностные лица из главкомата внутренних войск и Северо-Кавказского округа, ответственные за сдачу объектов в срок, забили тревогу.

— Пока денег нет. Изыскивайте резервы, — отвечали ходакам ответственные чиновники в аппарате правительства России. — Край богатый и вполне благополучный.

Представители внутренних войск стали частыми гостями в администрации и правительстве Ставрополя. Встречали их сердечно, слушали внимательно. Что же касается реальной помощи, то чаще всего она выражалась в моральной поддержке и сочувствии. Жадюгами и

скупердяями руководители краевой администрации не были, в нелюбимых падчерицах у них 101-я не ходила. Но суммы, которые выделялись из местного бюджета на бригадные нужды, были каплями, бесследно исчезающими в море бытовых проблем и хозяйственных неурядиц.

— Бригадой мы занимаемся с того дня, когда ее вывели из Чечни. И губернатор Александр Черноголов, и первый заместитель правительства Александр Коробейников, и наши сотрудники. Всем, чем можем, помогаем. Поставляем продукты, овощи, фрукты, пытаемся решить проблему с погашением долгов. Только одним строителям задолжали свыше 30 миллиардов, — обрисовал сложившуюся на конец октября ситуацию начальник отдела по военным вопросам краевого правительства Василий Бельченко.

Генеральный подрядчик развернувшегося строительства, акционерное общество "Ставропольмонтажпроект", понимая остроту возникшей проблемы с финансированием, обязал работать свои организации в счет будущих взаиморасчетов. Особо энтузиазма такая позиция у субподрядчиков не вызвала. Поэтому качество и темпы работ остались низкими.

Ноябрьский визит министра внутренних дел и главкома помог сдвинуть дело с мертвой точки. Выделенные правительством России средства позволили продолжить начатые работы. Сделать удалось многое. Ожили котельные, системы отопления и водоснабжения, освещения. Но график финансирования опять нарушился, поэтому закончить все работы, как на-

мечалось, к 25 декабря не удалось.

Для пуска в эксплуатацию помещений домостроительного комбината и завода "Аналог" на сегодня к уже затраченным 110 миллиардам рублей требуется еще около 20 миллиардов. Необходимое проектно-сметное обоснование подготовлено и направлено на рассмотрение в министерство. Эта сумма (если поступит в срок!) позволит уже в феврале большинству подразделений обрести постоянную крышу над головой. Тогда мытарствам придет конец. Компактная дислокация разрешит многие проблемы, связанные с бытоустройством, организацией боевой службы, учебы, значительно улучшит и оздоровит моральную атмосферу в воинском коллективе.

Но самое главное — наконец-то появится возможность сосредоточить основные усилия на выполнении задач по поддержанию стабильности в приграничных с Чечней районах.

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Ставрополь — Москва

(Окончание следует)

Полигон

Разведка больше, чем спецназ

Дежурный по учебному центру Минского ордена Красной Звезды полка внутренних войск МВД России, поджидавший меня у шлагбаума полевого КПП, судя по всему, не был лишен чувства юмора:

— Вам нужны разведчики? В таком случае вы напрасно их ищите здесь, в военном городке. Они вторые сутки где-то в глубине леса. Идите во-он по той тропинке, она должна вас прямехонько вывести к их землянкам. Правда, рискуете подорваться на растяжках, но это, сразу успокою, не смертельно, в худшем случае слегка оглушит. Мины-то не боевые — обычные имитационные средства. Хотя, знаете, всяко бывает... Но, с другой стороны, оно, замечу, и к лучшему, если подорветесь — значит, не заблудились, идете в правильном направлении: где растяжки, там, будьте уверены, рядышком и разведка.

В том месте, где, по словам дежурного, начиналась нужная мне тропинка, в действительности оказалось сразу несколько стежек. От упирающейся в шлагбаум неширокой лесной дороги они разбегались веером. По какой же идти? Выбрал одну наугад. Повезло — не ошибся. Впрочем, заплутать здесь было невозможно. И помогли не растяжки (их, кстати, незадолго до моего визита поснимали), а то, что именно в это раннее утро полковые разведчики готовились до следующего своего приезда сюда покинуть временный лесной лагерь. Поэтому, разогревая консервы, вопреки всем требованиям маскировки жгли небольшие костры. По запаху дыма, сдобренному аппетитным ароматом бурлящей на огне тушенки, я безошибочно и вышел на них.

— Сожалею, но самое интересное вы уже пропустили. Имею в виду ночной поиск, — такими словами встретил меня

на лесной опушке начальник разведки полка майор Олег Урбанюк. — Зрелищным, конечно, будет и сегодняшний, заключительный, этап учений, однако поиск, сами понимаете, есть поиск...

Не без огорчения развожу руками и прошу прояснить, чем же конкретно занимались минувшей ночью разведчики и что это вообще за учения, в которых они принимают участие. Оказывается, одиннадцать солдат и сержантов добровольно проходят через горнило квалификационных испытаний на право ношения зеленого берета — высшего, уступающего по престижности только краповому, символа отличия войскового разведчика. Вчера днем они сдавали силовые тесты, а также устные экзамены и зачеты. А вот ночью демонстрировали практические навыки работы в тылу условного противника. Так, от каждого требовалось в одиночку проникнуть в надежно охраняемый "вражескими" пикетами лесной квадрат, имеющий пло-

щадь три на три километра, в кромешной тьме и в течение ограниченного времени обнаружить там замаскированный объект, измерить его, а затем, предварительно восстановив разукрупленную для повышения сложности экзамена радиостанцию, передать центру точные топографические координаты важного объекта и его размеры, после чего также незамеченным (или с боем — это уже как у кого получится) перейти “линию фронта” в обратном направлении.

Майор Олег Урбанюк и все время находившийся рядом с ним командир подразделения старший лейтенант Александр Царенко (оба “краповики”) не скрывали своего удовлетворения: ко второму, самому трудному этапу испытаний никто из одиннадцати претендентов на зеленый берет из строя не выбыл.

Раскрываю блокнот и прошу перечислить кандидатов по фамилиям. Олег Урбанюк категорически возражает:

— В боевой обстановке у разведчика нет ни имени, ни фамилии, ни воинского звания. Есть известное только ему и его командованию боевое задание, которое он обязан выполнить даже ценой собственной жизни. Давайте сегодня играть по этим правилам. Отметьте потом лишь тех, кто придет к финишу.

Потери в своих рядах кандидаты начали нести на старте пятнадцатикилометрового марш-броска. До слез обидная нелепость: один боец, банальнейшим образом оступившись, растянул мышцы

ноги. Парень скрипит зубами от боли, но наотрез отказывается покинуть строй. Однако Урбанюк неумолим:

— Показного мужества мне не надо. Здоровье дороже. Экзамены проводятся два раза в год. Не повезло сегодня — повезет завтра.

Марш-бросок, предусмотренный программой обучения разведчиков, имеет мало общего с традиционными забегами, про-

сировании под огнем противника водных преград, в уничтожении бронированных целей... Иными словами, это напряженная боевая работа на протяжении всей дистанции.

Первое испытание — метров через пятьсот от линии старта: перехватить движущийся со скоростью не менее тридцати километров в час грузовик, на ходу запрыгнуть в кузов и так же на ходу десантироваться из него

Зеленый берет — достойным

водимыми чаще всего в дни спортивных праздников. Ну что такое обычный марш-бросок? При автомате, противогазе и пустом вещмешке ты должен где бегом, где шагом преодолеть дистанцию в шесть или десять километров. Тут важно одно — уложиться в нормативное время, и только. У разведчиков же другая цель — продемонстрировать в полной экипировке не только физическую закалку, но и тактическое мастерство в отражении нападений из засад, в фор-

для отражения атаки противника справа и слева.

Зачетное упражнение всей десятой разведчиков выполняется блестяще.

И снова команда: “Вперед, бегом — марш!”. С брони бэтээра сопровождения майор Урбанюк ежеминутно подгоняет подчиненных, не давая им расслабиться. Кто-то во время бега держит автомат не в боевом положении, кто-то решил тайком ослабить лямки бронежилета, кто-то за местностью следить

СЛУЖБА

перестал... Строгость офицера понятна: в реальной боевой обстановке такие вольности могут стоить разведчику жизни. Еще более жесток майор, когда оценивает выучку подчиненных при отражении нападений из засад и преодолении минных полей. С первого захода не получается. Через километр-два — повтор. Особенно крутые сюрпризы приготовил Урбанюк на узкой болотной тропе. Здесь он распорядился встретить кандидатов на береты плотным пулеметным и гранатометным огнем. Засевшему в засаде подразделению поджидаемая разведгруппа в камышовых зарослях не видна, однако вести прицельный огонь помогли сработавшие под ногами разведчиков сигнальные мины. В результате тем пришлось спасаться от "истребления" в труднопреодолимой топи. Что ж, сами себя наказали: не зевай, под ноги гляди...

Из болота на дистанцию ускоренного бега разведгруппа вышла в полном составе. Измученные, по пояс в липкой грязи и тине, все десять держались молодцами. Правда, один боец прихрамывал — умудрился утопить в болоте ботинок (забегая вперед, скажем: несмотря на это, паренек дойдет-таки до финиша и удостоится зеленого берета).

На скоростном участке, занявшем по времени около тридцати минут бега на износ и закончившемся на берегу неширокого канала, сумели "выжить" только восемь разведчиков. Двое сошли с дистанции. Не в силах были придерживаться общего темпа движения, а двигаться в одиночку, тем более с удобной только тебе скоростью, запре-

щено: в реальном бою это — смерть. Майор их не укорял. Кивком приказал забраться на броню и все. Экзамен-то исключительно для добровольцев. Уже само участие в нем, независимо от результата, — повод для уважения.

Около часа — движение по руслу густо заросшего ряской оросительного канала. Воды — по грудь, но ноги утопали в иле по самые колени. Однако и это нелегкое испытание майор не мог не подперчить: десять внезапных нападений отбили разведчики за час и выдержали три "газовые" атаки. При этом Урбанюк, как и прежде, не прощал им ни одной оплошности...

К пруду, который находился километрах в двенадцати от линии старта (его нужно было форсировать под огнем башенных пулеметов "вражеского" бэтэра), разведчики вышли без дополнительных потерь — восемь человек. С печатью смертельной усталости на лицах. Она-то, усталость, и подвела троих. Один из бойцов уже почти добрался до другого берега, и тут судорога свела ногу. От резкой боли рухнул лицом в прибрежный ил. Его вытащил и оказал первую медицинскую помощь напарник. Оклемался парень. Нашел в себе силы продолжить марафон. И даже попытался подбить БТР "супостата".

Двух других разведчиков покинули силы ровнехонько на середине пруда. Чуть было пузыри не пустили. Если б не нырнувшие в воду спасатели... Один из "утопленников" быстренько ожил и, оттолкнув спасателей, рванулся вперед. И достиг заветного берега. Несмотря ни на что. Мужчина! А вот его напарнику силенок не хватило. Но все

равно молодец, до последнего боролся.

А за прудом — учебный центр, до него рукой подать. Это — финиш марш-броска. Но испытания продолжают. На пути к заветным беретам последние четыре преграды: обкатка бэтэром, преодоление огненно-штурмовой полосы, силовые упражнения на перекладине (в полной экипировке нужно подтянуться минимум пять раз) и, наконец, девятиминутный рукопашный бой, где каждые три минуты твой противник уступает свое место свежему бойцу. Из семерых оставшихся в строю разведчиков только троим удалось устоять в этом жестком спарринге. Им, Сергею Романову, Ивану Толмачеву и Антону Карандашову, командир полка вручил зеленые береты.

Еще двое, ефрейтор Валерий Глазков и рядовой Максим Курьшев, удостоились беретов черных. Это — поощрительная награда. За волю к победе. И ребята были по-настоящему счастливы. Ну, может, чуть меньше лучшего трио — новоиспеченных "зеленых беретов", прошедших крепкое учебное крещение разведкой. Которая подчас больше, чем спецназ.

**Майор милиции
Юрий РЖЕВЦЕВ**
Фото Андрея СОКОЛИКА

*Северо-Западный округ
внутренних войск*

Приоритеты

Батальон как батальон

Боевая подготовка — главная задача!

Перестрелка — не безделка

ПОМНИТЕ у Лермонтова: “Два дня мы были в перестрелке. Что толку в этакой безделке?” В те времена и впрямь считалась пустяковиной огневая разминка войск накануне битвы стратегического масштаба. А сегодня даже локальная стычка с бандитами где-нибудь на чеченской границе вряд ли безделкой покажется. Тут каждый вражеский выстрел может стать роковым. Особенно для молодого, не нюхавшего пороху солдата. Вооруженные современными автоматами, пулеметами и “базуками”, натасканные на ведение снайперской стрельбы с использованием приборов ночного видения, боевики действуют наверняка. Им не надо вдалбливать требования из некогда клас-

сических цитатников: “Учиться военному делу настоящим образом!”, к примеру. Научились, ни дна им ни покрышки. Многие в войсках “духовскую” меткость на себе испытали. В том числе и бойцы из батальона, которым командует подполковник Юрий Попов.

...Это была вторая горячая командировка подразделения, сформированного в составе полка, ранее охранявшего исправительно-трудовые колонии, а незадолго до чеченской войны перенацеленного на выполнение оперативных задач. Так что офицеры, которые выросли как военные профессионалы в конвое под лозунгами, напоминающими о приоритетном значении боевой службы, уже успели внести для себя поправки в систему главных ориентиров. С учетом суровых реалий, заставивших изменить представление о месте и роли ратной учебы в войсковой жизни.

А поначалу, чего там скрывать, были серьезные проблемы с адаптацией к новым условиям. Не удивительно. Одно дело — ИТК, караул, вышка, тропа наряды по периметру объекта в тихом российском городе и совсем другое — застава, блокпост, сторожевое охранение в пылающем регионе, когда “справа мины, слева мины” и каждую минуту ждешь обстрела или нападения. Разница ощутимая. Но сказано же, не боги горшки обжигают.

“Вспоминается 2 августа 96-го года. Вечер. Застава живет в привычном фронтовом режиме. У бойцов ушки на макушке. Как говорится, готовность номер один к отражению возможного налета бандитов. И они не задержались с визитом, показали зубы. В 22 часа из небольшого ущелья со стороны Месхетов хлестнули транссирующие очереди. Одна, другая, третья... Не успели связаться по радию с базой, прекратилась стрельба. Стало тихо. Минут через двадцать — повторная долбежка. И так с небольшими интервалами — до полуночи.

Сразу возник вопрос: с какой целью "духи" затеяли демонстративный обстрел? Решили проверить боевые возможности вновь прибывшего подразделения? А может быть, это отвлекающий маневр для обеспечения прохода групп минирования на дорогу? Но в любом случае негоже отсиживаться под бандитскими пулями. Надо дать отпор врагу, чтобы отбить охоту к дерзким вылазкам. Такое решение было принято после доклада командиру тактической группы о наглом поведении непрошенных гостей и оценки обстановки в зоне ответственности заставы.

Как только заработали дежурные стволы, включая АГС-17, "душманы" мгновенно изменили тактику. Умолкли их пулеметы, и по нашим огневым точкам прицельно влупили снайперы. Уловка противника не застала солдат врасплох. Ведя огонь, парни действовали решительно и грамотно, как учили на занятиях. Очередь — быстрая смена позиции. Непрерывное наблюдение. Определение по звукам выстрелов и вспышкам местонахождения целей в момент стрельбы. Сосредоточенный огонь по команде. В ответ из темноты доносились крики "Аллах акбар!" и русский мат. Видать, крепко достали бандитов. Особенно расчет АГС порадовал. Гранаты, как по заказу, ложились в те места, откуда доносились чеченцы.

Интенсивная четырехчасовая дуэль закончилась для нас без потерь. Ни один солдат не получил даже царапины".

Так описывал ночной бой командир взвода старший лейтенант Игорь Савин, во время чеченской командировки — начальник заставы, контролиро-

вавшей участок дороги в районе Ножай-Юрта. После этой далеко не пустяковой дуэли подразделения батальона совместно с софринской бригадой участвовали в спецоперации по выявлению вооруженной банды — поддерживали огнем бойцов поисковых групп. При выполнении других задач не раз работали очень конкретно, опустошая автоматные и пулеметные магазины. И каждый раз возвращались на базу со щитом — целыми и невредимыми.

Нужны ли на войне конспекты

ВОЗМОЖНО, кто-то скажет: повезло солдатам и офицерам, уберегла военная судьба от осколков да пуль метких. Так-то оно так, от судьбы на войне не уйдешь — давно замечено. И все же вероятность потерь ниже там, где отцы-командиры неустанно пекутся о качестве ратной учебы, добиваются, чтобы каждый воин хорошо знал свой маневр, уверенно владел оружием. Известная с незапамятных времен, отлитая в формы высокоумных изречений, афоризмов, пословиц и простых, как штык, лозунгов, истина сия в годину суровых испытаний удваивает силу директив и приказов по вопросам обучения, продиктованных окопно-боевым опытом.

"Если бы мы годом раньше оказались в обстановке, которая сложилась на заставе под Ножай-Юртом в начале августа 96-го, не прошли хорошую школу во время первого выезда в Чечню, как минимум три БК с нулевым эффектом угрожали бы в беспорядочной пальбе на потеху бандитам. А главное — наверняка по-

несли бы потери, — поделился своими мыслями заместитель командира полка подполковник Сергей Черный, в ту памятную для батальона ночь управлявший с ЗКП огнем подразделения старшего лейтенанта Савина. — Среди чеченских снайперов двоечников нет. Солдаты рассказывали: только успеешь, меняя позицию после выстрела, откатиться с того места, откуда дал очередь, в аккурат туда пуля угодит. Даже в темноте "кукушки" с поразительной точностью нащупывали цели.

Не трудно представить итог перестрелки в случае бессистемной пальбы из окопов, когда молодежь не имеет элементарных навыков действий в составе отделения, взвода, каждый сам по себе — в ажиотаже строчит куда придется, забывая правила безопасности, подставляет голову под снайперскую пулю. Однако в части перед командировкой не сидели сложа руки, старались сделать все, что было в наших силах, для подготовки батальона оперативного назначения к выполнению боевых задач на территории Чечни.

В первую очередь, проанализировали уроки трудного для нас 95-го года и, скорректировав план боевой подготовки, увеличили объем учебной работы в полевых условиях. Накануне выезда в стреляющий регион провели боевое слаживание подразделения. Несмотря на то, что поджимали сроки, все, что нужно было сделать, сделали. И, как показали дальнейшие события, затраченные усилия не пропали даром.

(Окончание на стр. 37)

Военным журналистам посвящается ...

Состоялся первый открытый лично-командный чемпионат Москвы по рукопашному бою среди сотрудников правоохранительных структур, посвященный памяти Анатолия Ягодина. Главным инициатором и организатором проведения этих соревнований выступил Московский округ внутренних войск МВД России. И то, что состязания носили имя военного журналиста, сделало их еще значимей: для спортсменов и зрителей, для гостей и спонсоров. Но особенно для нас, его коллег, со многими из которых Анатолий работал бок о бок не один год. Трудился до 18 апреля 1996 года, до того рокового дня, когда бандитская пуля под Самашками навсегда оторвала его от службы, от семьи, от нас, от жизни...

Итак, чемпионат получил свое имя. Имя достойное. Однако посвящен он был не только памяти А.Ягодина, но и памяти его

коллег — спецкора "Красной звезды" Владимира Житаренко, погибшего на чеченской войне, и Валерия Глезденева, работавшего в газете Туркестанского военного округа "Фрунзевец" и не вернувшегося из Афганистана.

Идея провести первенство родилась давно, более года назад. А с октября 1996-го началась активная подготовка к ее осуществлению. Мысль об открытии такого своеобразного чемпионата

физподготовки и спорта округа подполковника Андрея Миронова и его заместителей майоров Валерия Безеля и Александра Ильичева позволили провести первенство на высоком уровне.

Сразу было решено, что все бои должны проводиться по правилам Национальной федерации рукопашного боя (НФРБ) России. У них есть принципиальное отличие от тех, по которым привыкли биться во внутренних войсках на разного рода соревнованиях или экзаменах на право ношения крапового берета. Это позволило собрать весьма представительный состав команд-участниц, которому позавидовало бы любое другое подобное первенство.

В течение трех дней в поединках встречались спортсмены в семи весовых категориях от 65 и свыше 90 кг. Было представлено большинство силовых структур страны: ФСБ России, Федеральная пограничная служба, ГУИН, ГУВД Москвы и Московской области, Московский юридический институт МВД РФ и др. Внутренние войска представляли ОДОН, две команды МОВВ МВД России и коллектив спортсменов Северо-Западного округа. Среди 110 участников было 15 мастеров спорта, 28 кандидатов в мастера и 68 имели 1-й и 2-й спортивные разряды. За команду Московского округа, например, бились серебряный призер чемпионатов мира и Европы по ашихара-кататэ Михаил Хмелевский (кстати, ему доверили право поднять флаг соревнований) и победитель прошлогоднего турнира "Русский бой" Владимир Юценко.

нашла полную поддержку и одобрение у командующего войсками Московского округа внутренних войск генерал-лейтенанта Аркадия Баскаева. Его непосредственная помощь, а также организаторские способности начальника отделения

ПОМНИМ

Все и всех по своим местам расставил последний день чемпионата. Он, как и следовало ожидать, оказался самым интересным и насыщенный. Пришло много зрителей. Пригласили вдову Анатолия Ягодина — Елену Анатольевну и сына Дмитрия, а также вдову погибшего в Чечне старшего лейтенанта Олега Ренева — Ирину, мать сложившего голову на той же проклятой войне рядового Юрия Кузнецова — Людмилу Николаевну и других.

Финальные бои прошли в бескомпромиссной борьбе. Самой же интересной, по мнению большинства, можно назвать схватку Маеддина

Все схватки проводились в универсальном спортивном комплексе школы "Самбо-70". По словам ее директора Рената Лайшева, проведенный турнир стал замечательным фактором воспитания его питомцев.

На предварительном этапе после двух дней соревнований были определены финальные пары. Секретариат также наметил команды-фавориты, которым судьи прочили победу на следую-

Герейханова, представлявшего Северо-Западный округ ВВ МВД РФ, и Артура Геворкяна, выступавшего за Московский округ. Поистине принципиальный спор: Питер или Москва? И тот, и другой спортсмен в предварительных боях продемонстрировал блестящую технику. Стоит отметить, что Артур все четыре подфинальные схватки выиграл у соперников чистыми победами досрочно. Но в финале, как говорится, коса нашла на камень. Питер Москву одолел. Маеддин выиграл красиво и уверенно. Однако соперники, не жалевшие друг друга на ринге, после награждения обнялись и с удовольствием позировали перед телекамерами. Вот уж действительно "О спорт, ты — мир!".

Для статистики перечислю победителей в личном первенстве: Александр Киселев (Академия ФСБ), Илья Поляков (Московский юридический институт МВД РФ), Маеддин Герейханов (Северо-Западный округ ВВ МВД России), Денис Попов (Академия ФСБ), Виктор Саенко (Московский округ ВВ МВД РФ),

Владимир Ющенко (МОВВ МВД России) и Алексей Ермолаев (ФСБ Москвы).

В командном же зачете первыми стали хозяева чемпионата — спортсмены Московского округа внутренних войск. На втором месте — команда ГУИНа. На третьем — представители Академии ФСБ. И финалисты, и команды-победительницы по-

лучили медали, кубки и ценные подарки. Специальный приз "За волю к победе" вручен Михаилу Хмелевскому. А сувенира "За лучшую технику" удостоился Артур Геворкян.

Организаторы позаботились и о том, чтобы не было серости и официоза. В перерывах между боями проходили показательные выступления знаменитых спортсменов и артистов. Акробаты, мастера художественной гимнастики и бодибилдинга демонстрировали зрителям свое умение. Звучала прекрасная музыка в исполнении ансамбля песни и пляски Московского округа внутренних войск. Настоящим же сюрпризом для всех стало вручение победителям наград артистом Борисом Галкиным и телеведущим Валдисом Пельшем.

Отныне чемпионат станет традиционным.

Геннадий КАЗАКОВ
 Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА и Андрея РОДНОВА

щий день. В их числе оказались представители спортивных коллективов МОВВ, Московского юридического института МВД РФ, Академии ФСБ и ГУИНа.

Лицом к проблеме**“Если офицер не сделает...”**

**Обсуждаем статью генерал-майора П.Лысикова
“Другого не дано, или Как изжить неуставщину”***

Истина, не вызывающая сомнений: состояние дел в подразделениях и частях целиком зависит от офицеров, их профессионализма, верности служебному долгу, умения трудиться не покладая рук. “Если офицер не сделает, то и никто не сделает” — эти слова генерала от инфантерии М.Драгомирова, которые приводятся в статье “Другого не дано”, сегодня, как никогда, актуальны. Творческий подход офицеров к делу помогает нашему коллективу добиваться неплохих результатов в вопросах укрепления воинской дисциплины.

Работа по профилактике неуставных взаимоотношений начинается с учебных сборов. А по прибытии новичков в подразделения каждому из них вручается “охранная грамота” — памятка с фамилиями и телефонами должностных лиц, к которым может обратиться любой пострадавший от казарменных хулиганов. Наличие такой памятки, конечно, не гарантирует стопроцентную защиту от обидчиков, но мысль о том, что “молодой” может пожаловаться, остужает горячие головы двадцатилетних “стариков”.

Выявление тех, для кого уставные требования как кость в горле, — основное направление в работе командиров по искоренению неуставщины. Хорошим подспорьем здесь служит ано-

нимное анкетирование. Оно проводится регулярно и является одним из основных источников информации для офицеров. Знание закулисной жизни подразделений помогает предотвратить многие беды. За примером далеко ходить не надо — именно анкетирование помогло вывести на чистую воду казарменного рэкетира, который обложил сослуживцев данью. К сожалению, такие факты сегодня не единичны. Различные поборы с молодых солдат стали обыденным явлением. Но жесткий контроль, установленный за задачей писем, посылок и переводов, помогает решить в части и эту проблему.

Анализируя сведения о совершенных проступках, офицеры убедились, что многие происшествия, связанные с неуставщиной, происходят в казармах на глазах у дежурных и дневальных. Лица суточного наряда не реагируют на безобразия, выступая в роли сторонних наблюдателей. А ведь согласно ст.308 Устава внутренней службы, дневальный обязан немедленно докладывать дежурному по роте о нарушениях установленных уставами правил взаимоотношений между солдатами и сержантами. Много ли тревожных звонков получает ответственный офицер или командир подразделения от ротных стражей уставного порядка за день? Увы. Они хранят упорное молчание, боясь прослыть среди сослуживцев стукачами.

И еще одним можно объяснить пассивность суточного наряда. В несущих службу у тумбочки привыкли видеть прежде всего уборщиков. Поэтому инструктаж перед заступлением в наряд настраивает солдат лишь на поддержание чистоты в помещении. Вот и получается, что отлично владея шваброй и тряпкой, дневальный не знает, какие действия ему нужно предпринимать для пресечения разборок между сослуживцами. Чтобы устранить этот недостаток, в систему подготовки суточных нарядов внесли новшество. Теперь на инструктажах с солдатами проигрываются различные варианты проблемных ситуаций и конкретных случаев неуставных взаимоотношений, которые могут возникнуть во время несения службы. При этом широко используется игровой метод: “Я, дневальный по подразделению, увидел... Мои действия...” Проводимые мероприятия, во-первых, повышают ответственность дежурного и дневальных за выполнение своих обязанностей, а во-вторых, дают командиру все основания строго спросить с них за сокрытие происшествий.

Инициатива и целеустремленность в работе, постоянный поиск офицерами подразделений новых форм и методов воздействия на подчиненных, уверен, помогут решить любую проблему, какой бы трудной она ни была.

**Майор
Александр ЕВСЕЕВ**

* На боевом посту, 1997, №10

Заочный "круглый стол"

Представляем рубрику "Заочный "круглый стол". В ней мы планируем рассматривать проблемы реформирования внутренних войск, вопросы организации воспитания личного состава и профилактики правонарушений, социальной защиты военнослужащих и организации досуга личного состава.

Принять участие в работе "круглого стола" может любой желающий, независимо от воинского звания, занимаемой должности, сроков и места службы. Приглашаем к разговору и ветеранов внутренних войск. Вам достаточно написать письмо в редакцию, рассказать об опыте разрешения вопросов по какой-то проблеме или высказать критические замечания и выслать свое фото.

Сегодня о проблемах работы офицеров-воспитателей и их профессиональной подготовки размышляют офицеры Московского округа внутренних войск.

Замполиты, политруки... А сегодня?

ратся в технике, мы пять лет готовим офицеров в училищах. Однако при этом смехотворное количество часов отводим на обучение работе с людьми. А ведь в системе "человек — машина" самым слабым звеном сегодня является человек. К такому выводу уже давно пришли за рубежом. Нет в мире такой армии, в которой бы не было структур, занимающихся воспитательной работой. Другое дело, что в каждой стране эти вопросы решаются по-своему. В Российской армии всегда был специалист, заботой которого был духовный мир человека, социальная среда его обитания. Назвать его можно как угодно: заместитель по воспитательной работе, капеллан, духовный отец. Несомненно одно: таких специалистов необходимо готовить в училище наравне с другими профессионалами.

У нас был неплохой опыт и солидная материальная база. Мое мнение — нужно восстановить подготовку офицеров-воспитателей в Санкт-Петербургском военном институте. Сейчас время другое, должен быть новый и воспитатель. Необходимо разрабатывать передовые методики, искать действенные формы воспитания. Я уверен, что придут и способные люди.

Но им необходимо помогать. Создавать рычаги

Иван СТОВБУН,
полковник, начальник факультета внутренних войск Военного университета МО РФ. Закончил Владикавказское высшее военное командное училище внутренних войск

МВД России, военно-политическую академию. Службу проходил на различных должностях политработников-воспитателей.

С ликвидацией военно-политических училищ прекращена подготовка заместителей командиров по работе с личным составом. К сожалению, ни один вуз таких специалистов сегодня не готовит. А их, безусловно, необходимо готовить. Если мы декларируем переход к профессиональной армии, то на любой должности в ней должны находиться профессионально подготовленные специалисты.

Для того чтобы научить водить танк и разби-

воздействия на подчиненных. Раньше воспитательный аппарат был мощным, высоким был и статус воспитателя. Была комсомольская и партийная организации, женсоветы, на которых он опирался в своей работе. Общественные организации, как никогда, нужны и сейчас. Должна быть общественная оценка деятельности человека. Как когда-то в деревне говорили: а что люди скажут? Никому не безразлично, что о нем думают и говорят другие. Если хорошо говорят — стимул в работе, осуждают — сдерживание от недостойных поступков.

Вообще-то, воспитателем надо родиться. Не каждый способен им стать, если даже вооружить его определенными знаниями. Вот таких людей, способных, необходимо выявлять сейчас в воинских коллективах и готовить на местах, в частях и соединениях.

Исследования показывают, что очень перспективным для Вооруженных Сил, внутренних и пограничных войск является специалист по социальной работе с военнослужащими и членами их семей в ранге заместителя командира подразделения, части. Социальная сторона нашей жизни более важная, она больше влияет на настроение. В его ведении может находиться и воспитательная работа. Для организации этой работы нужен человек, вооруженный знаниями военного юриста, медика, психолога, социолога, педагога, социального работника, менеджера, экономиста. Его поле деятельности — организация всей работы по решению социальных проблем военнослужащих и членов их семей, развитие социальной инфраструктуры подразделения, части.

Александр АНДРЮШИН,
подполковник, заместитель командира полка по работе с личным составом. Закончил военно-политическое училище, военно-политическую академию. Службу проходил на различных

должностях политработников-воспитателей.

Когда разрушилась вся система обучения и профессиональной подготовки кадров воспита-

телей и осталась одна военно-учетная специальность — командная, сама фигура воспитателя выпала из поля зрения не только командования полкового звена, но и вышестоящих органов. Хотя все понимали, что того педагогического багажа, который дает командное училище, для воспитателя явно недостаточно. Но вакантные должности воспитателей необходимо было заполнять, и критерий отбора был упрощен до предела: приходит лейтенант на службу, разговаривает ласково с бойцами, не грубит, от людей не бегаёт — назначаем на должность. Но сразу же сталкиваемся с проблемой: он не знает принципов планирования и методики составления документов, не знает, как организовать индивидуальную работу, как обучить своих подчиненных командиров взводов и сержантов методике воспитательной работы.

Заместитель командира части по работе с личным составом вынужден в полку создавать систему обучения воспитателей. Самая слабая сторона их деятельности — неумение спланировать, организовать и провести массовые воспитательные мероприятия. Они не имеют ни малейшего представления, что такое тематический вечер, устный журнал, как организовать и провести викторину. Самое сложное то, что им не у кого учиться. Все ротные воспитатели — выпускники командных училищ. Нет возможности прийти к кому-то и посмотреть, как это делается. Нас когда-то учили, что рота — центр воспитательной работы. Когда полк стали захлестывать неуставные взаимоотношения и самовольные оставления части, я собрал группу по работе с личным составом и сказал: «В центр воспитательной работы будем превращать полк. Все мероприятия будем готовить сами, проводить по подразделениям и учить ротных воспитателей». За два месяца мы подготовили и провели 24 различных мероприятия с участием командования части, военных юристов. Волну проступков и преступлений удалось сбить, но, к сожалению, действенность учебы заместителей по работе с личным составом оказалась низкой. Одни не хотели учиться, другим уже пришло время переходить на вышестоящую должность. На их место пришли новые, ничего не умеющие.

Система учебы ротных офицеров-воспитателей

СЛУЖБА

отработана уже давно. Контролируем занятия по общественно-государственной подготовке, другие мероприятия. Еженедельно, в день занятий с заместителями командиров по работе с личным составом, доводим анализ, даем рекомендации и учим планированию и методике организации воспитательных мероприятий. В этом году, впервые за последнее время, старший лейтенант Елисеев, назначенный на должность после окончания командного училища, провел показательные занятия по общественно-государственной подготовке.

Жизнь показывает, что инициативно работающий офицер отлично справляется с работой и в командной должности, и в должности заместителя по воспитательной работе. Старший лейтенант Куркин с желанием пошел заместителем командира роты разведки. С обязанностями справляется успешно. Его не нужно заставлять работать. Старается все делать сам. Если что не получается, подходит, спрашивает. Занимается самообразованием, читает специальную литературу. Я уверен, что из него получится и отличный командир роты.

Когда в роту связи на должность заместителя командира пришел старший лейтенант Клименко, почти все правонарушения, зарегистрированные в полку, были в этой роте. Офицер за работу взялся активно. И по итогам 1997 года показатели в роте по воинской дисциплине лучшие в полку.

Но так идеально бывает не всегда. Если выпускник училища на взводе не успел еще и получить очередную звездочку на погон, а его уже назначают на вышестоящую должность, это не нормальное явление. Он еще не состоялся как командир взвода. Был случай, когда офицер приходил и сам просился, чтобы его назначили на должность воспитателя, говорил, что всю жизнь мечтал об этой работе. А как только становился заместителем командира по работе с личным составом, сразу же менялся в худшую сторону. Или такой случай: на должности заместителя по работе с личным составом офицер работает не покладая рук, образец культуры в общении с подчиненными, а как только назначают командиром роты, его словно подменяют. Становится грубым, направо и налево шашкой размахивает, недоступен для подчиненных.

Александр БАТЬКОВ,

полковник, заместитель командира бригады по работе с личным составом. Закончил военнополитическое училище, военнополитическую академию. Службу про-

ходил на различных должностях политработников-воспитателей.

Заместителями по работе с личным составом бригада укомплектована почти на сто процентов. При назначении на должности ротных воспитателей предпочтение отдавали выпускникам Санкт-Петербургского военного института. С ними после выпуска были проведены специальные учебно-методические сборы. Большинство из вновь назначенных воспитателей с обязанностями справляются успешно. К выпускникам других училищ присматриваемся, анализируем результаты их работы на должностях командиров взводов. Сейчас стараемся придерживаться такой политики: каждый будущий командир роты должен пройти должность заместителя по работе с личным составом. Уже сейчас есть кандидаты, которых мы предлагаем на должности командиров рот. Естественно, сказать, что они стали профессиональными воспитателями, до тонкостей освоили эту работу, нельзя. Но они состоялись как руководители, как администраторы. Уверенно руководят ротами, им можно доверить самостоятельный участок работы.

В этой связи есть определенные сложности при подборе офицеров для батальонного звена. Самых способных к воспитательной работе мы назначаем в группу по работе с личным составом и готовим их на должности заместителей командиров батальонов. Даем им навыки работы с планирующими, отчетными документами, представляем возможность посмотреть на всю воспитательную работу со стороны. Это позволяет им анализировать, сравнивать, делать выводы и определить свои сильные и слабые стороны. В роте они этого получить не могут. Считаю, что в батальон такие офицеры приходят более подготовленными.

Мне доводилось работать с заместителями — выпускниками политического училища, сейчас работаю с выпускниками командных училищ. Есть существенная разница. И не только в подготовке. Выпускник политического училища уже с первых дней получает установку на то, кем он будет после выпуска. Он уже готовит себя к этой работе. Прибывает он в роту вместе с выпускником командного училища, и сразу же видно, что он на голову выше его. Он уже психологически подготовлен к этому.

Сейчас из-за низкого уровня профессиональной подготовки требования к воспитателям значительно снижены. Многие вновь назначенные на должность до определенного момента испытывают некий комплекс неполноценности. Не хватает опыта, маловато знаний. Неплохо получается у тех, кто экстерном закончил военное училище и имеет за плечами лет десять выслуги. К ним прислушиваются и солдаты, и молодые офицеры. У них уже есть жизненный опыт, который им очень помогает в работе.

В командных училищах всем приказам и директивам по организации воспитательной работы уделяется мало внимания. Выпускники знают, что должен быть план воспитательной работы, план индивидуальной работы. А как их составлять, каковы принципы организации всей этой работы не имеют ни малейшего представления. Не умеют они организовать работу по сплочению коллектива, с трудом находят индивидуальный подход к военнослужащим. В речи таких офицеров преобладают командные, волевые нотки.

Основными формами работы сегодня являются беседы, информации, занятия по общественно-государственной подготовке, индивидуальная работа. Такие формы агитационно-массовой работы, как читательская конференция, устный журнал, викторина, забыты напрочь. Воспитатели ротного и батальонного звена их подготовить не в состоянии. Если и проводятся такие мероприятия сейчас, то только в составе полка.

Если мы хотим сохранить институт заместителей командиров по работе с личным составом, если мы хотим повысить действенность воспитательной работы, надо целенаправленно готовить специалистов в одном из училищ.

Сегодня перед командиром внезапно возни-

кают задачи: как одеть, обуть, накормить личный состав. А воспитательная работа не приемлет компанейщины, она должна вестись наступательно, постоянно. Должен быть профессионал, который держал бы руку на пульсе, постоянно владел информацией о динамике процессов в коллективах, вовремя реагировал на изменения в поведении личного состава.

**Вадим
ЕВДОКИМОВ,**

капитан, заместитель командира батальона по работе с личным составом. Закончил Владикавказское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России. Служил в долж-

ностях командира взвода, заместителя командира роты по работе с личным составом, командира роты.

В процессе учебы в командном училище уделяется мало внимания специфическим вопросам организации воспитания в подразделении. Поэтому многих ее нюансов я не знаю, и кое-что приходится постигать самому. Часто вынужден обращаться за советом к опытным воспитателям, которые получили базовую подготовку в политическом училище или академии. Вспоминаю, как работал мой первый замполит старший лейтенант Блинов, выпускник ленинградского училища. Это был действительно профессионал, в этой работе чувствовал себя как рыба в воде. Он знал, как подойти к солдату, как его разговаривать, как на него повлиять. Прекрасно владел формами и методами воспитательной работы и умел организовать мероприятие.

Замполитам раньше было легче работать. Они были лучше подготовлены профессионально, общая организованность и состояние воинской дисциплины в подразделениях были высокими. Одно из основных нарушений, которые допускали тогда солдаты, — употребление спиртных напитков. Сейчас некоторые даже разбоем занимаются.

Если когда-то замполиты в военных училищах

изучали формы и методы воспитательной работы, то нам сегодня до всего приходится доходить самим, на практике проверять действенность тех или иных форм работы. Планируем беседы, организуем встречи с работниками прокуратуры, в выходные дни посещаем памятные и культурные места Москвы. Очень действенной формой является поддержание тесных контактов с родителями. Рассказываем им об отношении сыновей к исполнению воинского долга. Очень часто и они нам дают ценную информацию, по которой принимаем меры по профилактике правонарушений.

Считаю, что готовить офицеров по работе с личным составом необходимо в училище.

Дмитрий СИДОРЧЕВ,
лейтенант, заместитель командира роты по работе с личным составом. Закончил экстерном Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России. В этом же полку проходил срочную службу, затем был старшиной роты, командиром взвода.

Когда я служил срочную службу, к работе заместителя командира роты не присматривался. Сейчас, когда сам стал ротным воспитателем, почувствовал, что мне недостает примера для подражания. Заместитель командира батальона помогает, но более близко я вижу работу командира роты. Наверное, в вопросах организации служебно-боевой деятельности, индивидуальной работы немного копирую его. Это, по-моему, болезнь всех воспитателей, экстерном закончивших военное училище. Если остаюсь за командира роты, то с обязанностями справляюсь неплохо. А вот с планированием воспитательной работы есть некоторые трудности. Знаю, что необходимо проводить мероприятия по укреплению воинской дисциплины, по профилактике дисциплинарных проступков, травматизма. Но вот обеспечить комплексный подход, разнообра-

зить формы и методы работы не всегда удается. Поэтому зачастую все сводится к универсальной форме — беседе. И с солдатами, и с подчиненными офицерами.

Сейчас с помощью командира роты постигаю методику индивидуальной работы с солдатами и сержантами. Мне кажется, что получается неплохо.

Вместо послесловия.

Подготовка и переподготовка офицерских кадров органов по работе с личным составом внутренних войск МВД России постоянно находится в поле зрения руководства войск. В конце прошлого года на военном совете был рассмотрен вопрос о совершенствовании стиля и методов работы офицеров. Аналогичная тема была обсуждена и на научно-практической конференции. Итог актуального разговора по этой проблеме был подведен приказом главнокомандующего внутренними войсками МВД России. Переподготовка офицеров для назначения на должности заместителей командиров подразделений по работе с личным составом организована на базе курсов усовершенствования офицерского состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск. Трехмесячное обучение будет проводиться по программе дополнительного профессионального образования "Организация морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России". Выпускникам будет выдан диплом и предоставлено право заниматься профессиональной деятельностью по данной специальности

Подготовил к печати
подполковник
Иван МУЧАК

В истории России православие всегда играло важную роль в воспитании лучших качеств национального характера, способствовало установлению мира и согласия в Российском государстве. В последнее время не без личного участия министра внутренних дел генерала армии Анатолия Куликова стали теснее связи МВД и Русской Православной Церкви. Было подписано Соглашение о сотрудничестве между МВД России и Московской Патриархией. Инициатором и вдохновителем таких контактов является протоиерей Федор Соколов. Военнослужащим Московского округа внутренних войск МВД России этот человек хорошо известен — отец Федор уже несколько лет является их заботливым духовным пастырем, напутствующим на ратную службу во благо Отечества. Анатолий Ягодин первым из журналистов внутренних войск близко познакомился с отцом Федором, готовил с ним материалы на темы религии, воспитания. После гибели Анатолия в Чечне настоятель Храма Преображения Господня в Тушине взял духовное шефство над его семьей, навещает их дом, читает в скорбные годовщины молитвы и над могилой Анатолия.

Отец Федор — частый гость в Московском округе ВВ МВД РФ. Для командования округа общность интересов с Русской Православной Церковью не веяние моды, а требование времени. В стране разброд и шатания, экономика, словно подбитый самолет, не может выйти из затянувшегося шторма, люди не знают, как жить дальше. А все потому, что наш народ после развала Советского Союза остался без своей идеологии, без того цементирующего раствора, который скрепляет камни большого здания, именуемого Российским государством. Об этом наш нештатный корреспондент старший лейтенант Григорий СИМОНЕНКО беседовал с отцом Федором.

Протоиерей ФЕДОР СОКОЛОВ:

“Воинская служба — ДЕЛО БОГОУТОДНОЕ”

— Отец Федор, вы частый гость у наших воинов, вот и недавно присутствовали на открытии часовни у штаба Московского округа внутренних войск. Для вас такие встречи — служебные обязанности, официальные мероприятия?

— Не только. Воинская служба мне знакома не понаслышке. Двадцать лет назад я был призван в ряды Вооруженных Сил. Оба мои брата тоже служили срочную службу. К тому же, это стезя моего отца, который прослужил в армии с апреля 1941 года по сентябрь 1946 года, а мой дядя, призванный восемнадцатилетним юношей, пробыв на фронте всего неделю после окончания военного училища, погиб в 1943 году под Калугой. Так что служба по присяге не просто долг перед Родиной — она священна для меня и моих родных.

Второе, что роднит меня с воинами, — это то послушание, которое на меня возложено Святейшим Патриархом Алексием II. Два года назад был создан Синодальный отдел Московской

Патриархии по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Председатель этого отдела — епископ Красногорский Савва (Волков), я — его заместитель. Еще раньше — с 1992 года — Святейший Патриарх Алексий II направлял меня на мероприятия, проводимые с воинами и сотрудниками милиции. Их общество мне нравится, работать с ними мне интересно. Попечение о душах воинов — дело ответственное и сложное сегодня. Россия на перепутье — какую идеологию выбрать? А мы тверды в своих духовных и нравственных устоях, проповедуем традиционную для нашей страны веру.

— Расскажите, пожалуйста, о своей солдатской службе.

— В душе моей, как и многих сверстников, царил юношеский романтизм. Привлекала служба в воздушно-десантных войсках. И Господь услышал мои просьбы — я был направлен в учебное подразделение 44-й воздушно-десантной дивизии. Стал сержантом. Наверное, неплохим, потому что оставили служить в

той же "учебке", в Литве. Сейчас там не осталось наших частей, они передислоцированы в регионы России. Что такое быть сержантом в учебном подразделении ВДВ — вам ли, военным, это объяснять...

— Признайтесь, отец Федор, могли бы вы тогда подумать, что в воинских частях будут открывать храмы и часовни, такие, как в нашем округе? Часовня, которую наши солдаты и офицеры получили в дар, вам нравится?

хранения памяти ничего не жалко, пусть и часовня стоит памятником. Те материальные средства и труды художественно-производственного предприятия Русской Православной Церкви в Софрино, что затрачены на внутреннее убранство часовни, все равно не покроют нашего долга перед павшими братьями.

— Кто и когда будет проводить службу в часовне?

— Очень добрые отношения у штаба Московского округа внутренних войск сложились с отцом

насущная потребность прийти в то место, которое освящено и где все располагает к молитвам.

По нашим канонам, правилам христианской веры православные люди должны день и начинать с молитвы, и оканчивать молитвой, а также молиться перед каким-то важным делом, например, перед заступлением в караул или перед боевым походом. Церковь всегда напутствовала своим благословением ратников, воинов, уходящих на поле брани. И чтобы построенная часовня не превратилась в музей или немой памятник, верующим солдатам должно предоставляться немного времени — утром и вечером — для молитв в часовне.

Пример тому уже есть — так выполняет свои функции гарнизонный храм 1-й бригады связи Министерства обороны в Химках. Два года назад этот храм был также открыт и освящен Святейшим Патриархом Алексием II, и православные юноши в военной форме имеют условия для утренней и вечерней молитвы. В воскресные и праздничные дни, в церковные праздники туда, по согласованию с командованием, приезжает священник. Я надеюсь, что открытие часовни у штаба МОБВ не станет мероприятием, о котором отрапортовали и забыли.

Часовня должна жить. Но ни в коем случае не по команде. Не нужно строим идти на молитву. У меня был такой случай, когда командир бригады завел всех своих подчиненных в актовыв зал на занятия по общественно-государственной подготовке и объявил: "Сейчас перед вами выступит священник Русской Православной Церкви. Всем достать ручки, блокноты и записывать каждое слово, которое скажет вам отец Федор". Меня

Разговор о службе, о вере...

— Да, часовня Святого Георгия Победоносца просто замечательна. Ее великолепное внутреннее убранство делает ее похожей даже не на приходской храм, а на собор. Когда я впервые вошел туда, первая мысль была: а не слишком ли это помпезно для часовни? Но меня успокоила другая мысль: ведь эта часовня построена в память о наших воинах, погибших в горячих точках. А уж кто-кто, а они достойны именно такой памяти, какая отразилась в благолепии этого маленького храма. Для со-

Марком (Клименко), настоятелем Храма Святителя Филиппа. Этот храм находится на проспекте Мира, недалеко от вашего военного городка. И я надеюсь, что отец Марк будет охотно приезжать к вам и проводить духовные беседы с воинами.

Мы не будем навязывать всем православной веры. Но сейчас в войска приходит служить все больше юношей, которые осознанно крещены перед призывом на службу или еще в младенчестве, юноши, выросшие в верующих семьях, и у них есть

такая прелюдия к духовной беседе просто шокировала. Я, конечно, попросил солдат убрать свои конспекты, сказал, что в зале могут остаться только те, кому это интересно.

У нас принцип такой: кто хочет, тот участвует в церковных службах и мероприятиях, причем, во время, свободное от исполнения воинских обязанностей. Нельзя нарушать порядок в армии. Наряд, командировка, боевая подготовка — первым делом. Что бы ни случилось — будь добр, выполняй присягу. Два года ты должен прослужить, как требует устав.

— Как осуществлялось попечительство церкви над армией раньше и что надо сделать, чтобы возродить его сегодня?

— Прежде существовал институт полковых священников, был пресвитер армии и флота, который наблюдал за деятельностью шестисот таких священнослужителей. В каждом полку был свой духовник, но не каждый полк мог позволить себе иметь свой храм. Их роль выполняли полковые палатки, которые устраивались под храм, перемещались из одной воинской части в другую. В 1917 году этот институт был упразднен, но сейчас преждевременно его возрождать. К этому не готов офицерский и генеральский состав Минобороны, внутренних и пограничных войск, МЧС, ФАПСИ. Наши государственные, военные руководители выросли в атеистическом государстве. Они никогда прежде не открывали Священного писания, не знают молитв, и лишь кое-кто в наше время по своему желанию общается к православной вере. А это путь нелегкий, нескорый. И мы не должны допустить, чтобы наши священники, которые от-

вечают за духовное попечение в армии, заменили собой офицеров-воспитателей, офицеров-психологов. Пусть каждый офицер занимается своим делом. Священник же отвечает за душу человеческую, и, если есть такая потребность у солдата или офицера, он может, как это уже делается в некоторых воинских частях, прийти к духовнику на сакраментальные беседы и разрешить свои внутренние переживания, связанные с пресловутыми неуставными взаимоотношениями, семейными неурядицами или моральной усталостью от напряженной воинской службы.

Церковь учит терпению. Например, цель поста — воспитать в человеке волю. Поэтому человеку, который идет в армию, уже соприкоснувшись с основами христианской жизни, легче и проще, чем человеку неверующему.

Церковь учит послушанию. Апостол Павел говорил: "Нет власти не от Бога". Каким бы командир ни был, ты должен терпеть и выполнять приказания. За выполнение неправого приказа грех ложится не на солдата, а на его начальника. Любую обиду солдат должен стерпеть, если это касается лично его. Но не возбраняется встать на защиту других, если сам не имеешь в этом корысти. Заповедь Христова гласит: "Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую". Но это, если касается лично тебя. Толстой был не прав в своем "непротивлении злу насилием", потому что исключал заступничество даже за свою жену, мать. Это страшная ересь. Христос, Бог наш, повелевши нам молиться за обижающих нас и благоволить им, сказал, что большей любви никто не может показать

в этой жизни, как кто положит душу свою за други своя.

— Отец Федор, интересно, как становятся священнослужителем?

— Я потомственный священнослужитель. И передо мной не вставал вопрос: кем я буду? Это получилось естественным образом: я видел служение своего отца, а его служба проходила в то время, когда Русская Православная Церковь испытывала жесткий прессинг со стороны государства. Я видел чистоту жизни людей, которые с детства меня окружали. Поэтому и счел своим призванием, а не профессией — отдавать себя людям, Церкви и Богу. А уж если человек решил для себя, что иначе он жить не может, остальное очень просто. Он поступает, желательно после армии, в духовное учебное заведение. После семинарии, по успешном ее завершении, у него есть возможность поступить в духовную академию, потом — в аспирантуру. Духовное образование получают, как и светское, даже за рубежом. Но сейчас в нашем обществе такой духовный вакуум, столько невосделанной нивы, что я считаю несколько греховным длительное обучение. Мы должны идти к своей пастве.

— Есть ли случаи, когда офицеры оставляли службу и становились священниками? Приходилось ли вам общаться с такими людьми?

— Я каждый день общаюсь с таким человеком. Это священник нашего храма отец Константин. Он капитан запаса. Крестился он поздно, уже будучи офицером. Стал посещать храм в Новгородской области рядом со своей воинской частью, там и произошло его духовное возрождение. После окончания аспирантуры принял сан священни-

ка. Вспомним отца Анатолия (Чистоусова), погибшего в Чечне. Отец Сафроний (Смирненко) духовно заботился о наших воинах во время чеченской войны. Много, много таких. И для этого не обязательно заканчивать семинарию. В Москве есть Свято-Тихоновский богословский институт, где есть факультет для военнослужащих, которые в свободное время посещают лекции. Чаще всего это слушатели военных академий, которые приходят туда и постигают азы Православия. Сначала эти курсы были задуманы как одногодичные, но после первого года офицеры попросили продолжить их обучение — так сплотили и духовно обогатили их эти занятия. Теперь офицеры учатся на факультете два года. Такая же ситуация сложилась на факультете православной культуры при Военной академии Ракетных войск им. Петра Великого. Деканом здесь был назначен протоиерей Димитрий (Смирнов), а одним из преподавателей — отец Арсений (Владимиров). По настойчивым просьбам более сотни слушателей, уже получивших в прошлом году специальные свидетельства из рук Святейшего Патриарха Алексия II, открыли второй год обучения на этом факультете. Кстати, на факультете преподают и бывшие военнослужащие, принявшие сан. И это немаловажно: когда офицеры видят в священнике своего брата, который тоже носил погоны и знаком с военным бытом, преподавателю легче находить контакт с аудиторией.

— Проезжая по Волоколамскому шоссе, невозможно не обратить внимания на храм в Тушино. Расскажите немного о нем.

— История храма интересная и

драматичная. Построен он на территории села Спас-Тушино, откуда в начале семнадцатого века совершал набеги на Москву "тушинский вор" Лжедмитрий с польским войском. А еще раньше на этом месте находился монастырь, построенный в XIV веке при впадении реки Сходня в Москву-реку. Потом монастырь упразднили, храм обветшал, и на его месте в 1886 году построили новый по плану архитектора Грудзинского. Во времена "безбожной пятилетки" в 1935 году храм закрыли, но его настоятель еще два года тайно вел службу, пока обоих священников не расстреляли.

Храм хотели уничтожить, но промыслом Божиим он остался цел. Сначала там сделали склад артвооружения, а затем склад кондитерской фабрики. Когда умер Сталин и началась "хрущевская оттепель", жители окрестных сел обратились к властям с просьбой вернуть им храм. В ответ была взорвана колокольня и разрушен главный купол. В стенах храма сделали кинозал, библиотеку и танцплощадку. Но клуб просуществовал недолго, здание отдали строительному управлению. Семь лет назад храм вернули Русской Православной Церкви. Сейчас купол и колокольня уже почти восстановлены, работы на внешней стороне храма должны в следующем году завершиться, а вот реконструкция внутри будет вестись еще долгое время. При храме открыта воскресная школа, где по выходным 140 детей наших прихожан изучают Закон Божий, историю, поют в хоре.

— Мы знаем, что Русская Православная Церковь имеет свои награды. В музее художественно-производственного предприятия РПЦ в Софрино я видел красивые, укра-

шенные дорогими камнями ордена. Кто ими награждается и за что?

— Орден святого апостола Андрея Первозванного, учрежденный в канун 1000-летия крещения Руси, является высшим орденом Русской Православной Церкви. Им награждено всего несколько священнослужителей. Орденом святой равноапостольной княгини Ольги награждаются женщины, отличившиеся в служении Богу и Церкви. Орденом святого благоверного князя Даниила Московского награждаются за вклад, внесенный в укрепление Церкви. Он имеет три степени. Кстати, орденом святого Даниила третьей степени награждены командующий войсками Московского округа внутренних войск Аркадий Георгиевич Баскаев и его заместитель Георгий Владимирович Веренич, а орденом второй степени — министр внутренних дел России Анатолий Сергеевич Куликов.

Для священнослужителей есть и другие награды. Например, палица, которую вручил мне Святейший Патриарх Алексий II. Повышение в должности и звании для нас также является поощрением, как и для военнослужащих.

— Ваша должность — настоятель Храма Преображения Господня в Тушино, звание — протоиерей, как, примерно, соответствуют военным?

— Прямых аналогий, конечно, нельзя провести... Ну-у (смеется), где-то начальник штаба дивизии, полковник...

— Что бы вы, отец Федор, хотели бы пожелать читателям журнала внутренних войск МВД России?

— Мира, согласия и любви.

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

ЧИТАЯ КЛАССИКУ

Еще совсем недавно мы были свидетелями агрессивно-сокрушительной атаки новых устроителей нашей жизни на незыблемые основы отечественной государственности: на нравственные критерии общественного бытия, на профессиональных защитников Родины (от офицера до сотрудника милиции), на советскую литературу как на духовную прислужницу командно-административной системы и т. д. Многие в этом агрессивном отрицании прошлого напоминало вакханалию предреволюционных и постреволюционных лет России, когда, свергая самодержавие, сметали национальные святыни, сбрасывали «с корабля современности» Пушкина, Толстого, Достоевского...

Агрессивное невежество всегда покусается на вершинные достижения духовной культуры нации. Потому не удивительно, что нынешние атаки ведутся против А. М. Горького, В. В. Маяковского, М. А. Шолохова, А. Н. Толстого. Эхо деятельности разрушителей Советского Союза, а вместе с тем и духовных завоеваний культуры народов бывшего СССР, к сожалению, и по сей день все еще звучит в российских средствах массовой информации, и это не может не сказаться на духовном состоянии современника, особенно молодого.

Мне представляется одной из фундаментальных и первоочередных задач много лет обещаемой реформы в армии и других силовых структурах действенное «возвращение в строй» гражданственности, патриотизма, любви к Родине. Сделать

это возможно лишь в том случае, если руководство силовых министерств не на словах, а на деле заинтересованно привлечет к этой работе тех мастеров литературы и искусства, для которых понятия ратной героики, любви к Отечеству, к великому героическому наследию не риторическая фраза, а существо творческого труда.

Безусловно, первым среди равных в духовном обеспечении воина было и остается слово писателя: и того, кто ныне работает над героической темой, и, конечно же, того, чей клич «За землю Русскую!» слышен из глубины веков. Все это надо вновь поставить на службу делу духовного воспитания российской молодежи вообще и особенно той, что приняла присягу на верность Родине в рядах Вооруженных Сил.

Было бы наивным полагать, что художественное слово, адресованное юному гражданину, тут же откликнется в его душе необходимым для воспитателя эхом. Все значительно сложнее в этом взаимодействии человека с литературой и искусством. Тому немало примеров оставила нам история. В частности, известно, что один восьмидесятилетний старик писал: «Добрые люди не знают, сколько времени и усилий стоило иному, чтоб научиться читать... Я потратил на это восемьдесят лет и еще сейчас не могу сказать, что достиг цели».

Стариком этим был Гете. И его признания, конечно же, полемически заострены в споре с теми, кто видел в чтении всего лишь легкое время-

препровождение, кто не душой страдал над нелегкими судьбами героев произведений, кто не хотел вникать в философские размышления художника. А ведь без такого напряженного труда мысли и души нельзя говорить об умении читать. И если человек добивается этого умения, он становится счастливым: он проходит университет всего человечества, переживает в себе века. Больше того, понимает, что он не одинок в этом мире, что в нем и до него люди творили добро, жаждали знаний, вершили великие дела...

Помню, как удивили меня слова моего дедушки о том, что я, оказывается, старше его. "Как же так? — думал я. — Это он что-то не то сказал". Я попросил его разъяснить, что он имел в виду. Не помню дословно его ответа, но смысл сказанного им передаю точно. Мы живем с тобой вместе, говорил он, и то, что пережито мною и бабушкой, ты узнаешь от нас, постигаешь в общении с нами. Но еще больше о нашей жизни, о жизни наших дедов ты узнаешь из книг, которые читаешь. Настанет час, мы с бабушкой покинем этот мир, а ты будешь жить. Жить той жизнью, о которой мы уже никогда не узнаем. Вот почему ты старше меня.

Так впервые у меня сложилась, пусть не очень глубокая, но уже в основе своей цельная концепция взаимосвязи человека и мира. И сегодня с высоты прожитого и пережитого могу сказать, что привить человеку любовь к прекрасному, запечатленному в слове, в живописи, в музыке, может только профессионально подготовленный воспитатель. Его роль сводится не столько к умению заставить человека сидеть за книгой, сколько к умению пробудить в нем желание общаться с художественным миром классики, современности.

В этом общении у каждого возникают и свои суждения о прочитанном, увиденном или услышанном. В жизнь человека входят полюбившиеся герои. И тут мы имеем немало признаний, из которых я выбираю свидетельство поэта, трагедией ухода своего подтвердившего высокую пробу своей человеческой личности и всего созданного в поэзии, — Юлии Друниной. В статье "Ты лучше мне позавидуй!" она писала об образах женщин, наиболее дорогих ее сердцу.

"Всю жизнь не снимала с себя офицерского мундира героиня другой, далекой Отечественной войны двенадцатого года — легендарная "кавалерист-девица" Надежда Дурова. До самой смерти тосковала она по дымку походных костров, по скрипянию седел, хриловатым солдатским песням и даже по свисту клинков. "Есть упоение в бою..."

Надежда Дурова — образ, созданный жизнью. А вот образ, созданный художником, — Ольга Зотова из знаменитой "Гадюки" Алексея Толстого,

отчаянный "братишка", героиня гражданской войны, вдруг растерявшаяся и погибшая в мире, где стучат не пулеметы, а пишущие машинки...

Мне могут возразить, что вовсе не обязательно скучать на балах или быть "пишбарышней" — в любую эпоху можно найти себе настоящее, по душе, дело.

Конечно, можно. Но не Надежде Дуровой и не Ольге Зотовой — иначе не было бы их трагедий, не было бы их самих, их нетипичных, исключительных судеб".

Не случайны эти признания. Ведь и сама Юлия Друнина никогда не могла уйти из того чистого человеческого мира, что именовала фронтовым братством, фронтовой судьбой своего поколения.

*Все гущу о шинели,
Вижу дымные сны.
Нет, меня не сумели
Возвратить из Войны.
Да, летят, словно пули,
Как снаряды, года.
До сих пор не вернули...
Не вернут никогда...*

Засвидетельствовав начавшийся беспредел в родной стране, ощутив своей чуткой и легко ранимой душой крушение идеалов братства, она свела счеты с жизнью...

Истинного художника от ремесленника всегда отличала и отличает душевная отдача. И это не может не чувствовать внимательный читатель. Прочитанное начинает восприниматься им как нечто собственное, сокровенное.

Известно, что в день завершения четырнадцатилетней работы над "Тихим Доном", а было это в 1940 году, Михаил Шолохов долго не выходил к обеденному столу, где помимо домашних его ждали редактор романа Ю. Б. Лукин и давний друг писателя В. М. Кудашев. Жена, Мария Петровна, поднялась в его кабинет и увидела, что Михаил Александрович стоит у окна и смотрит на Дон. Она тихо позвала его. Когда тот обернулся, в его глазах стояли слезы.

"Что с тобой?" — спросила Мария Петровна. И он ответил: "Роман закончен..." — "Так радоваться надо!.." И тут прозвучало сокровенное: "А ты думаешь, мне их не жалко? Расставаться-то с ними каково?..."

А разве не с такими же чувствами мы расстаемся с полюбившимися героями книг, фильмов, спектаклей?!

Хотя почему расстаемся? Они уже никоим образом не оставляют нас, становясь незримой частью всего нашего духовного мира. И дают о себе знать в какой-то ответственный и значимый мо-

мент нашей жизни, произвольно, без нашей оглядки на них. Это и есть, с моей точки зрения, то самое воздействие литературы и искусства на душу человека, которое традиционно именуется их воспитательной ролью.

Проблема воспитания средствами литературы и искусства — одна из тех, которые дискутируются на протяжении всей истории человеческой. О ней спорят и наши современники. Одна из сторон в этом споре настойчиво спрашивает у своих оппонентов: почему ни двухтысячелетняя христианская проповедь, ни великие художественные открытия нравственно не преобразили людей? Другая сторона пусть не столь категорично, но убежденно отвечает, что без великих произведений искусства мир в нравственном отношении был бы значительно хуже и беднее. Единственное, что способно влиять на души людей, — это проповедь высоких идеалов посредством слова, музыки, живописи, скульптуры и архитектуры. В образах искусства как бы скрыта его преобразующая сила воздействия на человека. Поэтому невозможно представить себе жизнь без Шекспира и Пушкина, Бетховена и Чайковского, Андрея Рублева и Рафаэля... И эхо этого воздействия может быть неожиданным, непредсказуемым, а то и просто невероятным.

Вспоминаю одну из бесед с известным писателем Геннадием Александровичем Семенихиным. Он дружил с академиком Королевым, со многими космонавтами, о которых написал интересную диалогию “Космонавты живут на земле” и “Лунный вариант”. Он рассказал о случившемся с Сергеем Павловичем Королевым в далеком Магадане, где тот отбивал ссылку как “враг народа”.

Однажды в лютый холод к их лагерю подъехала полуполторка, из кабины которой выскочил лейтенант НКВД и приказал доставить к нему Королева. Известие вызвало интерес у заключенных. Они вышли из барака, чтобы посмотреть, что произойдет с Академиком, как они звали Сергея Павловича.

Рядом с лейтенантом находился начальник лагеря. Он-то и объявил, что Королева срочно вызывают в Магадан. Дорога туда была неблизкой, и Сергею Павловичу в старой телогрейке было бы несдобровать в кузове полуполторки, куда он забрался по команде начальников.

Вот тут-то и раздался голос одного из воров:

— Эй, Академик! Ведь дуба дашь... На-ка вот, — и сняв с себя полушубок, тот кинул его Сергею Павловичу.

Королев, рассказывал Геннадий Александрович, до конца своей жизни корил себя, что не узнал тогда имени своего спасителя...

Эпизод этот, конечно же, вызывает в нашем воображении сцену из пушкинской “Капитанской

дочки”, когда Петр Гринев дал встретившемуся на пути странному проводнику заячий тулупчик, чтобы тот не замерз в бурной степи. И как знать, не впитал ли в себя тот зек, спасший Королева, великие строки повести Пушкина?!

И еще вспоминается давний разговор в редакции одного из “толстых” литературно-художественных журналов. Речь шла о произведениях, где полно раскрылся героический характер соотечественника. Кто-то заметил, что такие герои, как в книге Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке”, романах Николая Бирюкова “Чайка” или Александра Фадеева “Молодая гвардия”, не проживут долго. Они-де одноцветны, даже плакатны.

В ответ прозвучал резонный вопрос:

— А как быть с былинными богатырями? Они ведь тоже одноцветны и в чем-то плакатны. Монументальны! Мы меняемся, а ведь они какими выписаны, такими и остаются в нашем сознании, в нашей памяти. Мы читаем про них, не скрывая своего восхищения их подвигами. Так как быть с ними-то?!

В самом деле, как?

На мой взгляд, это один из так называемых вечных вопросов. Всякий поворот истории позволяет людям как бы заново взглянуть на самих себя и вместе с тем по-новому открыть для себя бессмертные страницы произведений мировой и отечественной классики. Не случайно Иван Александрович Гончаров в статье “Милльон терзаний” заметил, что Чацкий в грибоедовской пьесе “Горе от ума” неизбежен при смене одного века другим, что всякое дело, требующее обновления, вызывает тень Чацкого. Сегодня мы, конечно же, иначе, чем их современники, воспринимаем А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Но без них и наша жизнь неполна, потому что их герои выражают самосознание не только своей эпохи.

Неостановимо время. Однако классике есть что сказать каждому новому поколению.

О вечности классики говорили многие. Напомню хотя бы слова Аллы Константиновны Тарасовой, народной артистки СССР. По просьбе редакции журнала “Молодая гвардия”, где я работал заместителем главного редактора, она написала для нас небольшое эссе, посвященное 150-летию А. Н. Островского. В нем она делилась тем волнением, которое испытывает актер, соприкасаясь с миром великого драматурга:

“Вчера на утреннем спектакле вновь мы играли “Без вины виноватых”. В зале были зрители всех возрастов, и большинство знали пьесу чуть ли не наизусть, чем она начинается и чем кончается. Но все равно чувствовалось, переживают ее горячо и глубоко.

— Я так плакала, — рассказывала мне одна зрительница.

— И я тоже, — отвечаю я ей.

И не могу иначе, потому что если вживешься в роль, созданную в пьесе Островского, то никогда не сможешь быть равнодушной. Всякий раз растрогаешься и удивишься ее полноте и подлинности.

С героинями Островского можешь идти сквозь десятилетия актерской жизни; будут меняться времена, эти смены обязательно отзовутся в рисунке ролей. Но одно будет неизменно: зритель всегда поймет тебя, всей душой отзовется на чувства, заложенные в классической пьесе".

Можно приводить еще немало свидетельств того, как живет в наших представлениях о мире классика и как она обогащает наши представления о себе самой. И пока жив человек, пока живет в нем чувство Родины, он неизбежно будет ощущать причастность к ее героической истории, благодарность тем предкам своим, кто отстоял свободу и независимость своего Отечества. И сам всегда будет припадать сердцем к лику героев, заряжаясь энергией героизма.

Каждый раз, когда думаю о подвиге русского человека, совершенном в бою, мне вспоминается один из эпизодов романа Л. Н. Толстого "Война и мир".

"Никто не приказывал Тушину, куда и чем стрелять, — пишет Л. Н. Толстой, — и он, посоветовавшись со своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню". "Хорошо!" — сказал Багратион на доклад офицера..." Генерал поехал дальше. Про Тушина... и батальон, прикрывавший его, было забыто.

А между тем забытой батарее удалось поджечь деревню и приостановить французов. Когда почти все главные силы Багратиона отошли, батарея Тушина заставила вспомнить о себе. Она продолжала вести бой с неприятелем, который уверовал, что именно здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских.

Дважды делались попытки атаковать батарею, и оба раза атакующие были отброшены.

И вот тут-то мы вновь видим Тушина. "Маленький человек, с слабыми, неловкими движениями, требовал себе беспрестанно у денщика еще трубочку за это, как он говорил, и, рассыпая из нее огонь, выбегал вперед и из-под маленькой ручки смотрел на французов.

— Круши, ребята! — приговаривал он и сам подхватывал орудия за колеса и вывинчивал винты... Лицо его все более оживлялось... Солдаты, большей частью красивые молодцы... смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах".

Он был увлечен разгоревшимся боем, "не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось все веселее и веселее".

Не правда ли, как все буднично, просто, не приметно в этом описании подвига батареи капитана Тушина? А между тем мы не можем не ощутить духовного величия происходящего. Подчеркивая некрасивость, неуклюжесть своего героя, писатель как бы акцентирует внимание на его духовной красоте, заставляет сердцем откликнуться на происходящее с ним и его "ребятами". Поэтому Тушин не просто нам нравится. Он запоминается нам навсегда. В эпизодическом герое романа открываются такие глубины, такие черты, которые завораживают душевной красотой. Благодаря

чуду высокого искусства герой не воспринимается сам по себе: через него просматривается мир в свете нравственного и гражданского деяния. И наступает момент торжества героического поступка, проникнутого высокой патриотической идеей.

С вершины, имя которой "героический характер", человеку всегда открывались захватывающие дали свободной и прекрасной жизни, реально рисовалась извечная мечта о равенстве, братстве и счастье. Не о том ли были сказки и легенды, герои которых побеждали зло и утверждали добро, защищали свой народ от варварских набегов.

Привычка людей к почитанию и даже обожествлению героев определила и сам взгляд на историю как на историю героев, в характерах которых находили выражение наивысшие социальные и нравственные обретения разных эпох. И русская литература, обращенная к теме ратного подвига соотечественника, свидетельствует еще об одном очередном факте: в ней никогда не пропагандировалась идея захватнических, несправедливых войн. Главным ее героем был и остается патриот, защитник Отечества. На эту особенность русской литературы одним из первых обратил внимание еще М. В. Ломоносов, призывая поэтов, художников воспевать ратный дух, подготавливая юных соотечественников к защите священных рубежей своей Родины.

Граница для русского ратника всегда была связана с тем самым рубежом, на котором он оказывался в противостоянии захватчику. Как правило, рядом с защитником Родины, в гуще народного воинства находился и будущий летописец. И не суть важно, был это безымянный автор повести "Житие Александра Невского" или автор всемирно известных "Севастопольских рассказов"...

Была бы возможность собрать воедино всех вместе — и писателей, и их героев, какое многоцветье характеров предстало бы перед нами! Какие бы удивительные истории о боевом житье-бытье услышали бы из их уст; какое мастерство владения оружием, начиная от копья и меча, увидели бы воочию!

Между тем сказанное далеко не фантазия. Такую возможность собрать всех воедино дает нам сама литература, начинавшаяся в России именно со слова о подвиге народном в военных повестях X—

Вечер на Бородинском поле

XI веков. Путь русской классики — это, по сути, летопись героических свершений на историческом пути Отечества. Каждое из таких произведений вбирало в себя, в судьбы героев вехи национального самосознания. Писатели каждого очередного поколения, опираясь на традиции предшественников, выходили в освоении темы ратного подвига ко все новым глубинам. Целенаправленный поиск привел художественную мысль к пониманию народа как главного героя в историческом созидании. Выход к этой мысли был обусловлен верностью писателей правде жизни, которая утвердилась в русской литературе в качестве главного ее принципа.

Исследуя проблему развития героико-патриотической темы, можно на конкретном художественном материале представить, как возникал в ней образ воина, который в главных своих чертах воплощал в себе типические особенности защитника Родины. Постигнем мы это только тогда, когда будем опираться на собственный исторический опыт. Постигнем как современники и благодарные потомки.

Борис ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук

Приоритеты

Батальон как батальон *

Скажу больше: изыскивали возможности для проведения занятий и в пунктах временной дислокации. Тематические планы, расчет часов, расписания — все было, как на зимних квартирах. Вплоть до конспектов у взводных. Конечно, все это составлялось не в угоду проверяющим из вышестоящего штаба. Заниматься показухой в боевой обстановке даже неисправимому очковитрателю вряд ли придет в голову. Тут главная забота о том, чтобы людей сберечь, не допустить потерь. Поэтому офицеры относились к обучению подчиненных в высшей степени добросовестно и ответственно. Никакого сравнения с тем, что наблюдалось годом ранее. У нас ведь как порой бывает — пока не клонет жареный петух... Короче, многому научила война.

Что касается времени для боевой учебы, то его выкраивали, используя скользящий график организации службы. К примеру, один взвод заступает в боевое охранение, с другим проводится занятие по запланированной теме (кстати, тематика занятий была тесно увязана с задачами, ко-

торые батальон выполнял в горячей точке). Жизнь также заставила непосредственно в базовом центре провести подготовку водителей и наводчиков трех БТРов и пяти БРДМ, выделенных дополнительно к штатной бронетехнике. Усиленно тренировали и гранатометчиков, используя в качестве мишени разбитый тягач, по которому в нашей тактической группе только ленивый не стрелял.

Надо отдать должное солдатам — сачков среди них не было. Суровые будни заставили быстро уяснить простую истину: хочешь выжить — используй любую возможность для тренировок, экзаменовать тебя будет не командир — противник. За месяц БОН сменил семь пунктов базирования, у бойцов ладони покрылись кровавыми мозолями, но никого не приходилось силком тащить на занятия, дважды напоминать о важности боевой учебы".

Что ж, можно поаплодировать мысленно офицерам управления полка и батальона, сумевшим хорошо подготовить людей к действиям в горячей точке, наладившим учебный процесс даже в бивачных условиях.

Впрочем, я бы не сказал, что комбат и его боевые замы майоры Юрий Коновалов, Олег Балабанов, капитаны Сергей Сиухин и Сергей Чурков похожи на людей, которые привыкли почивать на лаврах, маленькими успехами заслоняясь от больших проблем. По мнению офицеров, нет повода раздувать щеки от гордости за свои достижения: результат боевой работы в Чечне был адекватен содержанию поставленных задач, вспомогательной роли БОНа в составе тактической группы, что вполне соответствовало уровню профессионализма командиров и солдат, технической оснащенности подразделения. А если придется действовать в ситуации по-настоящему крутой — отражать налет матерых диверсантов, натасканных иностранными спецнами, участвовать в операции по уничтожению крупной банды непримиримых или, не дай Бог, драться в окружении, хватит ратного умения для победы над опытным и коварным противником? Вопрос не праздный. Напряженная обстановка на чеченском кордоне не дает повода для оптимистических прогнозов.

* Окончание. Начало на стр. 16

Чтобы вернуться со щитом

ИТАК, к чему готовиться — сомнений не возникает. Место в боевом порядке временной оперативной группировки сил в Северо-Кавказском регионе батальоном уже обжито — после войны прикрывали участок тревожной чеченской границы со стороны Дагестана, а там в случае развития событий по буденновско-кизлярскому варианту одними перестрелками жаркое дело вряд ли ограничится. Стало быть, надо неустанно совершенствовать воинское мастерство, дабы успешно выполнить нелегкую миссию в зоне особого внимания и вернуться домой со щитом.

Как готовиться — тоже ясно. Смотри инструкции, директивы, наставления (в отличие от финансов и материальных средств дефицита в руководящих документах у нас никогда не было) и действуй в строгом соответствии с этими установками — не ошибешься.

А вот кого готовить? Тут впору чесать затылки. Подразделение не элитное, самое что ни на есть обыкновенное, рядовое. Одним словом, БОН как БОН. Это значит, никаких привилегий в комплектовании. Кого дают — тому будь рад. А из тех, кого дают, лучших отбирают для несения патрульно-постовой службы в специальный моторизованный батальон полка. Оно понятно, мужичок с ноготок, охраняющий общественный порядок на улице города, — урон авторитету МВД. А в окопе или на блокпосту сгодится. В общей массе таких же птенцов никто и внимания не обратит на тонкошеих пацанят, которым не то что автомат — штык-нож доверить страшно.

Кто готовит? Тоже проблема. Молодых офицеров приходится

учить азам военной науки. Как солдат-первогодков. Скажем, еще недавно из всех командиров во взводном и ротном звене привести оружие к нормальному бою мог только старший лейтенант Андрей Прудников, бывший армеец-десантник. И не вина его коллег, что, втягиваясь в службу, начинают с ликбеза: все они — выпускники гражданских вузов или вчерашние прапорщики, прошедшие ускоренные курсы подготовки офицеров. Опять же чем богаты, тем и рады: последний раз училища внутренних войск порадовали полк своими питомцами аж пять лет назад.

И еще вопрос на засыпку, в прямом смысле этого слова: на какой базе учить солдат военному делу настоящим образом? Стрельбище, оборудованное с расчетом на конвойный профиль полка, оказалось тесным для подготовки личного состава к выполнению оперативных задач. Его глубина не дает возможности тренироваться наводчикам БТР и БРДМ, расчетам АГС-17, нет условий для проведения занятий в составе отделения, взвода. Дышат на ладан подъемники мишенной, выслужившие все мыслимые сроки. Если не принять экстренных мер, придется брать на вооружение дедовский метод, сокрушаются офицеры: мишень приводится в движение руками показчика в траншее, результаты стрельбы определяются по количеству пробоин. Или еще проще — стрелковая тренировка без боеприпасов. Подержал боец в руках автомат, поклацал затвором — и ладно. Доучиваться будет в командировке, под пулями бандитов...

Горькая ирония. Но как по-другому рисовать будущее при отсутствии денег на развитие учебной материальной базы? Когда не от хорошей жизни при-

ходится урезать нормы расхода патронов на выполнение упражнений имитационных средств. В дефиците горючее, и водителей учат ездить в составе колонн... на стоянке, не заводя моторов. Надеяться на чудо? Напрасное это занятие. Батальон — маленькая частица войск, которые едва сводят концы с концами, получая из бюджета пятую часть от фактических потребностей. Элитные подразделения, и те подчас бедствуют.

“Худ талан, коли пуст карман”, — говорят на Руси. В данной ситуации оправданна лишь надежда на собственные силы, инициативу, смекалку, изобретательность. Было бы желание работать, не боясь перетрудиться на учебном поле. С этим, к счастью, проблем пока не возникает. Все офицеры с пониманием отнеслись к решению увеличить продолжительность полевых выходов. Творчески реализуется предоставленное командиру полка право корректировать установленные темы занятий с учетом особенностей служебно-боевой деятельности. Учеба в районе стрельбища организована в обстановке, приближенной к реальным условиям бивачной жизни, начиная с установки палаток, организации охранения и заканчивая выполнением тактических нормативов.

Планка требований к боевой подготовке поднята высоко. Разбег взят хороший, по верной дороге. Нужно сделать усилие, чтобы преодолеть высоту. Без финансового трамплина, на ветхой базе. Но пока не иссякла вера в собственные силы, батальон уверенно идет к поставленной цели.

**Полковник
Юрий КИСЛЫЙ**

*Московский округ
внутренних войск*

РЕТРОСПЕКТИВА

Имя в истории войск

23 февраля 1939 года страна отмечала 21-ю годовщину Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К этому дню было приурочено принятие всеми военнослужащими новой сталинской военной присяги. Готовились к торжественному мероприятию и бойцы внутренних войск, совершенно не подозревая, что за день до праздника в подвалах Лубянки пуля палача оборвет жизнь одного из начальников войск НКВД СССР Николая Михайловича Быстрых...

Увольнение отменить...

"Приказ НКВД СССР № 2506 от 16 декабря 1938 года в части увольнения бывшего заместителя начальника Главного управления Рабоче-крестьянской милиции... комиссара государственной безопасности 3-го ранга Быстрых Николая Михайловича отменить и считать его исключенным из списков личного состава за смертью в звании "комиссар милиции 3-го ранга" с 4 июня 1943 года".

Такой приказ подписал министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров 12 марта 1957 года.

Один раз прочитав эти строки, сразу и не поймешь, о чем идет речь. По меткому выражению одного из писателей, то было "время реабилитанса". "Хру-

щевская оттепель" возвращала обществу поруганные имена. И людей. Казалось бы, справедливость восторжествовала — оклеветанному и преданному забвению человеку, хоть и посмертно, возвратили его доброе имя.

Однако обман этим не завершился. Еще тогда, в пятьдесят седьмом, тем, кто занимался реабилитацией Н.М. Быстрых, было доподлинно известно, что дата его смерти и, главное, причина совсем другие...

Николай Михайлович Быстрых был чекистом старой, еще "дзержинской" закалки. До прихода в НКВД "лучшего друга и соратника вождя всех времен и народов" Николая Ежова Быстрых считался достаточно влия-

тельной фигурой в высоких наркоматовских кругах. Он возглавлял одно из ключевых подразделений центрального аппарата — Главную инспекцию по пограничной и внутренней охране и рабоче-крестьянской милиции при наркомате. Без учета его мнения не принималось ни одно из важных решений, касавшихся деятельности органов милиции, пограничных и внутренних войск. До этого Быстрых руководил союзными войсками ОГПУ, был в курсе всех войсковых проблем, лично знал большинство лиц высшего и старшего командного состава, мог объективно оценить деловые и моральные качества каждого из них. Это нравилось не всем...

Из личного дела комиссара госбезопасности 3-го ранга БЫСТРЫХ Н.М.: *“Родился 26 января 1893 года в Перми в семье рабочего Мотовилихинского пушечного завода. На этом же заводе работал токарем-слесарем с 1907 по 1914 г. Образование — низшее”.*

В своих анкетах многие первые советские чекисты даже самого высокого ранга в графе “образование” без всякого стеснения указывали — низшее. Паренькам с рабочих окраин было не до наук. Едва научившись читать и писать в начальной школе, становились к станку — зарабатывать на хлеб насущный. Там же, на заводе, проходили другую науку — получали первые уроки подпольной борьбы. После победы революции защищали ее завоевания с оружием в руках. Так жизнь складывалась: образование-то низшее, а идейная убежденность — высшая.

...Едва Николаю исполнилось четырнадцать лет, как многодетную семью постигло несчастье: отец получил на работе серьезное увечье и вынужден был покинуть завод. На мизерную пенсию не прожить. Вот и пришлось недоучившемуся в школе юноше заменить у станка искалеченного отца — стать кормильцем в семье.

Знаменитая Мотовилиха славилась не только своими оружейными заводами. Здесь находился один из центров рабочего движения на Урале. Заводская молодежь как губка впитывала идеологические проповеди большевистских агитаторов. Вскоре и Коля Быстрых втянулся в подпольную работу — распространял среди рабочих листовки, участвовал в забастовках, организовывал нелегальную подписку на большевистскую га-

зету “Правда”. Спустя годы в одной из своих автобиографий о трудовой юности он напишет следующее: “На заводе меня окружала исключительно рабочая среда, и я воспитал в себе исключительно рабочий дух. Я так полюбил свою профессию металлиста, что меня не тянуло ни на какую другую работу. Мои товарищи по станку были старыми революционерами, от которых я получил политическое воспитание”.

С началом империалистической войны рабочий-металлист на фронте. Служит добросовестно, за храбрость в боях удостоивается унтер-офицерского чина. В июне 1917 года по служебной надобности его командируют в Мотовилиху на пушечный завод. А там местные большевики уже вышли из подполья и всю вербуют фронтовиков в свои ряды.

На фронт унтер-офицер Быстрых уже не вернулся. По заданию земляков-партийцев он разоружает проходящие воинские эшелоны, формирует красногвардейские отряды, обучает военному делу заводчан, активно участвует в установлении советской власти на Северном Урале. Позже его бурная деятельность по советизации Перми уложится всего в несколько анкетных строк: “Постановлением цехового коллектива пушечного завода был направлен в Красную Гвардию в качестве ротного инструктора, там же был начальником Мотовилихинской пулеметной команды и сотрудником Бюро контрразведки при Центральном штабе Красной Гвардии г.Перми”.

Дальнейшей чекистской карьерой Быстрых, видимо, обязан именно своей работе в бюро красногвардейской разведки. Скорее всего с легкой руки его

руководителей в мае 1918-го бывшему фронтовому унтеру поручают ответственное задание — в городке Оха сформировать и возглавить уездную чрезвычайную комиссию. Вскоре оханские чекисты под руководством новоиспеченного председателя раскрывают хорошо законспирированную подпольную контрреволюционную организацию бывших офицеров. Ниточка, за которую потянули чекисты, уходила за линию фронта — в колчаковскую контрразведку. Заговорщики должны были помочь белым как можно быстрее овладеть Уралом, захватить оружейные заводы. А далее — на Москву. Но их мечтам не суждено было сбыться...

Об успехах оханской уездной ЧК по “искоренению контрреволюционных гнезд” и ее самоотверженном председателе стало известно самому Ф.Э. Дзержинскому. Тот дает указание перевести Быстрых на один из самых уязвимых участков тыла Восточного фронта и возглавить активную часть вятской губчека. И здесь целая сеть контрреволюционных заговоров вскоре прекратила свое существование. С каждой новой чекистской операцией росло так называемое “оперчекматерство” Быстрых, приобретался опыт руководителя контрразведчика, вырабатывалось “классовое чутье” — умение распознавать врага под любым обликом.

С конца 1918 года Н.М. Быстрых на руководящих должностях в армейских органах ВЧК: он последовательно возглавляет особые отделы или их основные подразделения нескольких армий — на Восточном, Южном, Юго-Западном фронтах и в Харьковском военном округе.

Из аттестационных материалов: *“Четырехлетняя деятельность тов. Быстрых в чекистских органах полна самоотверженной борьбы со всеми видами контрреволюции, борьбы, требовавшей и умения, и неиссякаемой энергии, и революционной требовательности... И тов. Быстрых с честью оправдал возлагавшиеся на него задачи”.*

Эти сухие, лаконичные строки пожелтевших от времени документов, полные революционного пафоса и героики гражданской войны, в какой-то мере дают нам возможность раскрыть характер человека, жившего и боровшегося в эпоху великих потрясений. Вчерашним рабочим и крестьянам негде, а главное, не у кого и некогда было учиться азам чекистской работы. Опыт приобретался на практике, в непримиримой и ожесточенной борьбе во имя идеи всеобщей справедливости, вера в которую была безграничной.

Быстрых постоянно учился особенностям чекистской работы сам и учил своих подчиненных. Соратники по борьбе говорили, что у Николая Михайловича было особое чутье — умение безошибочно распознавать врагов. Например, в автомобильном управлении 3-й армии он разоблачил группу “военспецов”, являвшихся на самом деле агентами колчаковской контрразведки. В тылу 16-й армии он выявил целую сеть вражеских лазутчиков и корректировщиков дальноточной артиллерии белополяков.

С именем Быстрых связана одна из самых удачных чекистских операций по ликвидации бандитизма на Украине. Под его руководством было разработано и осуществлено внедрение своего разведчика в штаб самого Не-

стора Махно. В итоге махновский штаб вместе с его начальником и всей документацией оказался в руках чекистов.

Заслуги Н.М. Быстрых на фронте борьбы с контрреволюцией всегда отмечались по достоинству и в духе того времени: от Реввоенсовета Республики — золотые часы с надписью “Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии”, серебряная шашка с гравировкой на золотой пластинке “От ВУЦИК — за подвиги”, высший советский знак отличия — орден Красного Знамени.

А тем временем чекистские органы Украины сосредоточивали свои усилия на укреплении пограничных рубежей, реформировании частей внутреннего назначения в условиях развертывания мирного социалистического строительства. В такой сложный период войскам требовался опытный, волевой руководитель. Выбор пал на Н.М. Быстрых, возглавлявшего на тот момент особый отдел Украинского военного округа. Его новая должность имела длинное и малопонятное название — начальник части погранохраны и старший инспектор войск ГПУ УССР.

Новый начвойск, не жалея сил и энергии, совершенствует структуру чекистских формирований, заботится об улучшении условий службы, жизни и быта воинов, ходатайствует о создании специального военно-учебного заведения. В верхах идут навстречу — в тогдашней украинской столице Харькове открывается 2-я школа погранохраны и войск ОГПУ, а ее первые курсанты избирают Н.М. Быстрых своим почетным красноармейцем.

К концу 1926 года реорганизация войсковых структур завершилась созданием централизо-

ванного руководящего органа — Управления погранохраны и войск ГПУ УССР.

Заслуги же самого Николая Михайловича в деле укрепления и развития войск, охраны госграниц и важных народнохозяйственных объектов, ликвидации махновщины были отмечены вторым орденом Красного Знамени и двумя знаками “Почетный чекист” — в ознаменование 5- и 10-летия ВЧК — ОГПУ.

Из последней аттестации Н.М. БЫСТРЫХ, данной ему руководством ГПУ УССР: *“Выдержанный военный работник. Обладает инициативой. Поставил на должную высоту дело охраны украинской границы и социалистических предприятий... воспитания красноармейского и начальствующего состава”.*

С такими прекрасными аттестациями и исключительно положительными характеристиками Н.М. Быстрых едет в Москву. На Лубянке объяснили причину срочного вызова — надо возглавить союзные войска ОГПУ. В чекистских верхах в это время произошла одна из первых серьезных кадровых перетрясок. Из центрального аппарата изгнали группу влиятельных работников, открыто высказывавших свое несогласие с действиями первого зампреда Г. Ягоды, развернувшего массовую чистку рядов РККА от бывших офицеров старой русской армии. В числе оппозиционеров оказался и начальник Главного управления погранохраны и войск ОГПУ СССР И.А. Воронцов, которому в одночасье пришлось переквалифицироваться из профессионального чекиста в совслужащего Наркомпищепрома.

Н.М. Быстрых, сменивший своего опального предшественника, возглавлял войска около двух лет.

Для войск период этот был не из легких: неуклонно росла численность, формировались новые части, принимались под охрану “гиганты социалистической индустрии” — особо важные в оборонном отношении промышленные предприятия, на главных стальных магистралях страны вместо стрелков ВОХР выставлялись на посты красноармейцы в васильковых фуражках — часовые войск ОГПУ.

Новому начвоиск, по свидетельству архивных документов, приходилось вникать во все детали жизни и деятельности войскового организма. В подписанных Н.М.Быстрых приказах и директивах ребром ставились вопросы “укрепления чекистско-войсковой дисциплины и образцового внутреннего порядка”, обеспечения “резкого перелома в подготовке кадров младших командиров”, а от комсостава всех рангов — “перестройки своей работы с кабинетно-бюрократической канцелярщины на живое руководство низовыми аппаратами”.

А в верхах в это время планировалось нанесение окончательного удара по бандитизму в Средней Азии. Для осуществления широкомасштабной операции нужен был опытный руководитель, способный объединить и мобилизовать все силы органов и войск ОГПУ на полную ликвидацию басмачества в регионе. И вновь выбор пал на Быстрых...

Николай Михайлович прибыл в Ташкент в мае 1933 года в качестве заместителя полномочного представителя ОГПУ по Средней Азии и командующего

дислоцированными здесь пограничными и внутренними войсками. В короткий срок он сумел организовать и провести ряд успешных операций по ликвидации основных басмаческих баз, упрятанных в труднодоступных местах Каракумов. Успеху способствовало умелое сочетание чекистско-войсковых меро-

ность — главного инспектора при наркомвнутренних дел по пограничной и внутренней охране и рабоче-крестьянской милиции.

Правительство, подчеркивая особую роль НКВД в политической системе СССР, учредило для сотрудников специальные, отличные от армейских, персональные звания. На форменном обмундировании главного инспектора — шитые золотом звезды (позже их сменили ромбы) комиссара государственной безопасности 3-го ранга, а на груди еще одна награда — орден Красной Звезды — за “выдающиеся заслуги по охране границ социалистической Родины, бдительность и беспощадную борьбу с классовым врагом”.

Несмотря на чины и награды, Быстрых оставался простым и доступным в общении, но в работе — принципиальным и бескомпромиссным. Во время проверок деятельности низовых подразделений придирчиво выявлял много недостатков и нарушений соцзакононости, в войсковых частях вскрывал факты очковтирательства, чем основательно портил радужные доклады высокопоставленных должностных лиц.

Например, при инспектировании весной 1936 года частей войск НКВД, дислоцировавшихся в Казахстане, Н.М.Быстрых отметил “наличие вопиющих фактов расхлябанности, неисполнительности, слабой боевой подготовки личного состава”. На совещании комсостава 15-го Казалинского кавполка войск НКВД он прямо заявил: “Дела у вас плохи, командир-чекист дальше так рабо-

Н. М. Быстрых с женой и сыном.
20-е годы

приятий с разъяснением местному населению целей, преследуемых бандитскими главарями, — обогащение путем грабежа и обман тех, кто пошел за ними с идеей “освобождения от красного ига”.

В Москву Быстрых вернулся в конце 1934 года. А здесь вместо прежнего ОГПУ огромный монстр — Наркомат внутренних дел. “Победителю басмачества” предлагается солидная долж-

тать не может и не должен... Недостатки надо устранить в самый короткий срок." А общему составу дел в 14-м Акмолинском кавполку войск НКВД строгий инспектор дал оценку "неудовлетворительно".

Естественно, тогдашнему начальнику войск НКВД комкору М.П.Фриновскому такой "чрезмерно" принципиальный проверяющий был словно кость в горле.

И, по всей вероятности, именно он, став первым замом "железного наркома" Ежова, попытался сделать все, чтобы задвинуть Быстрых на второстепенные роли. Решительные меры не заставили себя ждать: должность главного инспектора при наркоме сокращается как "дублирующая деятельность" других структурных подразделений наркомата. Быстрых назначается с понижением заместителем начальника Главного управления рабочекрестьянской милиции, его шефом становится один из тех, чью деятельность он недавно строго контролировал.

В одну из осенних ночей 1938 года Н.М.Быстрых срочно вызвали в наркомат. Ничего необычного в этом не было. Ночные бдения входили в моду — брали пример с вождя, работавшего чуть ли не до утра.

Жене и сыну Николай Михайлович перед уходом сказал, чтобы не волновались, ложились спать и ждали скорого возвращения. Но домой он уже не вернулся. Никогда...

Быстрых оказался за решеткой в подвале того самого здания, в котором еще вчера имел комфортабельный служебный кабинет на одном этаже с наркомом.

Шли месяцы. Наступил новый, 1939-й, год. Разве мог предположить человек, стоявший у истоков Красной Армии, что очередную годовщину "непобе-

димой и легендарной" он будет встречать в ожидании суда за решеткой, под спудом абсурдных обвинений в страшных преступлениях, которые никогда не совершал.

Лубянские следователи, уже изрядно поднаторевшие в подобных делах, "шили" Николаю Михайловичу участие в "антисоветской заговорщической организации", якобы существовавшей в системе НКВД и вершившей темные делишки по подрыву "устоев" первого в мире социалистического государства. И действительно, формально все основания для подобных обвинений были. Нарком Генрих Ягода, при котором Быстрых состоял главным инспектором, расстрелян как "шпион многих иностранных разведок". Жизни командующих армиями, ряды которых бывший особист очищал от контры, оборвались в 37-м — они были "золотопогонниками", офицерами царской армии, следовательно, "чуждыми элементами".

Многолетняя служба Н.М.Быстрых в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД тоже оказалась "подрывной и вредительской". Почти все высшее командование войск уже арестовано и томится в лубянских застенках где-то рядом с камерой Николая Михайловича.

Словно в насмешку, суд, вернее, судилище над Быстрых назначили на 22 февраля, за день до празднования очередной годовщины РККА. Члены Военной коллегии Верховного суда СССР торопились — надо было рассмотреть кучу дел "врагов народа", успеть бы к празднику. Председательствующий армвоенюрист В.В. Ульрих обожал выносить смертные приговоры. Верным своему пристрастию остался и на сей раз: скороговоркой объявил высшую меру — расстрел.

Не откладывая в долгий ящик, в тот же день и расстреляли...

Наступил 1956 год. Начался пересмотр дел репрессированных, отмена незаконных приговоров, освобождение из лагерей невинно осужденных. В начале 1957-го жене Н.М. Быстрых, Анне Михайловне, почтальон принес конверт с обратным адресом — Военная коллегия Верховного суда СССР. В конверте справка о посмертной реабилитации мужа. Анна Михайловна, сама отбывшая ссылку на Урале, ничего не знала о расстреле и в душе надеялась, что он еще вернется из заключения...

А спустя несколько месяцев еще одно страшное известие — на сей раз о трагической судьбе единственного сына, Юрия. Строки официального документа гласили: Юрий Николаевич Быстрых, арестованный в мае 1943 года как сын "врага народа", умер в начале 1945-го в одном из магаданских лагерей. Указана была и причина смерти: плеврит и перелом трех ребер...

Сколько сил надо было иметь, чтобы вынести все это! Анна Михайловна никогда не верила в вину самых близких и дорогих людей. Только вера и надежда на чудо помогли ей жить. Но, увы, чуда не произошло...

Можно отменить лукавый приказ, пересмотреть жестокий приговор несправедливого суда, в конце концов реабилитировать посмертно, но изменить этим уже ничего нельзя...

**Подполковник
Николай СЫСОЕВ**

Юбилей

ПЕРВЫЙ, КРАСНОЗНАМЕННЫЙ...

Если все внутренние войска выстроить в линию полковых колонн, то этот полк будет на самом правом фланге. Потому что он первый. 24 февраля ему исполняется 80 лет. Было время, когда он не только по наименованию, но и в действительности был авангардом во внутренних войсках. Офицеры и солдаты части своим ратным трудом и военными подвигами положили начало многим славным традициям войск правопорядка.

Где-то слышал, что армия является самой консервативной, после церкви, организацией. Даже при смене общественного строя части и соединения не торопятся освободиться от своих регалий и традиций. Общество должно всячески поощрять подобный консерватизм, потому что боевые традиции, почетные наименования, ордена завоеваны кровью многих поколений воинов. Ведь только за вековую историю наша страна пережила несколько гражданских войн, успела "покраснеть" и снова "побелеть". Отвратительно только то, что армия становится орудием в руках авантюристов от политики. И их преступления, в конечном счете, черным пятном ложатся и на армию.

При любом государственном

перевороте революционеры делают ставку, в первую очередь, на самые боеспособные воинские формирования. То же произошло и с самокатным батальоном, который был сформирован в начале первой мировой войны и успешно воевал в Прибалтике в составе 1-го кавкорпуса. Это было мобильное подразделение с отличными возможностями для маневра. Его бойцы передвигались на велосипедах, на которых устанавливались даже пулеметы. После победы февральской революции самокатный батальон в составе кавкорпуса был переброшен в Петроград для охраны револю-

ционного порядка. Основные силы кавкорпуса несли патрульную службу в городе, а из самокатчиков выделялись небольшие группы для охраны госучреждений и штаб-квартир различных политических партий, которые плодились к тому времени как грибы.

В условиях неразберихи и хаоса народ надеялся на перемену ситуации в лучшую сторону. Многие разуверились в способности Временного правительства обеспечить достойную жизнь. Большинство солдат и младших офицерских чинов, поддержав советскую власть, вступили в Красную гвардию. Наиболее

РЕТРОСПЕКТИВА

боеспособный отряд под командованием ефрейтора Павла Кобелева, который охранял Смольный институт, в феврале 1918 года был передан Всероссийской чрезвычайной комиссии и получил наименование — отряд самокатчиков при президиуме ВЧК. Позже он был преобразован в отдельную роту, затем — в отдельный батальон. Все эти преобразования происходили в считанные месяцы, и каких-либо фиксирующих документов не сохранилось. Проследить их можно только по учетно-послужной карте Павла Георгиевича Кобелева, который неизменно являлся командиром самокатчиков и в ноябре 1922 года стал командиром-военкомом 1-го отдельного полка войск ОГПУ, сформированного на базе того самого отдельного батальона.

Самокатчики участвовали во всех операциях, проводимых ВЧК, по ликвидации контрреволюционных выступлений в Петрограде и Москве.

В середине 1923 года 1-й полк вошел в состав отряда особого назначения (ОСНАЗ). А 17 июня 1924 года на базе этого отряда была сформирована дивизия особого назначения при коллегии ОГПУ. Ее командиром-военкомом стал бывший ефрейтор роты самокатчиков Павел Кобелев.

1-й полк, наряду с другими частями дивизии, вплоть до начала Великой Отечественной войны осуществлял охрану зданий и сооружений центрального и московского комитетов партии, Наркомата финансов, Гознака, ОГПУ, других важных государственных объектов, располагавшихся в Москве. Воины дивизии обеспечивали порядок и безопасность при проведении съездов Советов, конгрессов Коминтерна, массовых общественно-политических мероприя-

тий на Красной площади и в других местах столицы. Вместе с тем шла и напряженная боевая учеба. Неоднократно проводимые учения и маневры показывали, что воины-дзержинцы готовы вступить в единоборство с "гидрой мирового империализма". Опасность войны, между тем, была реальной. Фашисты все больше поработали Европу и приближались к границам Советского Союза.

21 июня многим военнослужащим полка выдали новенькое обмундирование. На следующий день должно было состояться построение всего личного состава и намечались торжественные мероприятия в ознаменование годовщины со дня образования дивизии. Но ночью части соединения были подняты по тревоге, а днем воины-дзержинцы узнали о вероломном нападении фашистов на нашу страну.

С началом Великой Отечественной войны 1-й полк привлекается к службе по охране общественного порядка в столице. Осенью 41-го, когда Москва была объявлена на

Проверка документов на КПП

осадном положении, подразделения полка прямо с исторического парада на Красной площади отправляются на Крюково, Волоколамск. Роте старшего лейтенанта Владимира Огрызко поручено взять под охрану станцию Шаховскую, конечный пункт железнодорожного снабжения войск фронта.

В эту суровую зиму солдаты жили в блиндажах, которые обустроивали прямо в полутора-метровой толще снега. Обогревались и освещали жилища спиртовыми свечами. При объявлении тревоги личный состав по боевому расчету занимал места в оборудованных окопах и отражал нападение. Немецкие

воздушные разведчики и бомбардировщики денно и ночью кружили над станцией, в окрестностях шныряли диверсионные группы.

5 декабря началось мощное контрнаступление войск Калининского фронта. Рота Огрызко находилась в боевых порядках наступающих частей Красной Армии. Генералу К. К. Рокоссовскому понравились бойцы из дивизии им. Ф. Дзержинского: рослые, спортивные, бесстрашные в бою. Он отдает распоряжение вывести роту из боевых действий и определить в охрану штаба и для ведения разведки. Но спустя несколько дней нарочным было доставлено письменное распоряжение руководства НКВД: роту возвратит в Москву.

На следующий день старшего лейтенанта Огрызко и командира полка Кабакова вызывает начальник протокольного отдела МИДа и ставит неожиданную задачу: подготовить роту для почетного караула при встрече иностранных делегаций. К этому времени дипломатические усилия советского руководства были направлены на открытие второго фронта.

Начались тренировки. Через три дня поступает задача: на Ярославском вокзале встречать министра иностранных дел Великобритании А. Идена. Встреча прошла штатно, по протоколу. Воины-дзержинцы произвели хорошее впечатление на иностранного дипломата.

На подступах к Калининскому фронту еще шли ожесточенные бои. Министр иностранных дел Великобритании пожелал лично увидеть успехи Красной Армии на участке развернувшегося контрнаступления. Огрызко получил задачу готовить роту для его сопровождения.

Подъезжая к Калининскому фронту, все

отчетливее слышали канонаду. Представитель Генерального штаба стал убеждать Идена, что дальше ехать небезопасно. Территория только освобождена, можно встретить недобитые группы гитлеровцев, дорога может быть заминирована. Но Иден хотел дойти до окраин Калининана.

Представитель Генерального штаба подзывает Огрызко и ставит задачу: выделить группу, человек пятнадцать-двадцать, которые цепью, живым щитом будут двигаться на удалении ста метров, обнаруживать мины и прикрывать огнем в случае необходимости...

Так в составе 1-го полка проходило становление роты почетного караула. Потом встречали Черчилля, Сикорского, де Голля, Тито. Вскоре роту переводят в 3-й полк, а в 1956 году на основании приказа министра внутренних дел СССР № 510 от 30 ноября "отдельная рота почетного караула передана в Министерство обороны СССР".

А 1-й полк продолжал выполнять оперативные задачи НКВД. С началом контрнаступления и освобождения Северного Кавказа активизировалась деятельность бандформирований в тылу наших войск. 1-му полку, действовавшему в составе особой дивизии НКВД, поставлена задача уничтожить банды. Командир дивизии поручает капитану Огрызко сформировать из добровольцев отряд, вместе с ним выйти на ледник Дыхсу и перекрыть отход банды по Чегемскому ущелью. Эту сверхсложную,

Павел Кобелев

сверхопасную задачу воины полка выполнили с честью. Уже в наши дни военным историком Павлом Смирновым была составлена схема пути, пройденного

капитаном Огрызко с отрядом. Ознакомившись с данной схемой, специалисты-скалолазы были поражены. Даже сегодня этот маршрут по силам только альпинистам-мастерам...

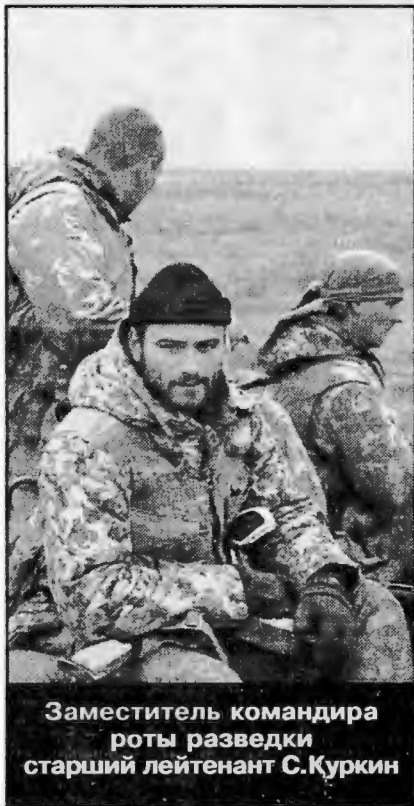
В марте 1943 года в одну из частей, участвовавших в наступлении на Вязьму, была отправлена группа снайперов. Возглавил ее младший сержант Илья Яцына. Он к этому времени успел уже дважды побывать на фронте, был награжден медалью "За отвагу". В одном из боев у небольшого населенного пункта наши наступающие подразделения натолкнулись на ураганный огонь фашистов. Цепи залегли. Офицер вскочил, хотел увлечь солдат в атаку, но тут же упал, сраженный пулей. Еще миг, и бойцов будет не оторвать от земли, атака захлебнется окончательно. Илья Яцына поднимается во весь рост и с криками: "За Родину! Ура!" устремляется вперед. Его поддерживают остальные, и цепь оживает. Уже на самой окраине поселка пуля настигла отважного

Командир полка майор Кабаков ставит задачу на оборону, 1941 г.

сержанта. Илья Михайлович Яцына навечно зачислен в списки части. Снайперами полка было уничтожено более двух тысяч солдат и офицеров противника. Во время Великой Отечественной войны и при уничтожении бандитских формирований на территории Северного Кавказа, на Западной Украине и в Прибалтике сложили головы десятки солдат и сержантов полка. Как записано в историческом формуляре части, они «погибли, верные присяге и воинскому долгу».

В 1945 году личный состав части привлекался к охране участников Ялтинской и Потсдамской конференций глав правительств антигитлеровской

Заместитель командира роты разведки старший лейтенант С. Куркин

коалиции. А на Параде Победы воины полка, в составе сводного батальона, бросали к подно-

жию Мавзолея штандарты поверженных фашистских полков и дивизий.

После войны, после демобилизации фронтовиков основные усилия в полку были сосредоточены на боевой учебе. В июле 59-го погиб отважный военный разведчик капитан Александр Соломенников. В тот день его рота выехала на стрельбище для выполнения упражнения боевого гранатометания. Занятия шли по плану, на огневой рубеж боевого гранатометания вышел рядовой Бакаржеев. Выполнив все строго по инструкции, солдат замахнулся для броска и тыльной стороной ладони, в которой была граната, ударился о бруствер. Граната выскользнула из руки и упала на дно окопа. Соломенников оттолкнул солдата, подскочил к гранате, схватил ее и хотел выбросить в сторону мишеней. Но было уже поздно. Граната разорвалась в руке, смертельно ранив Александра Соломенникова.

Не снижалась в это время напряженность и в повседневной боевой службе. Отчасти оправданные, отчасти надуманные идеологические лозунги о повышении бдительности, играли положительную роль в воспитании личного состава. Служба по охране особо важных объектов КГБ и во время значимых общественно-политических мероприятий выполнялась с высоким качеством.

То, что часть располагалась рядом с Главным управлением войск, негласно предопределяло ее статус как «придворной» части. Это позволяло решать многие вопросы, связанные с патриотическим воспитанием воинов. Газета «Комсомольская правда» в декабре 1966 года писала: «У священного для советских людей места, где вечным сном спит бессмертный народ-

ный герой, утром 18 декабря было положено начало новой традиции. Здесь принимали присягу прибывшие молодые воины Краснознаменной части соединения имени Ф. Э. Дзержинского». Солдаты только двух полков были удостоены высокой чести принимать присягу у Могилы Неизвестного солдата: 1-й полк ОМСДОНа и Кремлевский полк. Более двадцати лет просуществовала эта традиция.

Офицеры «придворной» части отнюдь не были паркетными шаркунами. Повоевать довелось многим. Когда в Советском Союзе стали вспыхивать конфликты на национальной почве, полк, наравне с другими частями дивизии, постоянно находился в спецкомандировках.

Во время бакинских событий напроду полка лейтенанту Михаилу Мазурину поставили задачу оборонять центральный вход в гостиницу, чтобы пресечь попытки экстремистов захватить здание. Бой был ожесточенным. Получил ранение рядовой Валерий Грушевский. Мазурин бросился к парализованному болевым шоком солдату. Оттащил его от окна, разорвал у него на спине окровавленную камуфлированную куртку. Рана оказалась неопасной, пуля прошла сквозь мягкие ткани, не задев жизненно важных органов. Оказав необходимую помощь, Мазурин отправил пострадавшего в безопасное место, а сам продолжал руководить действиями подчиненных по отражению нападения. Лейтенант Михаил Мазурин был награжден медалью «За боевые заслуги», рядовой Валерий Грушевский — орденом Красной Звезды. В то же время получил орден «За личное мужество» и майор Дмитрий Чуханов. Спустя несколько лет начальник разведки любимец всего полка Дмитрий Никитович

РЕТРОСПЕКТИВА

Чуханов погибнет в неравном бою на чеченской войне.

В тот день разведчикам полка была поставлена задача разведать обстановку в районе населенного пункта Бачи-Юрт и провести рекогносцировку маршрутов выдвижения полковых колонн. На одной из высоток заметили чеченских мотоциклистов. После беспорядочной перестрелки боевики скрылись. На обратном пути бронетранспортеры разведчиков были обстреляны из засады. Прапорщик Виталий Нор увидел, что сидевший рядом на броне боец сполз в открытый люк с простреленной головой. Нор прыгнул в мучнистую дорожную пыль и подбежал к переднему бронетранспортеру, броню которого только что покинул Чуханов. А тот вдруг остановился как парализованный. По враз побелевшему его лицу из-под каски-"сферы" вдоль носа стекала алая струйка крови. Не промолвив ни слова, не проронив ни стона, Чуханов отстранил солдата, пытавшегося ему помочь, сошел с дороги на обочину, лег в пыльную траву, положил рядом снайперскую винтовку и, скрестив руки на груди, закрыл глаза...

В том бою кроме Чуханова погибли старший лейтенант Александр Васюченков, младший сержант Олег Горбунов, ефрейтор Сергей Ковалев, рядовые Сергей Петров, Денис Кубалов, Владимир Челябинников.

Сержант Виктор Сухинин скончался от полученных ран в военном госпитале в тот день, когда хоронили его однополчан. Все они удостоены ордена Мужества. За период боевых действий в Чечне полк потерял убитыми 14 человек, более двухсот человек награждены орденами и медалями России. Ордена "За военные заслуги" удостоены полковник Сергей Гурц и подполковник

Рекогносцировка на местности. Чечня. Апрель 1995 г.

Валерий Савин. А начальника штаба полка подполковника Владимира Игоревича Токарева за грамотно спланированную и блестяще проведенную операцию представили к присвоению звания Героя России. Завод "Оргтехника", который предстояло штурмовать, боевики превратили в свою базу. Сосредоточили много живой силы, систему обороны усилили дотами и бронетранспортерами, оборудовали позиции для пулеметчиков и места для снайперов. Бой длился около восьми часов. А в журнале боевых действий осталась короткая запись: "Операция проведена без потерь. Боевики потеряли 20 человек убитыми, уничтожено 6 дотов, 2 бронетранспортера". Представили к званию Героя, а получил Владимир Игоревич орден Мужества и, спустя месяц со дня проведения операции, тяжелейшее ранение во время освобождения населенных пунктов Алды и Черноречье.

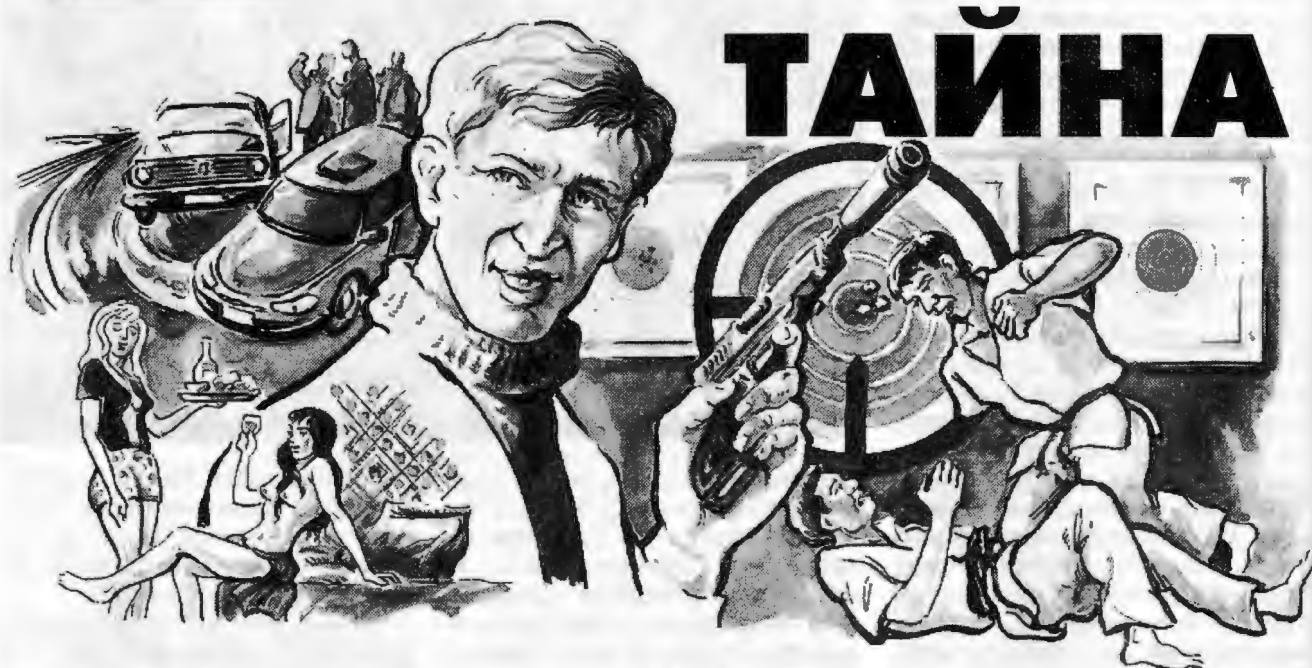
Еще не успел полк возвратиться с чеченской войны, его уже ожидали новые преобразования. Было принято решение пе-

редислоцировать полк в военный городок, где располагались другие части дивизии. В его состав вошел и отдельный батальон из боевых машин пехоты.

Больше двух лет прошло после последних преобразований, а полк полностью на ноги так и не встал. Верно говорят, что один переезд равен одному пожару. При нынешнем безденежье нет средств, чтобы нормально благоустроить помещения, которые достались полку в отвратительном состоянии. Развалился и офицерский коллектив, который создавался многими поколениями командиров. У Краснознаменного полка внутренних войск нет средств, чтобы выпустить к юбилею хотя бы памятный знак. А ведь это старейший полк во внутренних войсках. Остается только надеяться, что командование соединения, руководство войск вникнет в проблемы полка и поможет их разрешить. Ведь полк правофланговый. На него должны держать равнение остальные.

**Подполковник
Иван МУЧАК**

Иван КОЗЛОВ

ТАЙНА

“БЕЛОТО СМРЕЛКА”

Роман *

15.

Под Калугой мел снег. Видимость была никудышная, и автобус еле тащился по дороге, с трудом преодолевая свежие наметы. Пассажиров на этот раз было больше обычного: на выходные возвращались по своим деревенским домам студенты.

— Леся Павловна, Олежке можно бананы кушать? — спросила усевшаяся впереди девушка в очках. При этом рассматривала она больше плечистого, рослого Зырянова, а не мальчишку, расположившегося у него на коленях.

— Можно, — серьезно ответил Олежка. — У меня аллергии от них не бывает.

— Тогда держи. Один тебе, другой — дяде. У дяди тоже аллергии не бывает?

— Мы с Катей в одну школу ходили, — кивнула Леся на девушку. — Я выпускницей была, а она — первоклашкой, последний звонок давала у нас. Даже есть фотография, где я ее на руках держу.

— Было такое, Леся Павловна, было. — Студентка уселась боком на сиденье, чтоб удобней разговаривать. — А теперь вот уже четвертый курс заканчиваю, если будут места, в нашу же школу и вернусь.

— А я что-то в деревне и школы не видел, — заметил Женька.

* Продолжение. Нач. в № 1

ТАИНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

— Школа в соседней деревне, это от нашей еще два километра.

— Рядышком, — пояснила Катя. — Я к вам за-скачу, Леся Павловна? Вы мне обещали дать журнальчики полистать. Хочу к весне себе сшить что-нибудь...

Пошли женские разговоры, и Зырянов тем временем осмотрел салон автобуса. Почти сплошь молодежь, лишь слева сзади старик в старом брезентовом плаще с поднятым воротником, в намокшей кроличьей шапке да на заднем сиденье, в углу дремлет мужчина помоложе, голову свесив на грудь, лица не разглядеть. Кажется, высокий. Фасонное пальто...

— ...А Женя тебя потом домой проводит. Проводишь Катю, Жень?

Девушка в очках смущенно улыбнулась:

— Да я и сама добегу.

— Вы категорически против такого провожато-го? Жаль, — сказал Женька.

— Нет, я совсем не против... Валя, — крикнула Катя подружке, сидевшей сзади. — Забеги к нашим, скажи, что я часа через полтора буду дома.

...Через полтора часа журналы мод были просмотрены, и Зырянов провожал Катю. Успокоился ветер, унялся снег, очистилось небо. Высыпали на крепчающий мороз чистые звезды.

Девочка начала было расспрашивать его о войне, но он быстро сменил тему разговора: о войне можно говорить только с воевавшими. А с подружками надо просто трепаться. Этому он научился еще с курсантских лет: обо всем и ни о чем одновременно.

К ее дому подошли быстро.

— А зайдемте к нам? У мамы сегодня блинчики с творогом.

— Да я вам и так надоел уже, наверное.

— Ой, что вы! Вы так интересно обо всем рассказываете! И вообще...

— Нет, Катя, сегодня не могу, поздно уже, но в следующий раз на блинчики приду обязательно.

— Слово офицера?

— Слово.

— Тогда завтра я вас буду ждать... Ну, в два часа, договорились?

— Договорились.

По прямой расстояние между деревнями было таким, что хозяйка крайних домов, наверное, могли бы перекликаться, если бы не поросший березняком холм. Зато с вершины его — а дорога как раз проходила там — были хорошо видны освещенные окна обеих деревень.

Впрочем, Зырянов смотрел сейчас не на них. Навстречу ему семенил старик, тот самый, который ехал с ними в автобусе. Поравнялись, и уже

спиной, затылком Зырянов почувствовал опасность. Уходя от удара, присел, потом в прыжке завалился на спину, ругнул себя, что далеко упрятал пистолет. Нападавший совсем не по-стариковски, а легко, как на борцовском ковре, менял позицию, держа безопасную дистанцию, пробовал зайти со стороны головы.

Женька все же ухитрился дотянуться до него ногой, и хоть удар получился слабым, но на скользкой дороге человек не удержался, упал. Женька, как ни старался вскочить молниеносно, все же чуть замешкался, а когда поднялся, увидел направленный точно в свою переносицу ствол. Это был не китайский самопал, а новейший отечественный бесшумный пистолет. Такой ему видеть довелось лишь однажды в Чечне у армейского разведчика.

— Не дергайся, — сказал незнакомец. — Если бы я хотел тебя убить, уже давно курок спустил бы. Так что давай без всяких фокусов.

Свободной рукой он сорвал с себя бороду и парик, сунул их в карман плаща. Зырянов тотчас узнал его по снимку на визитной карточке.

— И чего же тебе надо, Пилявин?

— А надо мне поговорить с тобой. Вставай и топай прямо в лес, там заброшенная ферма. Моя резиденция. Только не дергайся, еще раз прошу. У меня такое положение, что пулю не задумыва-юсь...

— И часто пулять приходится?

— А, читал, значит, прессу. Убийцей меня сделали... А я никого не убивал, понимаешь? Не убивал!

Уже у входа в заброшенное, без оконных рам и двери помещение Зырянов попробовал-таки освободиться от опеки конвоира, но тот оказался начеку. Ушел от Женькиного удара ногой, воспользовался тем, что спецназовец потерял равновесие и сбил его на землю. Тотчас поставил пистолет на предохранитель, убрал в карман.

— Я же сказал, что мне незачем тебя убивать, как и тех, кого ты тут охраняешь.

— У тебя что, нет алиби по Крашенинникову?

Пилявин горько улыбнулся:

— Кому оно нужно, мое алиби?! У меня нет возможности ни перед кем оправдываться, при первом же удобном моменте меня просто пришьют. А мне сейчас надо одно: добраться живым хотя бы до твоего Макарова. Только для этого я вычислил тебя.

— Но как?

— Макаров встречался с бывшим моим шефом, переживал, что мы будем за него мстить Котенковой, просил помочь. Мне это передали надежные люди. У меня и в мыслях ничего подобного не было. Но нет худа без добра. Теперь надо, чтоб Ма-

каров поверил мне и рассказал об этом Аксакову. Сам я к нему напрямую не прорвусь, не позволю мне это сделать. Я подвел его, он меня справедливо вытурил. Но если Макаров согласится на роль посредника, думаю, все станет на свои места... Тихо, кто-то идет сюда...

Он встал, и тотчас в руке его опять оказался пистолет.

— Встретимся здесь завтра, часа в три дня. Они вряд ли додумаются...

Он опять не договорил фразу, шагнул за порог и тотчас три выстрела кряду почти слились в один. Острая щепка отлетела от бруса и полоснула Зырянова по лбу.

Теперь уже топот ног снаружи слышался явственно. Сначала ломались сухие ветки, из неразборчивых слов слух поймал лишь одно: "Попробуй сам управиться". Потом луч фонаря ударил по глазам, и тот, кто держал фонарь, крикнул:

— Сюда, Лис, тут раненый.

16.

Кто-то топтался снаружи, за глухой стенкой, пыхтел, словно бревна ворочал, а двое вошли в помещение, где полулежал на соломе Женька. В темноте лиц их совершенно не было видно, да еще фонари били в глаза, но вот один заговорил, и Зырянов сразу признал в нем того, кто угощал его ночью сигаретой, выйдя из серебристого "форда".

— Привет, спецназ. Ранен?

— Так, царапина.

— Не успели мы немного. Я тебя тогда забыл предупредить, с кем дело придется иметь. Пилявин — самбист, на Европе призы брал. И вообще, артист. Гримироваться и переодеваться любит. Мы его и потеряли поэтому.

— А как же здесь нашли? — спросил Зырянов.

— Это было просто. Тебя как живца использовали. Он за тобой охотился, мы — за ним. Вы на дороге, на свежем снегу, столько следов оставили... Чего он хотел от тебя?

Мужчина спросил это словно от нечего делать, лениво прищурился, и Женька ответил с той же безмятежностью:

— Я ему не нужен был. Он хотел разыскать Макарова и спрашивал его московский адрес.

Лис теперь уже недоверчиво засмеялся:

— Он что, не мог это выяснить в столице и приперся сюда?

— Он думал, Макаров здесь, и караулил его.

— Ну ладно, пусть будет так. О чем вы еще говорили?

— А о чем можно говорить под дулом пистолета? Вы, я так понял, Пилявина не взяли?

— Ушел. В ночном лесу искать его опасно, нарваться на пулю можно запросто. Что у него за ствол?

— "Вул".

— Серьезная игрушка.

Из-за постройки вышел третий человек, почему-то в обсыпанном снегом пальто, будто только что попал под метель.

— Нам пора ехать. Если хочешь, спецназ, садись, можем аж до Москвы подбросить.

— Нет, — сказал Женька. — Пока Пилявин здесь, мне из деревни уезжать нельзя.

— И напрасно. Если он тебя один раз не пристрелил, думаешь, и во второй раз повезет?

— Теперь умней буду.

Лис прикусил губу, пристально глядя на Зырянова:

— Учти, стреляет он классно и баранку крутить умеет. За это и держали, хотя дурак дураком.

— А где держали? — спросил Зырянов.

Лис чуть пожал плечами:

— Есть контора. А ты что интересуешься-то? Если хочешь служить, могу слово замолвить, фронтовиков берут с удовольствием.

— Только не одноруких, — нерадостно усмехнулся Женька.

— Это для нас не главное, не на ринге же выступать будешь. Ты подумай, я не шучу. В свою команду зачислю с ходу...

— Спасибо.

— Может, Макарову что передать?

— Скажите, что послезавтра обязательно приеду. Скорее всего, вечерней электричкой.

Лис кивнул.

— Может, тебя на всякий случай вооружить?

— Спасибо, есть ствол. — Женька достал из кармана ТТ, отобранный у Крашенинникова.

Лис скривился, как от зубной боли:

— Считаю, что я тебя уважать меньше стал. С каких это пор профессионалы стали обзаводиться китайским ширпотребом? — Он вытащил из наплечной кобуры "Макаров". — На и магазин снаряженный даю. А эту гадость дай-ка сюда, я своим курсантам буду наглядно показывать, чем рогатка от пистолета отличается.

Лис брезгливо, двумя пальцами, взял ТТ и сунул его в карман.

17.

— Нет, — сказал Павел Павлович, — Катя, конечно, девочка хорошая, но не про тебя, Женя, ты уж меня извини. Тебе баба с тремя руками нужна,

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

понимаешь? Мужик ты, вижу, крепкий, однако по хозяйству сам не справишься.

— Я левша, отец. И левая у меня целая.

— Оно правильно, конечно. Морду, может, кому и разобьешь, а вот лопатой работать не сможешь. Да и вообще... Нет, тебе только в городе жить надо, а Катя деревенская, она в ваши асфальты не поедет.

— Да я к ней, отец, и не сватаюсь, просто обещал заглянуть, понимаешь?

— Что значит — просто обещал? У нас ни с того ни с сего на блины не ходят.

Они разговаривали в заснеженном саду, у забора, меняя по ходу дела подгнившие штакетины. И когда по окончании ударной работы Павел Павлович предложил причаститься, Женька напомнил о том, что его ждут в гостях.

Зырянову и в голову не приходила мысль ударить за студенткой, красивой и умненькой деревенской девочкой. По сути, разница в годах у них была незначительной, но после всего пережитого он чувствовал себя несравненно старше Кати, настолько старше, что даже не ощущал большого различия между ею и Олежкой. Дети и дети.

Конечно, Павел Павлович прав: какого черта было обещать ей, что придет. Но если уж пообещал, то куда деваться? Надо заскочить хоть на пять минут. Он пойдет туда, как и договаривался, к двум, а в три встретится с Пилиавиным. Потом можно будет и выпить с Павлом Павловичем, на прощание, так сказать. Нечего тут больше делать: Пилиавин никого тут не тронет.

...Мать Кати постоянно косилась — или это только казалось Женьке? — на его изуродованную руку, отец раз за разом извинялся, что не пьет, и пытался наполнить рюмку отказывающегося от водки Зырянова, Катя, поджимая губы, метала гневные взгляды на любую промашку родителей... "Посидите еще...". — "Нет, спасибо, дела...". — "Приходите, всегда будем рады...". И всем стало легче, когда гость пошел к калитке.

Катя проводила Женьку до крайней избы.

— Вот так и живем. Скучно, да? Ты ведь столько испытал, столько видел, а я — лишь стены дома да института.

Дорога пошла под горку, Женька остановился:

— Спасибо, Катя, все было хорошо.

— Мы еще увидимся?

— Я завтра уезжаю в Москву. Но чем черт не шутит...

Дальше он пошел один. Снег стал сыпать гуще, но на нем еще ясно виднелись вмятины от его схватки с Пилиавиным. Вот колея, оставленная се ребристым "фордом". Вот старые следы от доро-

ги к заброшенной ферме. А свежих следов что-то не видно. Значит, не пришел еще Пилиавин, хотя уже три часа. Интересно, почему его решили подставить свои? Хотя, возможно, он врет, и не кто другой, а сам и всадил нож в Крашенинникова? За что вот только?

Женька заглянул в дверной проем: внутри никого не было. Увидел припорошенные следы кого-то из подручных Лиса, тянущиеся за постройку, от нечего делать пошел по ним.

Зырянов успел наглядеться на трупы в Чечне. Он не испугался, не вздрогнул даже, увидев мертвого человека. Одна из пуль вошла Пилиавину прямо в лоб...

Непонятно только одно: почему троица оставила убитого здесь? Это в Чечне не всегда мертвых с поля боя забирали, но там иная обстановка была...

Почему Лис скрыл, что Пилиавин убит?

Надо ехать в Москву и обо всем рассказать Макарову.

18.

Олег набирал телефонный номер знакомого генерала и вспоминал свою последнюю встречу с ним.

Было это на окраине Бамута в тот день, когда чеченские пули сбросили Макарова с брони. Но в засаду он угодил ближе к вечеру, а с Борисом Романовичем толковал днем. Нехороший тогда разговор у них получился. В недавних боях Макаров потерял чуть ли не треть офицеров, только только пришло пополнение из почти сплошь необученных, необстрелянных солдат, а генерал, прекрасно зная все это, развернул карту: "Завтра поведешь людей в бой".

Кого вести? Они еще толком не знают, как промедол себе колоть, еще "чичиков" в глаза не видели, и бросать их в мясорубку?! Макаров так и сказал генералу, своему бывшему сокурснику по академии, но тот возражений не принимал: "Это приказ, а не просьба".

На том расстались. Макаров, устроившись сверху на броне БТРа, возвращался к себе, вот тогда и достала его чеченская пуля.

Больше с генералом они не встречались и не общались. Правда, Борис Романович приветы через знакомых передавал, но самолично позвонить не удосужился. Не было причин делать это и Олегу...

— Слушаю.

Голос Макаров узнал: знакомые нотки уставшего и одновременно обремененного властью человека. Впрочем, голос взбодрился, едва генерал понял, с кем говорит:

— Олег! Ты куда пропал?! Но я, поверь, в курсе твоих дел, знаю, что жену потерял, прими соболезнования. Это не телефонный, конечно, разговор, надо бы нам встретиться, пообщаться по-человечески. Правда, сегодняшней день отпадает, до ночи загружен.

— Еще встретимся, — сказал Макаров. — А пока, Борис Романович, просьба у меня к тебе.

— Догадываюсь, иначе бы не позвонил.

— Следы одного своего бойца я потерял. То ли погиб сержант, то ли в плену... И не могу сейчас ни от кого ничего добиться.

— Когда это случилось?

— Я в госпитале лежал...

— Ну тогда твоей вины тут нет.

— Я ведь не виноватого ищю, а пропавшего человека.

Макаров почувствовал, как скривился собеседник, но выдержал миролюбивый тон:

— Опять ты со своими уколами... Слушай, не мне тебя учить: в каждой части есть списки погибших, надо в них заглянуть. А коли уж он в плен угодил, то сам знаешь, какая сейчас обстановка. Самостоятельно оттуда человека не вытащить, но при президенте создана комиссия по военнопленным, и ее временная группа работает в Грозном. Хорошие ребята, у нас с ними нормальные контакты.

— Ребята они, верю, хорошие, но работают с уже готовыми списками. В этих списках сержанта Соколькова нет. И среди погибших он не значится. А мать его вот ко мне обратилась.

— Почему к тебе?

Макарова складывающийся так разговор стал понемногу раздражать.

— Я могу дать ей и ваш телефон. Поможете женщине? Только без перефутболивания, она устала бегать по инстанциям.

Генерал оставил очередной выпад Олега без ответа и комментариев.

— Послушай, только не горячись. Если сержант пропал после того, как ты слег в госпиталь...

— Я не слег, меня туда увезли, а это большая разница.

— Ладно, не заводись. Я вот что хочу спросить. Какой идиот дал женщине твой адрес? Ты в то время был уже не у дел.

— Мой адрес дал Соколькова майор Митяев.

— Знакомая фамилия.

— Майор Митяев сгорел под Бамутом в бэтэере за несколько дней до того, как войска стали выходить из Чечни.

— Да, конечно, — после некоторого замешательства сказал генерал. — Прости, всего в голове не

удержишь. Тут как раз еще с одним твоим бывшим комбатом разбираюсь — с Кобозевым.

— У него-то сержант Соколькова и служил.

— Рвется опять в Чечню воевать. Плюс алкоголизм. Ничего не остается — увольнять надо, хоть и хороший был командир. Ты встречался с ним? О бойце своем спрашивал?

Макаров ответил уклончиво:

— С Мишей сейчас трудно разговаривать. Ему кажется, что Соколькова погиб, а тела его не нашли, потому что разнесло прямым попаданием. Но как тогда уцелели документы?

— Соколькова твой мог и дезертировать, были такие. А комбат, чтоб лишних неприятностей не наживать, сказку тебе рассказал.

— Соколькова наш, а не только мой. И Кобозев тоже наш. Ты ему, Боря, — Макаров неожиданно даже для себя обратился к генералу по имени, — перед увольнением дай подполковника. Лишний рубль к пенсии не помешает. Ему действительно лечиться надо.

— Подумаю, — быстро ответил генерал. — А вот по сержанту — не знаю что и ответить. Ты же должен понять, даже в списки потерь его не занесешь. Если живой окажется, скандал будет на всю Россию. "Бездушные, не разобрались..." Надо немного выждать. Может, комиссия что-то накопает.

— Скандал вам, конечно, не нужен, легче парня в дезертиры зачислить.

— Тебе сейчас хорошо. К тебе одна мать Соколькова обратилась, а у меня подобных проблем знаешь сколько?

— Нет человека — нет проблемы.

— Поговорили, называется, по душам, — огрызнулся генерал. — Ну тебя к черту!

И бросил трубку.

19.

— Ты помоги мне, Толя, хотя бы советом: с какой стороны к этой Тихониной подъехать?

Макаров еще не закончил фразы, а лицо Шиманова исказилось, словно от зубной боли.

— Не суйся к ней, — неожиданно резко ответил он. — Эта дама, блин, козырная, и не из твоей колыды, понял?

— За рулем машины, в которую она садилась, был тот, у кого документы Соколькова и кто знает меня в лицо. Так что на Тихонину я все равно выйду, что бы ты мне ни говорил.

— Я не знаю, как тебе все это объяснить... — уже более миролюбиво заговорил Шиманов. — Тут большая игра, Олечка. Разузнать, что случилось с твоим сержантом, тоже, конечно, важно, не спорю, но...

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

— Что значит — тоже? Хотел бы я тебя послушать, будь ты на месте его родителей.

— Я с оперативниками поговорю, они сделают, что смогут. Но только, блин, не суйся к Анастасии, прошу тебя. Сам ты ничего не добьешься, а вот делу навредишь. Кстати, кое-что уже прояснилось. Крашенинников в тот день, когда вы приехали неизвестно кому вручать деньги, действительно был в Зеленограде. Вряд ли сидел в "Москвиче" и Пилявин: не те у него взаимоотношения с Тихониной, чтоб вместе какие-то дела обстряпывать.

— Остается Володарский?

Шиманов пожал плечами:

— Начну с того, что Володарский никогда в Чечне не был, следовательно, в плену у горцев не сидел и его пути с Сокольниковым там не пересеклись. Значит, в этом деле замешан еще кто-то. Он может быть злым чеченцем или сослуживцем сержанта, или тем, к кому, возможно даже случайно, попали его документы.

— Чеченца можно исключить, — сказал Олег. — Чеченец не узнал бы меня, вышел бы из машины и взял деньги.

— Не скромничай, Олег. Ты на Кавказе воевал долго, там даже листовки с твоей физиономией выпускали, обещали немалую сумму за твою голову. Это во-первых. А во-вторых, кавказец, блин, мог сидеть в "Москвиче" с тем же Володарским, а Володарский тебя хорошо запомнил, поскольку ты чистил ему рожу.

— Ладно, — согласился Макаров. — В машине, значит, мог сидеть чеченец. Мог — сослуживец...

— Не обязательно сослуживец. Скажем так — сокамерник. Тот, кто действительно встретился с Сокольниковым в плену и был освобожден или бежал. Не исключаю, что вместе с Володарским глазел на тебя и просто мародер, вытаскивший документы убитого сержанта, когда того засыпали в какой-нибудь яме. Вот сколько, блин, вариантов!

— Останется один, если припереть к стенке Тихонину. Она-то видела, кто находился в машине!

— А ну как эта женщина просто откажется отвечать на твои вопросы? Что тогда?

Некоторое время шли молча, потом снова заговорил Шиманов:

— Скажи, а этот Сокольников не мог все-таки драпануть с поля боя?

— Ну вот, — нахмурился Макаров. — Ты с моим генералом стал одинаково мыслить. Тот тоже нечто подобное высказал.

— Я рад, что мыслю на генеральском уровне. Но со мной говори, пожалуйста, без эмоций. Ты ведь этого бойца совсем не знал?

Макаров нехотя согласился:

— Он только-только прибыл к нам из школы сер-

жантов. Его и комбат-то, можно сказать, лишь мельком видел.

— Значит, теоретически допускается, что Сокольников, растерявшись в первом для него бою, дезертировал, так?

— Комбат утверждает, что сержант скорее всего был убит...

— И "духи" перетащили его к себе?

— Маловероятно. Они отдали бы его труп в обмен на своего.

— А если сержанта ранило, контузило, его захватили в плен?

— Была охота им возиться с нашими ранеными бойцами. Для сельхозработ им нужны сильные и здоровые рабы. Слабых они или меняли, или продавали нам же. А о Сокольнике никому ничего не сообщили. Где логика? Есть, правда, еще одна версия. Сокольника накрыло "Градом". В общем, мокрое место только и осталось...

— А документы целехоньки, да? Интересная у тебя версия.

— У тебя не лучше, — пробурчал Макаров. — Если сержант перебежал к "духам", то что же он теперь у родной матери деньги требует?

— Это запросто может быть, — спокойно произнес Шиманов. — Как и то, что пятьдесят миллионов рублей захотели получить его новые хозяева. Кто-то из них приехал в Москву, позвонил матери, выдал себя за сослуживца сына...

— Но тогда при чем тут Тихонина? Зачем чеченцам вообще нужен был посредник? Толик, на эти же вопросы только Анастасия и сможет ответить!

Шиманов остановился, внимательно взглянул на Макарова:

— Все верно, но, Бога ради, не лезь к ней, Олег! Если бы дело только в Сокольнике было... Ты лучше еще раз со своими офицерами потолкуй...

20.

До райцентра Зырянов добирался на одном автобусе, оттуда до ближайшего железнодорожного вокзала — на другом. Вагон попался грязный, холодный, двери в тамбур не закрывались, и оттуда остро тянуло мочой.

Женька сидел у покрытого трещинами окна. Настроение его было под стать тому, что виделось вокруг. Хреновое настроение. Да и каким ему быть, если, как от взрыва, порушилось то немногое, что имелося за спиной. Нет сейчас ни собственного угла — будучи офицером, жил в гостинице при части, ни дела — кому на службе нужен калека?

— Пресса! — мужчина лет тридцати, упитанный, краснощекий, как диатезный младенец, прошел по проходу, размахивая над головой газетами. —

Есть кроссворд, есть секс, есть убийства — каждому найду публикации по душе. Газеты вчерашние, сегодняшние и даже завтрашние!

Продавец чуть припал на правую ногу, и Зырянов почему-то решил, что мужчина должен быть обязательно инвалидом — иначе с чего бы он занимался таким несерьезным делом.

— Присядь, — сказал Женька.

Человек лишь поставил тяжелую сумку на свободное место:

— Спасибо, но сидя много не заработаешь. Что брать будем?

— Ногу не в Чечне потерял?

— Ногу? — Тот непонимающе взглянул на свои новые полусапожки. — А, ты вон о чем. Скажешь тоже, в Чечне. Что я, дурак, туда соваться? Просто пятку до крови натер.

Тут глаза его остановились на правом рукаве Женькиной куртки, и продавец с опаской подхватил ношу, намереваясь двинуться дальше.

— Стой! — Зырянов взял из его сумки первую попавшуюся газету. — Расплатиться надо.

— Да ладно!

— Чего ладно? Ведь говоришь же, что не дурак, а деньгами швыряешься. Если каждый бесплатно по газете возьмет...

— Восемьсот рублей, — скороговоркой произнес продавец, всем своим видом показывая, что желает одного — побыстрее отвязаться от нежелательного собеседника.

— Держи без сдачи. А за Чечню мы еще рассчитаемся. С теми, кто совал и кто не совался, запомни!

Женька и сам не понял до конца смысла произнесенного, но резанула его обида, задела за живое, столько ее накопилось, что сейчас даже зубами заскрипел. Он готов был уже поговорить по душам с этим диатезным здоровяком, получающим небось не меньше ротного с процентами за боевую обстановку, но все же сдержался. Конечно, продавец тут ни при чем. Ему, продавцу, война была не нужна. А если и нужна, то лишь потому, что с материалами оттуда газеты лучше раскупали. Но можно подумать, что Женьке хотелось воевать...

Зырянов прикрыл глаза, успокоился. Ладно, хватит на сегодня отрицательных эмоций. Надо переключиться. Открыть, к примеру, газету и прочесть что-нибудь веселенькое.

Газета была, как сказал продавец, завтрашней, и уже в этом крылся свой юмор.

Первая полоса, однако, ничего смешного не содержала: информация там была, судя по заголовкам, сплошь криминальная. Женька хотел уже пе-

релистнуть ее, но знакомая фамилия задержала взгляд: "Убит убийца Крашенинникова".

"Как мы сообщали ранее, — Женька быстро побежал глазами по строчкам, — в Москве был найден труп предпринимателя Крашенинникова с признаками насильственной смерти. Тогда милиция высказала предположение, что убийцей является его знакомый Э.П. Сразу после совершения преступления он ушел в бега, и вот возле одного из сел Калужской области случайно обнаружено тело Эдуарда Пилявина — того самого Э.П., чье имя мы не могли назвать полностью в интересах следствия.

В этих же интересах мы не можем рассказать подробно, кто свел счеты с убийцей предпринимателя. Известно лишь, что недалеко от места расстрела Пилявина, кстати, бывшего сотрудника спецорганов, обнаружен пистолет ТТ китайского производства, из которого и было произведено три метких выстрела: два в голову и один в грудь. Несмотря на точность попаданий, оперативные работники считают, что стрелял в Пилявина все же дилетант. Во-первых, он выбрал очень неудачное оружие, которым не пользуются профессионалы, и во-вторых, даже не стер с него отпечатки своих пальцев. Криминалисты пока работают с ними, но уже сейчас кое-что могут сказать. К примеру, то, что обладатель ТТ был левшой.

О причинах гибели Пилявина говорить пока рано. Вовсе не обязательно связывать между собой смерти Крашенинникова и бывшего сотрудника службы безопасности. Ответ мы получим лишь тогда, когда милиция выйдет на след и возьмет того, кто неплохо стреляет с левой руки".

Дальше Зырянов газету читать не стал. Он сложил ее и сунул в карман. Сразу же вспомнил Лиса: как аккуратно тот брал из его рук китайский ТТ: наверняка для того, чтобы сохранить на нем отпечатки пальцев. Потом этот пистолет подбросили поближе к трупу Пилявина...

Но ведь все написанное дальше — чушь! Убивали из "Макарова", у того калибр — девятка, а у ТТ — семь шестьдесят два. Каким же безграмотным экспертом-криминалистом надо быть, чтоб не увидеть разницу! Или в газету специально запустили утку? Для Женьки? Показать, что на него открыта охота? Но кто и для чего ее открыл? Тот же Лис, который подбросил пистолет? Так если бы он захотел, ему проще было в ту же ночь убрать Зырянова, и все. "Бандиты застрелили друг друга" — так написали бы в газетах... Лис этого не сделал. Наоборот, он нормально разговаривал с Женькой, даже пообещал его устроить на работу...

Непонятно, ничего почти непонятно. Кроме од-

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

ного: Женька на крючке, кто-то и с какой-то целью использует его как живца.

21.

Дверь Макарову открыла худая печальная женщина, через силу улыбнулась:

— Олег Иванович, а мы с Мишей только что о вас говорили.

— Как он?

— Неважно. Опять выпил лишнего. На кухне сейчас сидит.

Кобозев появлению Макарова, кажется, не удивился. Поздоровался и сразу же поставил перед ним чистую рюмку.

— Ты по какому поводу меня вспоминал, Миша? Комбат скривился:

— По нехорошему. А может, и по хорошему. Не разобрал еще. Вот сейчас вмажем по стопке...

— Я пить не буду.

— А я буду. И мне, Олег Иванович, вы теперь не указчик. Хотя я вас очень уважал и уважаю, но у меня есть повод нажраться.

— И серьезный повод?

— Серьезней некуда. Звезду еще одну мне на погон бросить решили. На дембель, так сказать. Погладить по головке и вытолкнуть в шею. Я жене говорю — при вас бы так никогда не поступили, а теперь запросто...

Макаров вспомнил недавний разговор с генералом. Значит, тот все-таки прислушался к его совету.

— ...Вы бы не вышвырнули меня. Вы же знаете, что я за звездочки не продаюсь. И вообще не мне рано ставить точку. За мной боевой опыт, и когда мы очередной раз пойдем давить этих гадов, я уже буду знать, какую тактику применять там. — Он сжал губы, как ребенок, боящийся проговориться. Взгляд при этом стал тоже по-детски рассеянным.

— Тебе надо сначала подлечиться, Миша, — сказала жена, входя на кухню. — Лечь в госпиталь, отдохнуть от всего, что было...

— В психушку упрятать хочешь?! Хрен вам всем! Я быстрее в петлю голову суну, чем соглашусь, чтоб меня дуриком признали! Нас всех, воевавших, списать хотят, чтоб и памяти не осталось о великом кавказском походе. Но мы не уйдем! Так ведь, Олег Иванович? Пока не разберемся с ихней и нашей сволотой...

Кобозев замотал головой.

— Разбираться никогда не поздно, — сказал Макаров. — Я уже начал разбираться. Помогите мне.

— Хорошо, Олег Иванович, я подниму своих ребят, тех, кого надо...

— Не надо никого поднимать. Ты просто должен вспомнить, Миша, бой под Гехи.

— Кабы он один у меня был, бой... Погодите...

— У меня к тебе, может быть, дурацкий вопрос: ночь тогда очень темной была?

— Очень! Точно, жутко темной. Я хотел послать ребят, чтоб своих вытащить, а потом передумал. Никаких ориентиров, местность незнакомая, потерял бы еще бойцов. Один, контрактник, правда, полез на свой страх и риск. Как раз туда, где Сокольников лежал, но ни с чем вернулся. И сержанта не нашел, и сам чуть не заплутал.

— Что за контрактник? Фамилия?

— Рядовой Насонов.

— Это рыжий такой, со шрамом на подбородке? Именно человек с такими приметамы встречался с матерью сержанта и показывал женщине документы и письма сына.

Кобозев удивленно взглянул на Олега:

— С чего вы взяли? Волосы у него нормальные, и никаких шрамов. Отчаянный пацан. Позже на "оззэмку" налетел, — чеченцы такие мины на растяхки ставили. Посекло его тогда...

Тому, кто встречался с Сокольниковой, было около тридцати. Конечно, рядовой Насонов под такой возраст никак не подходит.

— Миша, а кто у тебя в батальоне из офицеров, прапорщиков рыжим был, а?

Комбат ответил не задумываясь:

— Не числились такие. Лысые — были, под ноль обобванивались, модная эта прическа "смерть вшам" называлась. А рыжих не водилось. — И без всякой паузы он спросил: — Олег Иванович, я что, действительно чокнутым стал? Выгонять меня из войск надо?

— Ну почему выгонять? — сказал Макаров. — Ты что, считаешь, что меня выгнали?

— У вас — другое, у вас ранения серьезные и услуга уже есть. А мне — тридцать с копейками. Точку в этом возрасте неохота ставить.

— Ты все же ложись в госпиталь, подлечись, пожди, что врачи скажут.

— Да знаю я, что они скажут! — Кобозев сощурил глаза и побледнел. — Меня туда навсегда упечь хотят, понимаете? Я ведь знаю новую тактику действий в горах. Так вот они хотят, чтоб я ее никогда и никому...

Олег заметил, как закусил губу жена Михаила, как наполнились слезами ее глаза.

22.

Слежку за собой Зырянов заметил, когда добирался от вокзала к дому Макарова. Человек в сером пальто с маленьким стоячим воротником

вскочил на подножку отходящего автобуса, кольнул взглядом Женьку, усевшегося у окна, и тотчас отвернулся.

Женька видел этого мужчину на платформе Киевского вокзала, потом — в длинном переходе метро на Павелецкой. Конечно, это мог быть и просто попутчик, но Зырянов решил все же сойти на пару остановок раньше. Он не стал вставать с кресла, пока автобус не остановился и не открыл двери, и только потом рванул с места и спрыгнул на серый, грязный снег.

Двери автобуса уже начали закрываться, когда через них протиснулось и серое пальто. Опять короткий, украдкой взгляд на Женьку. Потом человек достал сигареты, щелкнул зажигалкой, отвернулся, словно защищая огонек спиной от ветра... Но ветра ведь нет!

Женька пошел через дорогу, затылком ощущая чужой внимательный взгляд.

Хвост. Незачем вести его за собой к Макарову.

Как по заказу, прямо перед ним вылезают из такси пассажиры, в салоне "волжанки" никого не остается. Водитель стоит у открытого багажника.

— Отец, свободен?

— Нет, зависим. От денег клиента.

Таксист был толстый, мрачный, вроде пошутил, но не улыбнулся при этом.

— Тогда поехали.

— Поехали. Хотя в Магадан. Только это будет дороже, чем в Люблино.

Женька невесело ухмыльнулся: а и вправду, лучше бы махнуть в Магадан. Он хотел уже сесть на заднее сиденье, но услышал:

— Рядом садись. Сзади удавочку на шею накидывать легче.

Такси рвануло с места, и Зырянов только успел разглядеть, как его преследователь в сером пальто застыл на обочине дороги с поднятой рукой.

Он остановил машину за квартал от дома Аллы, таксист не захотел брать чаевые, отсчитал ему сдачу с сотенной до рубля. Женька уже отходил, когда водитель спросил:

— Слышь, парень! Руку где потерял?

— В Чечне.

— Ясно.

— Что ясно-то?

— Племянш мой там остался, сын сестры. В спецназе служил, во внутренних войсках. Из Сибири призывался.

— А я донской. Тоже спецназовец.

— Суки они, — сказал водитель, не став уточнять, кого именно имел в виду. — Столько наших пацанов загубили...

Женька ничего не ответил, глядя на дорогу, по которой только что ехали, — в этот вечерний час

она была пустой, значит, человек в сером пальто отвязался.

— Слышь, — опять заговорил водитель. — А чего ты из автобуса, да прямо ко мне? Может, помощь какая нужна? Или остановиться негде? Так это мы зараз устроим.

— Спасибо, отец, все нормально.

— Понял. Значит, ищешь, не где спать, а с кем. Не все, значит, тебе отшибло на войне, ну и слава Богу.

"Волжанка" развернулась и поехала в сторону метро, а Женька, пройдя по аллее до густых зарослей шиповника, остановился и вновь оглядел трассу. По ней спокойно мчались машины. Если в одной из них и сидел человек в сером, то Зырянова он, безусловно, потерял.

Алле, конечно, стоило бы предварительно позвонить, но Женьке было не до поиска жетонов в темном городе. Уже в лифте он сообразил, что надо было взять хотя бы бутылочку и конфет, но лифт остановился напротив нужной двери, и рука непроизвольно потянулась к звонку.

Дверь открылась тотчас:

— Женя? Женечка! Вот уж кого не ждала!

— Я некстати, да?

Алла поцеловала его в щеку, завела в комнату:

— Брось выдумывать, ты всегда кстати. Просто сейчас у меня квартирует один из постоянных, краснодарец. Позавчера приехал. Вот и подумала, что он вернулся. А он, между прочим, может сегодня вообще не прийти.

— Я очень огорчен, — мрачно сказал Зырянов. — Так хотел познакомиться...

Алла усадила Женьку на диван, покачала головой:

— Не заводись, Женечка! Мы сто раз уже говорили с тобой на эту тему. Да, ко мне приезжают и у меня останавливаются мужчины, мои отношения с ними тебя не должны волновать, как не волнуют они их.

"А на что, собственно, я рассчитывал? — подумал Зырянов. — Не семью же мне с ней создавать. Разве под силу мне на грошовую пенсию содержать эту женщину? Да и вообще, зачем я ей, такой красивой, такой уверенной, умеющей самостоятельно решать проблемы? Зачем? Она откровенна, и на том спасибо. Спасибо хотя бы за возможность встреч..."

Женька вымученно улыбнулся, и Алла, заметив это, сказала:

— Вижу, что ты все понимаешь. Потому будем сейчас пить с тобой чай, и ты расскажешь, почему явился не запыхавшись без предупреждения, на ночь глядя и такой взбудораженный.

— Давай чай, — сказал Женька.

Зазвонил телефон. Трубку сняла Алла:

— Слушаю! Алло, алло! — пожалла плечами, положила трубку на место, пояснила: — Наверное, кто-то номером ошибся. Но мог бы извиниться, а то сопит и ничего не говорит.

Едва она ушла на кухню, звонок раздался снова.

— Послушай, — попросила Алла.

— А если это твой красnodарец?

— Я тебе уже сказала: я независимая женщина, и мои гости это усвоили. Алексей Николаевич, кстати, о твоём существовании знает.

Женька не слишком охотно подошел к аппарату:

— Да!

— Зырянов, — раздался незнакомый голос, — ты не захотел вести за собой моего человека к Макарову, но не пожалел женщину, подвергая ее опасности. Или ты думал, что сможешь оторваться от "наружки"? Это несерьезно. Советую не задерживаться, ей не нужны неприятности.

Тотчас пошли короткие гудки.

— Кто там? — спросила из кухни Алла.

— Ты права, кто-то ошибся номером. — Зырянов вышел в прихожую. — Но чай не ставь, я... Мне надо срочно уйти.

"Ну вот, — думал он, спускаясь в кабине лифта, — сейчас все и прояснится. Ведь, по сути, меня вызвали из квартиры, значит, ждут. Что скажут, интересно? Как-то объяснят, для чего пистолет с моими пальчиками был подброшен к трупку Пилявина?"

Возле подъезда Зырянова никто не встретил. Он не спеша прошел по аллее до самого метро, часто останавливался, оглядывался. Прохожих в этот час было мало, и Женькой никто не интересовался. Только недалеко от входа в метро, там, где находилась стоянка такси, уже знакомый водитель высунулся из окошка и крикнул:

— Быстро ты управился, податливая, видать, попалась.

— Послушай, — сказал Женька. — Ты говорил что-то насчет ночевки...

— Так у меня квартира пустая. Жена уехала к матери...

Женька пожал плечами, усаживаясь на место рядом с водителем. А Алла в это же время набирала номер телефона Макарова:

— Олег Иванович, это Алла. Вы не разговаривали сейчас с Женей? Не пойму, что с ним случилось...

23.

Так что за рыжий и со шрамом встречался с Марией Ивановной Соколицевой? Если б не запрет Шиманова выходить на Тихонину, Макаров

что-нибудь да разведал. Но этот вариант отпадает, а другие пока не приходили в голову.

В "Москвиче" мог еще быть Володарский. Но как в столице найти человека, которого лишь мельком видел однажды ночью? В непонятной конторе Аксакова, где, кажется, трудился Володарский, о нем вряд ли что скажут — не та это контора, где посторонним говорят о своих сотрудниках. Ничего о нем Олегу неизвестно, даже имя.

Впрочем, почему это — ничего? Есть зацепочка. Если Володарский — стрелок и ездил на соревнования разных рангов...

Спецназовцам одно время давал уроки по огневой подготовке член олимпийской сборной Союза, многие годы он был тренером-селекционером, теперь уже не у дел, но может же хранить в памяти фамилию того, кто вроде бы подавал надежды? Понятно, что их, подававших эти самые надежды, было много, и все-таки попытка не пытка.

Фамилия его Зимин, телефон есть, теперь бы еще повезло, чтобы олимпиец оказался дома и согласился помочь.

Зимин был дома. Володарского он помнил.

— Ну как же, Ленечка. Негодяй. Почему негодяй, это я говорить тебе не буду, но если придется с ним контактировать, то просто имей в виду, что он не порядочный человек. В нашей команде двое таких было дружков, мы от них избавились. Дальнейшую судьбу Ленечки я не отслеживал, мне это не нужно было, координат его, естественно, не держу.

— А кто может держать?

— Кто может, кто может... Только такой же негодяй, как он сам, и может. Кстати... Сейчас посмотрю... Ты знаешь, совершенно случайно у меня остался телефон его дружка. Тот помоложе чуть был, может, образумился, хотя лично я не верю в это. Ты записываешь? Георгий Насонов, а номер у него, значит, такой...

Что-то помешало Олегу накрутить с ходу семь названных цифр. Сразу он даже не понял, что именно. А когда сообразил, то позвонил уже по другому телефону.

Насонов — так комбат-два назвал того солдата, который ночью пробовал добраться до тела сержанта Соколицева. Фамилия, конечно, обычная, но почему бы и не поинтересоваться, не имеет ли боец родственников-спортсменов.

Кобозев даже не выслушал до конца вопрос:

— Какие родственники? Он сам мастер спорта, выступал за "Динамо", потом там неприятность какая-то с ним произошла, отчислили его...

— Постой, Миша. Насонов у тебя в рядовых ходил, если не ошибаюсь? Так когда же этот пацан успел всего добиться?

— Пацан?! Да Насонов лишь немногим моложе

меня, Олег Иванович. Он по контракту служил, понимаете? Наемником. У, зверем был! Я приглашу его, когда мы опять туда пойдём...

Олег нахмурился, но перебивать Кобозева не стал, выслушал его тираду по поводу продолжения кавказской войны и только тогда спросил:

— Ты контакты с ним не поддерживаешь?

— Я же вам говорил, его ранило, на растяжку он ночью наскочил, в госпиталь угодил. А потом контракт закончился, Насонов его не продлил. И все. Я лишь слышал, что он работает или служит в каком-то военном ведомстве, но вот в каком именно и в качестве кого — не знаю.

— Он не рыжий был, а?

— Вы уже спрашивали, Олег Иванович. В батальоне вообще не было рыжих. Это меня сейчас хотят рыжим сделать, вышвырнуть из войск.

Дальше пошли обрывки диалогов, непонятное бормотание, потом трубку взяла жена Михаила:

— Простите его, Олег Иванович. Он уже не сообщает, что говорит...

Макарову надо было бы сделать еще один звонок, рассказать о солдате-контрактнике Шиманову, но он решил, что в этот вечер с телефонными переговорами и так выходит перебор. И потом, вдруг кто-то захочет позвонить и ему, а аппарат все время занят.

Эта его мысль словно сразу же была подслушана: звонила Алла, она спросила о Зырянове...

24.

— Ты, отец, лучше подбрось меня к ближайшей гостинице.

— Не выдумывай. Деньги лишние, что ли, чтоб на ветер их выбрасывать?

— Деньги у меня как раз есть.

— Вот и береги их. Молодой ведь еще, сгодятся. А спать можно и у меня.

— А ты отчаянный, отец. Что, если я соберу в сумку все твоё барахло и вынесу?

Таксист покосился на Женю:

— Одной рукой много не утащишь. И потом, я за свою жизнь научился в людях разбираться.

Белая "пятерка" уже довольно долго шла за ними от самого метро, выдерживая постоянную дистанцию метров в сорок. Женке это не нравилось, но таксисту он ничего не решался сказать. Тот, однако, преследование заметил сам.

— Кто это к нам, елки зеленые, прицепился? Не знаешь эту машину?

— Я в Москве пока вообще мало чего знаю.

— Тогда помотаем ее малость.

Таксист сбавил скорость, потом неожиданно газанул, свернул, не включив поворот, в ближайший

переулок, вновь выскочил на основную трассу. "Жигули" шли как привязанные.

— За выручкой охотятся, суки, — сделал вывод водитель. — Хорошо, хоть ты рядом, вдвоем — оно не так страшно, хоть и... — он покосился на его правую руку. — Надо нам, парень, в центр рулить, там милиции побольше, они отцепятся.

"Чтоб они отцепились, надо тебе, отец, меня посадить, — подумал Женя. — Я им нужен, а не твоя выручка". А вслух сказал:

— Они бы тормознули уже нас, если бы захотели. Чего ждуть?

— А черт их знает чего! — Таксист утратил привычное спокойствие, на крупном его лице выступили капельки пота. — По пути переулок один есть, где дворами можно проехать. Если там от них не отворемся, рулим к ближайшему посту ГАИ.

Водителем он был классным, и дорогу знал на зубок: вырубив фары, свернул из узкого переулка под арку, запетлял в слепом слаломе меж деревьями, мусорными баками, улитками-гаражами, заглушил мотор возле одного из подъездов.

Так, в полной тишине, они просидели минут десять, потом таксист сказал, почему-то шепотом:

— Я выйду, взгляну в переулок. Мало ли что, может, там нас караулят.

— Вряд ли, — не согласился Женя. — Для грабителей это сложная игра. Если б они только были уверены, что у тебя мешок денег, тогда бы, может, и караулили.

— Сейчас жизнь такая — за копейку удавят. — Таксист бесшумно открыл дверцу машины, попросил: — Ты только не выходи никуда, ладно?

Вернулся он быстро, и впервые улыбнулся, хотя улыбка была натянутой:

— Чисто все. Ну, попали в переплет! — Он тихонько тронул машину. — А я грешным делом подумал, что ты от страха сбежишь, бросишь меня. Не бросил, оказывается. Ты не офицером был? По возрасту вроде на солдата не совсем похож.

— Старший лейтенант. В отставке.

— Вот я и гляжу. Наш-то погиб — бриться еще не начал. Хороший у меня племян был...

Ехали недолго, остановились у пятиэтажной "хрущевки", обсаженной старыми тополями.

Квартира таксиста была на третьем этаже. Он включил свет в коридоре и на кухне, сразу же направился к холодильнику:

— После таких гонок можно и по сто пятьдесят пропустить, я сегодня за руль уже не сяду. Сейчас закусь сообразим, котлеты разогреем. Может, и супец похлебаешь?

— Нет, спасибо. — Женя подошел к окну, выглянул на улицу. Конечно, хозяину не надо было сразу включать свет, тот, кто хочет, элементарно

вычислит по загоревшейся лампочке квартиру. Но вроде все спокойно снаружи.

— Иди к столу, давай первую стопку за знакомство выпьем. Меня Степаном Ильичом зовут.

— А меня Женей.

Выпили, закусили хрустящими огурцами и соленой капустой.

— Капусту сам шинкую. По огурцам жена специалист, но и они ничего получились... Пока, Женя, котлеты разогреваются, давай курнем. После таких вот передрыг больше тянет к сигаретам, а не к водке.

Вышли на балкон.

У дома стояло несколько машин. Таксист прошелся по ним внимательным взглядом.

— Мать твою!.. Совсем запугали старика.

— Что случилось, Степан Ильич?

— Да вон, видишь, белая "пятерка" стоит, точь-в-точь как та, которая за нами гонялась. В доме никто такую не держит.

— А может, в гости кто заехал?

Степан Ильич помолчал, потом сказал угрюмо:

— Все может быть. Но когда мы с тобой входили в подъезд, "пятерка" не стояла, это я точно говорю.

У дома не было ни одного человека. В поздний час по мерзкой сырой и холодной погоде не находилось любителей прогуляться. Но чутье разведчика, не утраченное еще, подсказывало Зырянову, что из темноты, из-за густого частокола голых зарослей сирени надо ждать опасности.

Едва видимый огонек блеснул там, будто кто-то коротко и с силой затянулся сигаретой. Недалеко от головы Зырянова в кирпичную стену ударила металлическая капля.

Степан Ильич втянул голову в плечи, юркнул в комнату, позвал Женьку:

— Быстрее сюда!

Когда Женька оказался рядом, он опять неизвестно зачем перешел на шепот:

— Из рогатки шариками подшипников стреляют, что ли?

— Может быть, — кивнул Женька.

Но он-то знал, что это стреляли из пистолета с глушителем.

25.

Макаров плохо спал ночь, все ждал, когда придет Зырянов, но Женька так и не появился. Не питавший особой любви к телефонам, Олег принялся накручивать номера.

Леся сказала, что Зырянов выехал накануне автобусом с таким расчетом, чтоб успеть на последнюю электричку. Это означало, что именно

ею Женька вчера вечером приехал в Москву, но почему-то поспешил сразу не к нему, а к Алле. Там повел себя тоже непонятно, поздоровался и исчез. Кто мог испугать его телефонным звонком?

Какие-то новые нотки улавливались в словах Леси. Может, Олегу показалось, но она была рада его звонку, говорила не так сухо и скупко, как всегда. Впервые называла его просто по имени. "В гости не собираешься? Мы скучаем по тебе". — "Через неделю рассчитываю приехать, ждите!"

Через неделю...

За это время надо разобраться с Насоновым, с Володарским, прояснить, что все-таки случилось под Гехи с сержантом Сокольниковым.

Но первым делом надо все-таки разыскать Женьку. Кого-то он мог встретить на вокзале или в электричке, вот потому и не приехал сюда. У Аллы появился не по делам сердечным, это ясно. Был расстроен, все же собирался пить чай, но убежал сразу после непонятного звонка...

И еще надо все-таки дожать Шиманова в отношении Тихониной. Эта женщина может объяснить многое. Надо было вообще о ней не заикаться, действовать самому, и все. А скажи сейчас Толику о Насонове, не исключено, тоже услышишь: "Не лезь к нему, это не твое дело..." А чье? По большому счету, ведь и не его, Шиманова, и не его ОМОНа. А действительно, какой интерес у Шиманова к мадам Анастасии? В какой игре она козырь? Он что-то о торговле оружием говорил, но такими проблемами скорее РУОП озабочен, а не "черные береты". У них работа оперативная.

Нет, о Насонове Олег никому ничего не скажет. С ним он поговорит сам: как-никак, бывший подчиненный. В "Москвиче" он не сидел, поскольку не рыжий и без шрамов.

У Насонова надо узнать все о Володарском. Вполне возможно, они до сих пор поддерживают приятельские отношения.

Тот, кажется, растерялся, услышав по телефону голос своего командира.

— Товарищ полковник? Вы как меня разыскали?

— Через Интерпол, — рассмеялся Олег. — А без шуток, могу рассказать, как и зачем, при встрече.

— Вы просто чудом до меня дозвонились, это ведь дом родителей, я тут редко появляюсь, а сейчас убегаю в контору — на работу опаздываю.

— Я могу подъехать и в контору...

— Нет, туда не надо, — быстро ответил Насонов. — Рядом с моей работой небольшой парк есть, прудик. Я выйду туда часов в десять, скажем. Вас это устроит?

— Вполне. Только... — Олег чуть замялся. — Только я честно признаюсь: в лицо тебя почти не помню.

— Это ничего. Я-то вас узнаю. Да и не людно там в этот час. Бородатого увидите, это я и есть.

Расспросив, как попасть в этот самый парк, Макаров положил трубку и взглянул на часы. Поездка предстояла неблизкая, времени у него оставалось только на то, чтоб съесть бутерброд и выпить кофе.

Кофе он еще не успел допить, как зазвонил телефон. Наконец-то Женька объявился, подумал Макаров, но ошибся.

— Олечка, привет! Не разбудил?

— Ну что ты! Я уже стою в пальто.

— Куда намылился?

— За кефиром.

Шиманов чуть помолчал, словно что-то обдумывая, потом бодренько заявил:

— Вот и отлично! Попьешь кефирчику, и сразу мчись ко мне, есть неотложное дело.

Олег скривился и еще раз взглянул на часы:

— Сразу — это как? Тебя полдень устроит?

— Меня устроит, если ты кефир будешь пить за моим столом.

— Толя, я освобожусь лишь к обеду. У меня деловое свидание, отменить его не могу.

— Да я ведь тебя тоже не ля-ля травить приглашаю.

Насонов уже убежал на работу, подумал Макаров, так что звонить и отменять встречу поздно.

Был бы хотя бы его рабочий телефон... Нет, все равно с ним надо встретиться, и лучше встречу не откладывать.

— Толя, если получится, буду раньше двенадцати, но сейчас ты меня прости! Как только освобожусь, из ближайшего же автомата тебе звякну.

— Ну-ну...

Парк был действительно тихий, прудик небольшой, даже с аэрационной трубой, темная не замерзшая вода дала пристанище стае диких уток. Малыш с берега бросал им куски белой булки.

Сюда Макаров до-

брался на удивление быстро, до встречи с Насоновым оставалось еще пятнадцать минут. Но Олега, оказывается, уже ждали. Симпатичный улыбающийся парень подошел к нему:

— Олег Иванович?

— Он самый. — Олег протянул ему руку. — А вы Георгий, значит?

Тот ответил на рукопожатие, и улыбка его стала еще шире:

— Нет, Георгий у нас с бородой и посолидней. Я так — мальчик на побегушках.

Черт, ругнул себя Макаров, и точно, Насонов же говорил про бороду.

— Пойдемте, машина ждет.

— Куда? Мы вроде договорились здесь с ним встретиться...

— Насонов ждет вас в своем кабинете, кофе горячий на столе.

— Ну если кофе горячий...

Сели в сияющий, ухоженный "форд". Шофер был чем-то похож на того парня, который встретил Макарова: и по возрасту, и по веселым глазам. Только молчун: пока ехали, не проронил ни слова. А ехать пришлось долго. Макаров даже удивился этому: Насонов говорил, что контора рядом с парком.

— Мы крюк даем, Олег Иванович. На машине иначе туда не подъедешь.

ТАИНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

Остановились у подъезда жилого дома, — длинной девятиэтажки, где не было ни площадки для парковки автомобилей, ни вывесок.

— Небогато живете...

— Неброско, — поправил сопровождающий. — А это, знаете ли, разница.

Поднялись на шестой этаж, вышли на обычную лестничную площадку, где была приоткрыта одна из дверей.

— Где тут ваш кофе? — спросил с порога Олег, потирая ладони.

— Хрен тебе, а не кофе! — ответил ему Шиманов, появляясь в коридоре. — Кефир, блин, будешь лакать, ты ведь по утрам только кефир пьешь. Хотя я бы и его тебе не налил. Спутал, понимаешь, нам все карты...

26.

— В переплет однако мы попали, — зашептал таксист. — Главное, не могу понять почему. Ты можешь это как-нибудь объяснить?

— Котлеты сгорят, Степан Ильич, — сказал Женька.

— Что? — не сразу понял тот. — А... Да шут с ними, с котлетами! Тут бы в живых остаться. Я в чем и перед кем провинился, а?

Эти же вопросы задавал себе и Зырянов. Пока

он был уверен в одном: если его преследует Лис со своими людьми, то хочет не убить, а напугать. Промаяхнуться в человека, стоящего на фоне освещенного окна, его люди не могли. И потом, пулю в него проще было вогнать там, в деревне.

Но откуда они знают адрес и телефон Аллы? Вот это загадка так загадка, нет даже вариантов ответа.

— Хорошо хоть жены дома нет. — Таксист опять перешел на шепот. — Она бы панику уже подняла... Может, и нам надо все же в милицию обратиться, а? Только телефон я грохнул спяну, а новый никик не куплю.

Зырянов нахмурился:

— Жаль, хотел командиру позвонить. А милицию пока беспокоить нечего. О чем заявим-то?

Степан Ильич подумал и согласился:

— Действительно, не о чем заявлять. Ехали следом, из рогатки пульнули... Все действительно так и было, а что-то не по себе. Меня пробовали как-то душить два молокососа: с удавочкой сели в машину. Наверное, до сих пор лечатся: хорошо я им тогда наkostenял. Но в тот раз я даже испугаться не успел. А тут... Что делать-то будем?

— Котлеты кушать, — сказал Зырянов.

Таксист после этих слов немного успокоился, даже попробовал улыбнуться:

— А и вправду, другого ведь ничего не остается.

Котлеты действительно успели малость поджариться, но Степан Ильич этого даже не заметил, он с опаской поглядывал в сторону балкона.

Гул заработавшего двигателя они услышали одновременно: кто-то перегазовывал на холостом ходу. Таксист метнулся к окну, осторожно выглянул из-за шторы:

— "Пятерка" отъезжает. Ну, та самая... Гады, мажут мне на прощание, представляешь? Во, гады!

Зырянов тоже подлетел к окну, но ничего уже не разглядел: машина выехала из освещенного фонарями пространства.

— Ты не запомнил, как они выглядели?

Степан Ильич покачал головой:

— Нет. Который впереди рядом с водителем сидел, лишь руку высунул в окно и... До свидания, мол.

— Свидание с ними нам ни к чему...

Разговор прервал звонок в дверь. Короткий, больше не повторившийся.

— Жена не могла приехать?

— Не...

— А кто из соседей в гости зайти?

— Так никто не звонит. Да и какие гости в двенадцать ночи?

Зырянов мягко, кошачьим шагом подошел к две-

ри, взглянул в глазок. Никого не увидел, но от этого ему легче не стало. Глазок Степан Ильич врезал хороший, с большим обзором, и Женька без труда усек тонкую нить провода, идущего чуть наискосок от верха дверной коробки вниз, скорее всего, к ручке.

— Кто там? — спросил таксист.

— Не кто, а что.

Женька отодвинулся, давая возможность хозяину квартиры обозреть лестничную площадку.

— Ничего нет.

— А провод? Он у вас что, все время висит?

— Провод? Ага, теперь вижу. Неужто бомбу приладили, гады?

— Примерно так. Растяжку поставили.

Зырянов опять прильнул к глазку. Или наспех сработали мальчишки, или они не профессионалы. Зачем провод натягивать так, чтоб его было видно? И не только в проводе дело: если очень постараться, можно разглядеть даже рубашку гранаты, прикрепленной к внешней ручке двери. Хорошая граната, на славу ахнет, если...

— Я позову сейчас через балкон соседей, — сказал таксист. — Пусть милицию вызовут.

— Погоди, Степан Ильич.

Зырянов накрыл ладонью уставшие глаза. Надо все попробовать рассмотреть во взаимосвязи, как учили в училище.

Топорно действовал тип в сером, поэтому Женька его вычислил. Не лучше вели себя преследователи на белой "пятерке". Их заметил не только он, разведчик, но даже таксист. Далее — неточный выстрел. Теперь вот — растяжка.

Граната укреплена так, что ее видно. Очередная их промашка? Перебор получается с халтурой, явный перебор. Не остановили, не подстрелили. Значит, и не взорвут.

— Степан Ильич, ты на всякий случай отойди подальше.

У таксиста округлились глаза:

— Ты что делать хочешь?

— Разминированием заняться.

— Не шути так, Женюша...

Но увидев, что Зырянов взялся за ручку двери, Степан Ильич, не говоря больше ни слова, пошел на кухню.

А Женька начал колдовать с дверью. Отщелкнул замок, медленно провернул круглую скользкую ручку. За нее, ясное дело, впопыхах растяжку не закрепить, устройство, если это не тупта, сработает, когда дверь будет открываться и натянет провод.

Хорошо говорить — если. Вот бабахнет сейчас...

Так, маленькая щель есть, дверь поддается без

напряга. Уже можно просунуть руку, пощупать, что там и к чему.

Растяжки как таковой, оказывается, нет. Вниз от гранаты провод не идет. Саму гранату Женька еще не видит, но уже ощущает всю ее пальцами: не тот вес. Значит, муляж.

— Граната? — уважительно спросил Степан Ильич.

— Игрушка. Топорно, кстати, сработанная. А теперь, Ильич, давай спать. Никому мы с тобой не нужны.

27.

Шиманов пил черный кофе и брезгливо смотрел на кружку Олега:

— В тебе нет ничего аристократического. Променять, блин, напиток богов на скисшее молоко...

— Боги нектар пили. И вообще, Толя, хватит дурачиться. По какому праву вы меня подслушиваете?

Шиманов сделал удивленное лицо:

— Мы? Тебя?

— А ты что, совершенно случайно позвонил мне сразу после того, как я переговорил с Насоновым?

— Не случайно, Олег, тут ты прав, отнюдь не случайно. Но заметь, я позвонил не сразу, что очень даже существенно. Я позвонил лишь тогда, когда меня некоторые товарищи попросили об этом. И, кстати, предоставили для встречи с тобой вот эту комнатушку. Кефир тоже оплачен ими. Улавливаешь суть?

— Конторой Аксакова?

Шиманов хмыкнул:

— Так тебе все и скажи! Не спеши, Олег, с выводами, не надо. Я так понял, что прослушивали не тебя, а телефон Насонова, и ты на чужой крючок попался.

Макаров не выдержал, ругнулся, потом зло сказал:

— Если и Насонов не в ладах с законом, то что же получается: вокруг одно дерьмо?

— Да ты просто в одном месте месишь, вот и все. В одном болоте, блин, топчешься, понимаешь? А поскольку ты дюже настырный, мне позволили кое-что тебе разъяснить. У спортсменов термин такой существует — уровень игры. Есть уровень дворовых команд со своими чемпионами, есть класс "Б", а есть — элитная высшая лига. В элитной играют большие профессионалы, и это только кажется, что правила пишутся одни для всех. У них — свои. Так вот, ты, сам того не ведая, на другой уровень вышел, на тот, куда тебе выходить не следует, понимаешь? Крашенинников, Пи-

ТАИНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

лявин — это как раз дворовые игроки... Кстати, ты уже знаешь, что Пилявина мертвым нашли недалеко от той самой деревни, куда твой Зырянов уехал?

— Мертвым? Не слышал.

— Ну да. В газете написали, что его убили из китайского ТТ, стреляли с левой руки, на оружии остались отпечатки... У Зырянова случайно не правая рука отрублена?..

Олег промолчал, переваривая свалившуюся на него информацию. А Шиманов продолжал говорить:

— Все написанное — туфта, конечно... Но вернемся к нашим непосредственным делам. Все шло более или менее тихо и мирно, пока один из элиты не свалил дурака. У него очень серьезная, ответственная, высокооплачиваемая работа была, с перспективой роста, а он решил к тому же и шабашкой заняться. Ты можешь себе представить, к примеру, директора коммерческого банка, продающего еще и воблу у пивного ларька?

— Представить, может, и могу, но не пойму, зачем такое длинное предисловие? Меня банкиры и вобла сейчас мало интересуют.

Шиманов вновь взял чашку с кофе, спросил:

— Олег, у тебя как башка, по-прежнему болит, когда психовать начинаешь?

— А что, есть повод психануть?

— Может быть. Я, к примеру, не представляю, как ты отнесешься к тому, что твой человек, человек, которым ты командовал, которого воспитывал, которого видеть сейчас хочешь, подлец из подлецов.

— Это ты о Зырянове? — Олег встал из-за стола. — Тот китайский самопал я ему дал, я, понимаешь? Но все равно надо еще доказать, что Женька стрелял...

— Погоди-погоди. — Шиманов махнул рукой. — Я же сказал, что все написанное — ерунда. Убили Пилявина из "Макарова", вогнали три пули из трех разных стволов. В газету же кто-то и зачем-то запустил "дезу". Не о старлее твоём сейчас речь. — Он приложил палец к губам и покачал головой: мол, язык за зубами надо держать, дружок. Тем самым дал понять, что комната прослушивается. — "Воблой", то бишь, блин, документами сослуживцев решил приторговывать твой контрактник Насонов. Он вышел на своего давнего друга Володарского, с которым в старое, доперестроечное время валютными операциями занимался, из-за чего их и турнули из большого спорта. Так вот, Насонов в Чечне раздобыл документы двух погибших ребят. Пятьдесят миллионов выманил у одной семьи, столько же просил и у Соколицевой, но тут появился ты,

и сделка не состоялась. Как тебе нравится такая информация?

Макаров немного подумал, погладил ладонью затылок, лишь потом сказал:

— Я этот вариант проигрывал. У меня не все стыковалось. С Соколицевой встречался рыжий человек со шрамом на подбородке. Кобозев сказал однозначно: шрамов у Насонова не было, и не рыжий он.

— Я думал, ты сейчас начнешь доказывать, что Насонова не воспитывал, своим не считаешь. Тут бы я с тобой полностью согласился. А вот по остальному... Разве комбат не говорил тебе, что Насонов в госпиталь попал, нарвавшись на растяжку? Соколицева его безбородым видела, потому шрам заметила, но это ведь две недели назад было.

— А волосы он покрасил?

— С волосами несколько иная история. Ты ведь мне рассказывал о том, что многие солдаты носили прическу "смерть вшам". Вот и Насонов лысым ходил, оттого никто и не знал толком цвета его шевелюры. Еще вопросы есть?

— Почему в таком случае Насонов еще не в кутузке?

— Бумаги на сержанта Соколицева до сих пор у него, наши ребята их только сфотографировали. Родителям, которым он обещал вернуть из плена сына, он отдал лишь документы, письма на обмен на деньги, а потом слинял, узнали Насонова по фотографиям. Но арестовывать его никто пока не собирается. А почему — не спрашивай. — Анатолий опять приложил палец к губам. Сделав паузу, продолжил: — Скажи спасибо, что мы уберегли тебя. Кто знает, как повел бы себя мародер, почувствовав, что ты его подозреваешь?

Они вышли на улицу.

— Чужая контора, вполне возможно, в ней все пишется и прослушивается господином-товарищем Борщевым, — прервал молчание Шиманов. — Еще о Насонове. Если ты, Олежка, переживаешь, что эта тварь останется безнаказанной, то выбрось из головы дурные мысли. Как только нынешние начальники Насонова узнают, чем хлопчик занимается, они вынесут ему такой приговор, что отсидку в тюрьме он посчитал бы за счастье. Уверен, даже арестуй мы его, на следующий день найдем в камере или с петлей на шее, или с резаными венами и уже холодного.

— Это за мародерство-то?!

— Не смей! Ты хоть знаешь, чем сейчас занимается твой бывший солдат?

— Точно нет...

— Мы уже говорили с тобой, что в Чечне были случаи, когда наши оружие "духам" толкали: кто

гранату, кто автомат... А контора, где числится Насонов, поставяла и сейчас поставяет туда стволы партиями. И танки, и снаряды, и что хочешь. Все хитро делает, через третьих лиц... И кто же позволит, чтоб Насонов предстал перед судом и заговорил? Люди, продающие оружие, носят красивые такие, шитые золотом погоны, соображаешь? А на вырученные деньги кормятся и строят дачи не только они, но и политики с громкими именами. Так что процесса над Насоновым никогда не будет.

— И что же ты предлагаешь? Сидеть сложа руки? — Макаров в растерянности даже остановился.

Шиманов пожал плечами:

— Почему? Видишь же: подлеца пасут, в нужный момент капнут его же боссам, и того уберут. Там это, поверь, умеют делать. Много любителей хотело или пристроиться к этой кормушке, или правду о ней написать... Одних с почестями хоронили, о смерти других и не узнал никто. Вот в таком мире, блин, мы и живем, Олежка.

— А Крашенинникова, Пилявина почему убили? Они тоже с оружием были связаны?

— Нет, тут другое. Крашенинникова убрали люди Насонова. Когда не удалось на мякине провести Соколицову, и твой контрактник увидел с нею тебя, он испугался, стал избавляться от свидетелей. Крашенинников как раз знал, что Насонов выдавал себя за сослуживца погибших бойцов и пытался выкачивать из их родственников деньги. Крашенинникову всадили ножичек, причем все обставили так, чтоб подозрение пало на Пилявина. Теперь уничтожили Пилявина, а виновным в случае чего сделают любого. Поверь, все будет сработано профессионально.

— Толя, ну откуда вы все это знаете?

— Есть в окружении Насонова типчик один...

— Володарский?

Шиманов присвистнул:

— Ты это... Знаешь много, дружок. А количество знаний обратно пропорционально длине жизни. Так что фамилию Володарского лучше забудь.

— А что дальше? Оружие так и будет уходить на Кавказ? Даже если эти продавцы и покупатели с засветившимся Насоновым разберутся?

Шиманов замедлил шаги, спросил, в свою очередь:

— А чего ты мне такие глупые вопросы задаешь? Вокруг оружия крутятся, блин, такие деньги, что никакой страх не заставит от них отказаться. — Он остановился, пристально посмотрел на Макарова. — Но я там столько пацанов потерял... Тоже, как и ты, не смогу и не хочу с этим мириться. Поэтому свой планчик у меня есть. Мы его как-нибудь

на досуге обсудим, но не сейчас. Сейчас мне не до того.

— Толя, когда ты спрашивал, не левша ли Женя Зырянов... Ты уже знал, что его подставили? Он позавчера выехал в Москву и пропал.

— Как пропал? Слушай, давай вечерком встретимся, обсудим эту тему. А до того позвони Насонову, извинись, придумай повод, почему свидание не явился. И на ближайшие два-три дня о новой встрече не договаривайся.

28.

Женька который раз взглянул на часы. Пора, наверное, уходить. Половина пятого. Лис, скорее всего, не придет.

Зырянов несколько раз порывался позвонить Олегу Ивановичу и каждый раз возвращал жетон в карман. Ну что он мог сказать Макарову? Выручай, командир, я опять влип, на меня труп хотят повесить...

Плохо, что за все дни, проведенные в Москве, так и не удалось заказать протез. Ну да ладно, черт с ним. Он ведь все равно руку не заменит.

Шестнадцать сорок. Было бы куда уйти, он бы ушел, а тут... Правда, Степан Ильич предложил еще недельку, пока не приехала жена, пожить у него, но это не решение проблемы. Хватит стеснять мужика. И Макарова нечего морочить. Надо прямо сейчас ехать на Казанский, брать билет до Ростова, возвращаться в родной дом...

Без четверти пять. Все. Пора топать к метро.

— Зырянов!

Лису надо было хотя бы извиниться за опоздание, но он лишь лениво улыбнулся:

— Не замерз?

— А я уже собрался уходить.

— Напрасно. Я с неплохими новостями... Ты не хочешь перекусить? Тут есть заведение одно, хорошие блинчики подают.

Женька шел рядом с Лисом, обдумывая, как ему начать разговор об убитом Пилявине, о человеке в сером пальто, о выстреле в кирпичную стену, о растяжке... Зачем это понадобилось Лису?

— Так вот, Зырянов, повторюсь: я неплохие новости принес. Будет тебе и работа, и жилье. Кроме того, когда шеф узнал о твоей беде с рукой, сразу же поговорил с кем надо и добыл австрийский протез. Должность твоя — инструктор спецотряда, оклад — тысяча баксов, есть перспектива роста. Годится?

Женька сразу забыл о том, что Лис опоздал почти на час, забыл, что собирался задать кучу волновавших вопросов. Спросил об одном:

— А гостинка — в Реутово?

Лис хохотнул:

— Гостинка?! Тебе по гостинкам да по общагам таскаться не надоело? Выделили тебе, конечно, не хоромы, но нормальную однокомнатную в районе Павелецкого вокзала, с телефоном и холодильником, в котором, кстати, на первое время даже жратва есть. Можешь хоть сегодня бабу приводить... — Он повернулся к Зырянову, не сбавляя шага. — Но запомни: любовь можно крутить только с девочками отряда. Никаких шлюх, никаких уличных знакомств, о каждом контакте с неизвестным лицом должен информировать руководство. С телефоном тоже не все просто. Признаюсь по-дружески: он прослушивается, и все разговоры личного характера запрещены. Зато холодильником пользуйся как тебе заблагорассудится. Там, кстати, стоит бутылка... Слушай, дались нам эти блины! Едем к тебе, новоселье, так сказать, справим...

Комнатка оказалась что надо! Чистая с удобной мебелью, телевизором, даже с гантелями у широкой аккуратно застеленной кровати. Лис небрежно подкинул вверх связку ключей:

— Держи, теперь они твои.

— До какой поры?

— Это ведомственная квартира со всеми вытекающими отсюда последствиями. Пока будешь у нас, будешь тут жить. И год, и пять... Впрочем, через пять, если дела пойдут нормально, сможешь сам приобрести кое-что посолидней. А если повезет и примешь участие в спецоперациях, то мешок денег сразу отхватишь.

— Я на деньги не жадный, — возразил Зырянов.

Лис на эту фразу никак не отреагировал, достал из холодильника копченое мясо, свежие помидоры, петрушку, налил по рюмке водки.

— С соседями тоже контактируй поменьше. Они тут, правда, не любопытные, но в случае чего скажешь, что квартиру тебе выделила войсковая часть, в Москве занимаешься оформлением пенсии по инвалидности. В город выходи пореже: крути видак, есть около сотни разных кассет, и в любую минуту жди телефонного звонка. Порой и день, и два никому не понадобится, но если шефу приспичит, а тебя не будет на месте... В общем, сиди в квартире хотя бы первые дни, пока не привыкнешь к нашему укладу. Это, пожалуй, единственное неудобство в твоей новой службе...

Женька не скрывал улыбки:

— Я только и мечтал отлежаться. И потом, неудобство — это когда по тебе стреляют, когда на пятки наступают. Зачем вам понадобилось обкладывать меня вчера, как волка красными флажками?

Лис с недоумением посмотрел на него, пожевал губами, выпил водку и только потом сказал:

— К твоему сведению, я отныне твой непосредственный начальник, а с начальством у нас говорить можно на любые темы, но вопросы задавать не надо. Однако... Что ты имеешь в виду? Какие красные флажки?

Зырянов коротко рассказал о прошедших событиях. Лис ни разу не перебил его, сидел, сощурив глаза, глядя в темное окно. Выслушал до конца, смачно выругался, потом сказал:

— Можешь в деталях описать того, в сером? Жаль, что не разглядел остальных. После моего ухода этим займешься: бумага, ручки в столе лежат... Послушай, если за тобой организован хвост, то мы могли его сейчас привести и сюда?

— Я утром, когда от таксиста ушел, специально по всему городу мотался: был и на рынках, и в магазинах, из автобуса в автобус перескакивал. Если кто-то меня сегодня и пас, то он скорее всего сбился со следа. Но кому же я все-таки понадобился, а?

Лис встал из-за стола, подошел к окну, зачем-то задернул плотные шторы.

— Не знаю, Зырянов, в курсе ли ты... В общем, погиб наш общий знакомый, за которым мы охотились под Калугой. Пилявин. Слышал об этом, нет? Кто-то пристрелил его возле того самого сарая, где мы в последний раз встречались.

— А разве Пилявина — не вы?..

Опять недоуменный взгляд:

— С чего ты взял?

— Но ведь возле трупа нашли пистолет, тот китайский ТТ, который ты у меня взял!

— А-а, да, в газете так было написано. Ты газету читал? Ты еще веришь газетам?

Женька развел руками:

— Но журналисты же не могли выдумать про этот ствол? Про то, что убийца был левша? Милиция же нашла ТТ с отпечатками моих пальцев? Тот самый ТТ, который принадлежал когда-то Крашенинникову.

— Тот самый? — Лис словно неожиданно вспомнил о чем-то, прошел быстрым шагом в коридор, где оставил свой кейс. — Тот самый... Я его так никуда и не пристроил, представь себе. — Он открыл кейс, и Зырянов увидел в нем лежащий среди бумаг и газет пистолет. — Ты о нем ведь говоришь?

— О нем.

Зырянов не мог ошибиться, это был действительно тот самый ствол, с чуть заметной царапиной на рукоятке.

— Забирай, если хочешь, стирай отпечатки своих пальчиков, можешь вообще его уничтожить как

вещдок. Только возле трупа Пилявина он не лежал, ты имей это в виду. И также имей в виду, что кому-то ты страшно небезразличен, а поэтому меры безопасности, о которых я тебе толкую, — не простые слова. Пока не выясним, кому и зачем ты понадобился, — никаких встреч и разговоров с Макаровым. Ты ведь понимаешь, что можешь просто подставить его. И с женщиной своей тоже на время завяжи. Не терпится — найдем тебе подружку. Но близкими рисковать не надо, это, если хочешь, наш неписанный закон.

Зырянов кивнул.

— Теперь вот что. Ты наверняка хочешь знать, чем занимается спецотряд? Скажу... Хотя нет, прежде спрошу. Ты веришь, что наши любимые власти всерьез борются с коррупцией и хотят покончить с мафией?

— Если они сами воруют...

— Это полдела. При власти ведь есть и честные люди. Они бы, может, и рады хоть немного порядок навести, да кто же им это позволит сделать? Пойдет процесс за процессом, пойдут такие признания и разоблачения, что наверху никто не удержится. Это с одной стороны. А с другой — связи криминала с партией власти настолько очевидны, что и у простых людей тоже интересенькие вопросы скоро могут возникнуть. И что же остается делать?

— Что? — спросил Зырянов.

— Тебе, военному, и непонятен ответ? Как вы с врагами в горах поступали? Или ты считаешь, что те, кто народ обворовывает, в страхе его держит, не враги? И не надо с ними бороться?

Женька промолчал.

— Короче, решено применить к врагам нетрадиционные методы наказания: только так можно обезглавить верхушку преступных группировок и тех, кто занимается экономическим разорением страны. Вот зачем создан наш спецотряд "Белый стрелок". Работенка опасная, неблагодарная, о нашем существовании мало кто знает, но криминальный мир почувствовал уже на своей шкуре. Не исключено, что кто-то и к нам внедрен: идет утечка информации... Видишь, я лишь с руководством о тебе переговорил, а за тобой уже слежка установлена... В общем, ты должен понять, что не в бирюльки играть тебя приглашаем, и потому решай сразу: или остаешься, или возвращаешь ключи.

— Это дело по мне, — сказал Женька. — Не пойму только, что такое — нетрадиционные методы.

— Без привлечения адвокатуры, — хмыкнул Лис. — Подробней потом растолкую. Сейчас извини, спешу. Бывай!

Зырянов провожать его не пошел, но прильнул к

окну и увидел, как Лис прошагал по тротуару до угла дома и скрылся за ним. За углом, Женька знал это, была остановка трамвая.

Но Лис пошел не к ней. Он сел в припаркованную неприметную машину с тонированными стеклами, и водитель тотчас услужливо протянул ему трубку телефона:

— Шеф уже на проводе.

Лис взглянул на часы: нет, с докладом он не опоздал, все идет пока четко по графику.

— Что у тебя? — спросила трубка.

— Встретился. Подождал, пока он занервничал, собрался уже сматываться, и только тогда вышел к нему...

— В деталях завтра расскажешь. Дай мне общую картинку.

— Все прошло, как я и предполагал. Наивный, лапшу на уши вешать позволяет, моей версии по Пилявину поверил. Вчерашний хвост, естественно, заметил, так что не совсем дурак.

— Он очень даже не дурак, ты имей в виду, что в спецназе дураков-офицеров не держат.

— Понимаю, и это еще одна из причин, почему выбрал его. Я просто уверен, он справится с задачей.

— Канители многовато будет...

— Дорого он нам не обойдется, операцию затягивать не станем. И потом, своих людей терять не хочется. А этот по всем параметрам подходит. Умеет стрелять, есть особая примета. И мотивация для тех, кто займется следствием, налицо: чеченский синдром, ненависть к зажавшимся...

— Все! Это не телефонный разговор.

— Да, я понимаю. Завтра с ним не хотите встретиться?

— Ни завтра, ни вообще я с ним встречаться не буду. Веди переговоры сам, плати ему, протез вручай. Мне, кстати, продемонстрировали: сигнализатор в протез нормально вмонтирован, и захочешь увидеть — да черта с два. Теперь. События не форсируй. В шею нас никто не гонит, коммунистический лозунг "пятилетку за три года" давно отменили. Все надо чисто сделать.

29.

Думай, сказал себе Олег, думай.

В деревне ничего с Зыряновым не случилось, поскольку он прибыл-таки в Москву и заехал к Алле. Кто звонил ему туда — неизвестно. Милиция Женьку не задерживала. Нет, куда он девался — вопрос последний. А первый — почему не приехал прямо с вокзала ко мне?

Пока у Олега на этот счет одна версия. Женька по дороге в Москву прочел в газете о Пилявине,

ТАИНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

китайском пистолете, левше, испугался, решил, что его здесь уже поджидает милицейская засада. Что следует дальше? На вокзал он не пойдет, грамотный: знает, если человека ищут, то прежде всего на вокзалах. Значит, надо остаться в Москве и доказать свою непричастность к убийству. Как? А хрен его знает как...

И тут тупичок.

Где Зырянов мог ночевать? Не лето, в парке на скамейке не покемаришь. А в городе знакомых у него нет. Если, правда, не считать Пашу Базарова.

Макаров открыл блокнот, нашел его телефон. Надежд, конечно, мало, но...

— Олег Иванович? Ты как чувствовал, что я сам собирался с тобой связаться сегодня. У меня дочь родилась! Надо бы как-то... это... Так что приглашаю в гости. Бери Женю, записывай мой адрес... Да нет, что я говорю! Я заеду за тобой!

— Жени сейчас нет, он под Калугой, — сказал Макаров.

— Да? Жаль. У меня, кстати, еще один повод был тебе позвонить, как раз из-за него. Тут мужик один, тоже частным извозом занимается, травил среди наших историю, что его ночью преследовали и взрывать хотели. Он как раз парня однорукого возил, который в Чечне воевал, вот я и вспомнил Женю.

— Мы можем прямо сейчас встретиться? — спросил Олег.

— А чего же...

Оказалось, Москва — не такой уж и огромный город, чтоб в нем невозможно было найти нужного человека. Вот уже Степан Ильич во всех подробностях пересказал Олегу историю ночных злоключений.

— Представляешь, не испугался, сам взялся дверь разминировать. А я уж хотел милицию вызывать. Толковый парень оказался...

Макаров не сомневался: речь шла о Зырянове.

— Он когда гранату-то с проволокой снял, только тогда признался, что, оказывается, не за мной, а за ним охотились. Утром сказал: "Я с ними разберусь..." А с кем — черт его знает.

— Никаких фамилий не называл?

— Нет... Кажется, нет. Правда, заикнулся, что догадывается, чьих это рук дело. Или, говорил, хитрой лисицы, или третьего. Я еще спросил, какого такого третьего, а он — "двое погибли уже, а этот был с ними наверняка связан".

Макарову стало ясно, что под третьим Женька имел в виду Володарского. Фамилией его он не знал, был лишь в курсе, что "Москвич" на Калужском шоссе останавливали трое.

— Может, третьего Зырянов как раз и называл лисицей?

Таксист был категоричен:

— Нет, я запомнил. Или, говорит, третьего, или лисицы.

— Почему же он мне не позвонил?

— А он хотел. Не знаю только, вам или кому другому. Но у меня телефон испорчен...

Возвращались дорогой, которая проходила почти рядом с домом Шиманова. Базаров вовремя заметил пробку впереди и милиционеров на обочинах, свернул и поехал узкими переулками. Но и здесь стояла милиция. Машины ползли медленно, по-черепашьи, стражи порядка цепкими взглядами всматривались в каждую, но не останавливали.

Макаров высунулся из окна, спросил оказавшегося рядом старшего лейтенанта:

— Что тут у вас случилось?

Тот замахал жезлом:

— Проезжайте, проезжайте!

— Опять, наверное, кого-то или взорвали, или сожгли, — заключил Паша. Впереди горело что-то. — Мне этих крутых и не жалко, если честно. Сам от них натерпелся. Бог их наказывает.

Лисица лисицей, а Володарского Женька разыскать попробует. Вопрос — как? Он, Олег, вышел на Насонова. У Женьки связующее звено, объединяющее троицу, — только Анастасия Тихонина. Женщина, к которой Шиманов не советует даже приближаться.

Но теперь-то обстоятельства изменились. Теперь с ней захочет встретиться Зырянов и может наломать дров.

—... Ты теперь, Олег Иванович, мной располагай, если машина нужна или другая помощь. Я жену в деревню отправил, там ей с малышкой спокойно будет. Продукты привожу, а так — и газ есть, и вода подведена. Не хочу, чтоб она тут нервничала. Ведь правильно же?

— Правильно, Паша, правильно.

— Теща тоже там, до понедельника. Так что нам никто посидеть не помешает.

Макарову пить не хотелось, настроение было далеко не застольное, но отказываться от приглашения сейчас было неудобно. Человек ведь полгорода исколесил, пока не нашел Степана Ильича...

— Я только, Паша, всего на часок, у меня встреча назначена на вечер.

— Да мы хотя бы символически, Олег Иванович, рождение дочки спрыснем. Найдется Женя — уже тогда капитально засядем.

Пока Базаров накрывал стол, Олег попробовал дозвониться до Шиманова. Ни служебный, ни домашний телефоны не отвечали. Жаль. Договаривались ведь вечером встретиться. Но люди в погонах собой не располагают. В самый непод-

ходящий момент начальство возьмет да и вызовет.

— Картошку отваривать?

Стол у Базарова получился на славу: тут и икра, и розовая нерка, и отварное мясо, и хрен с горчицей, и даже торт.

— Не надо, обойдемся холодной закуской.

— Тогда я наливаю.

Хороший коньяк, ароматный. Легко пьется. Надо запомнить название, взять бутылочку, повезти в деревню Павлу Павловичу...

— "Новости" посмотрим, Олег Иванович? Я ящик редко включаю, но футбол и "Вести" смотрю.

— Включай.

Олег опять набрал номер омоновца. Трубку никто не брал.

Диктор читала текст, бесстрастно глядя в глаза телезрителям. Макаров скорее не услышал, а догадался, что говорит она о чем-то важном, и опустил трубку.

—...Рядом с домом была взорвана машина подполковника милиции Шиманова. Взрывное устройство сработало, когда водитель повернул ключ зажигания. По предварительным данным, милиционер скончался на месте, незначительные ранения получили несколько прохожих...

30.

Бетонный бункер тира располагался прямо под спортзалом, но Лис сначала повел Зырянова не туда, а к матам, на одном из которых без особого усердия топтались два парня: светленький, пониже и высокый, с тонким торсом и черным ежиком волос.

Блондин заулыбался, оставил соперника и шагнул навстречу:

— Савва.

Женька узнал его: он был с Лисом в тот вечер, когда убрали Пилявина.

Второй назвался по кличке — Жук. Он был не улыбочивым, серьезным, и пока они стояли все вместе и разговаривали обо всем и ни о чем, исподлобья бросал внимательные взгляды на Зырянова.

— Размяться хочешь? — спросил Лис и кивнул на мат.

Женька невольно взглянул на покалеченную руку, и Лис тотчас добавил:

— Драка на равных.

Он сам ремнем от кимоно привязал к торсу руку Саввы, пока Женька раздевался. Хрупкий на вид, Савва оказался мускулистым, жилистым. Но Женька сбил его секунд за двадцать.

Жук ступил на мат, сразу пошел в атаку, и Жень-

ка от неожиданности пропустил удар: жесткий, почти боевой. Сбилось дыхание, он с трудом уклонился от следующего и понял, что если бы не сделал этого, ребрам несдобровать. Жук знал толк в драке. Потому его надо было не просто завалить — его надо было завалить красиво. Для этого придется потерпеть: пропустить еще один удар, сделать вид, что поплыл, но только так, чтоб Лис не остановил бой за явным преимуществом, а потом...

Зырянов подставился, и соперник клюнул на эту удочку: кинулся добивать врага, забыв об элементарных правилах предосторожности. Не хватает парню школы.

Удар с разворота наружной стороной ступни в ухо получился, Женька сам поставил за него себе пятерку. Жук упал, не успев сгруппироваться, но, ошеломленный, тотчас вскочил на ноги. Лучше бы он этого не делал...

Лис молчал, глядя, как неуверенно Жук вновь пытается принять стойку. И тогда сам Зырянов решил прекратить бой:

— Брэк! На пальчиках гарцуй, а не на пятках. На пятках тяжело маневрировать.

Лис, словно соглашаясь с этим, покачал головой, потом сказал:

— Если тебе, Зырянов, будет нетрудно, ты погонай парней... Ну что, теперь в тир пойдем? Признаюсь, я ведь специально тебя чуть помотал, хочу посмотреть, как ты после нагрузки ствол в руках держать умеешь.

Женька давно не тренировался, мушка чуть плясала, но пробные три выстрела все же удались: десять, девять, восемь. Жук и Савва, как сговорившись, выбили по двадцать пять очков.

— Хорошо, — сказал Лис. — Очень хорошо. Ладно, на сегодня хватит, поднимайтесь с Саввой на свежий воздух, а мы с Жуком тут порядок наведем.

Так Женька опять очутился в спортзале и, естественно, не слышал разговора, состоявшегося внизу.

А разговор был интересным.

— И как он тебе? — спросил Лис.

Жук чуть пожал плечами, вскинул руку и, почти не целясь, выпустил одну за другой три пули в мишень. Все они кучно легли в десятку.

— Но драться он умеет, Лис, это без дураков.

— А в стрельбе у него долго не было практики. Да и с собой не равняй: тут он хоть и спецназовец, а любитель. Ты же не знаешь, наверно, куда медали, полученные на соревнованиях, девать, так?

Жук, соглашаясь, кивнул.

— И потом, нам ведь надо, чтоб он всего-навсе-

го в человека попал, а тот побольше яблочка, ты согласен?

Тот опять кивнул.

— А еще надо, чтоб ты не промазал. Все должно пройти как по маслу. Зырянов поражает объект, оставляет ствол, собирается уходить, но тут его вроде бы случайно замечают, указывают на него, менты — а менты там будут — естественно, откроют огонь... Но за них я ответственности не несу. Они и сплеховать могут, а вот если ты...

Жук вогнал в пистолет новый магазин и опять выстрелил трижды. Крякнул, не глядя на мишень.

— Последнюю пулю сорвал, шестерка или семерка, в лучшем случае.

Лис на секунду прильнул к окуляру:

— Семерка. Итого — двадцать семь. Для Зырянова это нормально, для тебя — маловато.

— Исправлюсь, — усмехнулся Жук. — Сам же говоришь: человек — не мишень.

— Дай Бог. А до этого пусть Зырянов живет как в раю. Смотрите ему в рот, танцуйте перед ним, исполняйте все прихоти. Так, а этот пистолет, из которого он сейчас стрелял, я беру. Его-то и обнаружат оперы возле одного из трупов. И вообще в ближайшее время грянет серия убийств, совершенных левшой. А потом правоохранительные органы, — Лис улыбнулся, — пусть отрапортуют наверх, что покончили с одноруким дьяволом, и кто-то из них получит орден или звезду на погоны.

— А если Тихонин все же согласится на наши условия и его не надо будет кончать? — спросил Жук.

— Ну, у нас еще время есть, присмотримся к Зырянову... Хотя, мне кажется, его все же убирать придется. Приметный он больно, мы на эти приметы два-три дела успеем списать. Не хочешь же ты сказать, что лучше ментам Савву отдать или Никиту?

— Я вообще ничего говорить не хочу, это не мое дело — говорить.

Грохнули три выстрела. Три десятки.

31.

Женька был доволен буквально всем. Тем же протезом, работой, отношением к себе нового руководства и тех, кто поступил под его начало. Из руководства он был знаком только с Лисом, но когда тот от имени высококого начальства, чьих имен и званий лучше не упоминать, вручил ему протез, потом спортивный костюм, потом пригласил расписаться в ведомости и получить очень даже приличную сумму подъемных, Зырянов поплыл.

— Ты ведь был разведчиком, — сказал ему Лис.

— Решено — за дополнительную плату будешь вести спецподготовку, лучшего практика нам не найти. Как думаешь, твой бывший командир, Макаров, не согласится тоже у нас потрудиться?

— А почему бы и нет... — начал Женька, но Лис тотчас прервал его:

— Сам ему и предложишь. Но не сейчас. Я ведь говорил уже, что сейчас тебе просто рискованно выходить с ним на связь. Потерпи. Глядишь, вместе пахать тут будете. Надо только нам справиться с задачей, поставленной на ближайшее время.

— Какой?

— Опять вопросы задаешь? Напоминаю еще раз: в "Белом стрелке" это не принято. Придет время — узнаешь. А пока — пока жди сегодня вечером гостей. Не мешает чуть оттянуться. О выпивке и закуске есть кому побеспокоиться.

Разговор этот состоялся в полдень, а после группа из шести человек выехала в лес, на кросс. Маршрут пролегал по снегу, через черные поваленные деревья, сквозь плотный ельник, по краю незамерзшего болота. Потом их ждала баня с березовыми вениками и холодным квасом.

— В спецназе после тренировок так же парятся? — спросил Савва.

— Ага. В Чечне из бань не вылезали.

У Саввы с юмором было плохо, он принял Женькины слова за чистую монету:

— А по телевидению трепались, будто вши там.

— Так со вшами главным образом мы и сражались...

Из парилки прыгали в теплый бассейн, потом пили холодную водку под разнообразные бутерброды, потом серебристый "мерседес", подъехавший к чудо-баньке, отвез Зырянова домой.

Дверь квартиры оказалась открытой. Стол уставлен бутылками и снедью. На кухне нарезала еще дымящееся отварное мясо стройная девушка в цветастой, по-детски короткой юбочке. Увидела Женю, встряхнула челкой:

— Ну вот, немного не успела. Меня попросили тут похозяйничать.

— Лис?

Она кивнула.

— А похозяйничать — этот как? Встречать вместе со мной гостей?

— Нет, у меня, скорее, обязанности кухарки. Накрыть на стол и потом прийти убрать и перемыть посуду. — Девушка взглянула на часы. — Через пять минут у уже должна исчезнуть отсюда. Успеваю. Осталось отнести в комнату хлеб и мясо.

— Я отнесу. — Женька открыл холодильник, вынул оттуда бутылку водки, наполнил рюмки. — Но нельзя же хозяину не познакомиться с хозяйкой...

Девушка улыбнулась:

- На брудершафт предлагаешь?
- Есть возражения?
- Никаких!

Она первой выпила, подставила губы для поцелуя. Он получился затяжным, девушка обвила Женьку за шею руками, прильнула к нему всем телом, бедра ее при этом крупно вздрагивали. Женька, кажется, даже через протез ощутил жар и трепет чужого тела, и тут она чуть отстранилась от него:

- Мне бежать надо.
- Но мы так и не познакомились.
- Тебя зовут Женя, я знаю. А меня — Лена.
- Я еще хочу поцеловаться.
- И только? — Она рассмеялась, взглянула вновь на часы. — Все, убегаю.

Зырянов проводил ее до двери и здесь остановился, глядя в зеркало.

Все хорошо, все очень хорошо! Спецотряд, борьба с бандитами, квартира...

— Здесь обмывают должность инструктора по спецподготовке?

Это пришли Жук, Савва и три девочки. Девочки сразу стали размещаться за столом. Савва успел разлить по рюмкам водку, пока Жук и Женька еще стояли в коридорчике.

— Угадай, какая твоя, — сказал Жук.

Женька внимательней взглянул на гостей. Хохотушка-блондинка с голубыми глазами, вторая тоже беленькая, с мушкой на щеке, в очках. Третья чем-то похожа на ту, из родной деревни, которая ждала его, а потом отвернулась от ущербного... Черные длинные волосы, высокая, гибкая, серьезная. Подружки чего-то хохочут, а она лишь чуть улыбается, и улыбка печальная. Надо разве-селить ее. Доказать, что не все плохо в этом мире.

— Они все хороши...

Но Жук уже проследил за взглядом Зырянова и все понял:

— Твоя — темненькая, Лена. Впрочем, если не нравится...

Лена. Сегодня мне везет на Лен. И не только на них. Теперь надо выпить за то, чтоб не только сегодня везло!

— Она тоже из спецотряда?

Жук сдержал улыбку:

— Да, из спецов. Но Лис тебя разве не предупреждал? Никаких вопросов, если они хоть в малой степени касаются дела.

— Понял.

Женька занял место возле той, которая напомнила донскую казачку, она сразу же благосклонно улыбнулась ему, заговорила... Мягкий, певучий голос:

— За тебя.

— За тебя, Лена.

Спадало напряжение, копившееся многие и многие дни. Легко пилось, о делах и проблемах никто не говорил. Травили анекдоты, хохотали, танцевали. Блондиночки обнажали груди, позволяли кавалерам целовать их не только в губы. Лена оказалась нравов более строгих.

— Я так не могу, при всех, — шепнула, когда Женька попробовал под волшебные звуки танго расстегнуть на ней платье. — Зайдем куда-нибудь.

Зашли в ванную. Там она сама сняла с себя не только бюстгальтер. Была покорной и страстной одновременно.

Гости сделали вид, что не заметили отсутствия Зырянова, но при появлении его засобирались домой, налили на посошок. Женька не отговаривал их: главное — Лена оставалась у него до утра.

Выпили и распрощались с уходящими.

Широкая кровать показалась им тесной, сбросили на ковер перину и подушки.

— Я тебя научу любви, — шептала она, вгоняя коготки в его кожу...

Совершенно неожиданно кто-то отомкнул входную дверь, не зажигая света, спросил:

— Не помешаю?

Это была девушка, с которой Женька пил на брудершафт. Она пришла мыть посуду.

— Не помешаешь, Ленка, — сказала черноволосая. — Раздевайся, иди сюда! Тут такой классный мужик — двоим хватит!

— Сейчас посмотрим...

Женька блаженно прикрыл глаза.

(Окончание следует)

Виктор КОЧЕТКОВ

Виктор Иванович КОЧЕТКОВ родился в 1923 году в За-волжье – в деревне Балахоновка Клявлинского района Самарской области. Воевал на фронте в составе 219-й стрелковой дивизии. Прошел с боями от Дона до Прута. После войны долго жил в Молдавии, где окончил Кишиневский государственный университет и выпустил первые поэтические книжки. Впоследствии окончил Высшие литературные курсы, был среди организаторов журнала "Волга".

Член Союза писателей России, автор многих стихотворных сборников. Лауреат литературной премии имени М.А. Шолохова.

СРЕДИ САМАРСКИХ КОВЫЛЕЙ

РУБЕЖНОЕ ВРЕМЯ

Рубежное время.

Весна сорок первого года.
Весь мир был окутан
сиреневым дымом росистым.
Как жадно спешила в тот год
разродиться природа
листом и кустом, и цветком,
и птенцом голосистым.

Как стаи грачей хороводили
в ветлах и вязах,
как в небе орлы увлекались
любвиной игрою.
Как сельские парни в тот май
изощрялись в проказах,
девчонок пугая в заулках
ночную порою.

И где-то за Волгою
сумрак степи суходолой
гремел, не стихая,
от перепелиного боя,
и дуб, что полвека стоял
неприкаянно голый,

вдруг за ночь покрылся
густою-густою листвою.

Все жить торопилось.
Все было повязано властью
любвиной тоски,
расслабляющей нети томленья.
И волк за волчицей бежал,
обжигаемый страстью,
на время забыв об инстинкте
самосохраненья.

И лось разрывал
молодые малинники
грудью,
лосиху ведя к потаенным своим
верболозам...
А там, за Тильзитом,
уже расчехляли орудья,
и летчики шли по рассветной траве
к бомбовозам.

А там, по-за Бугом,
труба уже зорю играла,
и звезды блестели
на кожаном шлеме танкиста,

и смерть равнодушно
добычу себе выбирала
пустыми глазами
седого фельдмаршала Листа.

* * *

Он краешком глаза увидел войну –
счастливцев в моем поколенье –
на пятые сутки он пал на Дону
в январском большом наступленьи.

Вперед поредевшая рота ушла,
на запад война покатилась.
И вечная тихая-тихая мгла
на берег реки опустила.

От мертвой руки оторвав ППШ, –
сгодится еще для кого-то –
привычно обшарил его не спеша
солдат похоронного взвода.

В кармане шинели нашел портмоне
клеенчатое, голубое.
А в нем треугольник –
посланье жене –
видать, написал перед боем.

Вольготно лежал он
на чистом снегу
в холодном метельном кипенье,
прекрасным лицом
обращенный к врагу,
счастливец в моем поколеньи.

*Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые.
Его призвали всеблажие
как собеседника на пир.*

Ф.И.Тютчев.

*Россия — недоносок истории.
Современный советолог.*

Беду одолевшие в сороковых,
мы ходим теперь в недоносках.
Отнюдь не блаженство
минут роковых
изведали мы в девяностых.

Какие нас выловили невода,
какие нас косы скосили?
Великих и малых трагедий череда —
начало распада России.

Дебаты, застолья, беседы, пиры —
откуда вальяжность такая?!
Срывается глыба с вершины горы,
потоки камней увлекая.

Сжимаются болью и рвутся сердца
в крутящемся вихре жестоком,
и все упования, как деревца,
под каменным гибнут потоком.

Струится проселок
по тверди полынной,
отбившийся от большака.
Невнятная синь
над самарской равниной.
Ковыль. Косогор. Облака.
Бредут через пажити тени косые.
Над рощей кружит воронья.
Неужто уже наступило, Россия,
вечернее время твое?

Не время зачина, а время итога
и темных и светлых веков,

путей от жестокого бога Сварога
до яростных большевиков.

Вернется ль к тебе молодая отвага
и снова нас скличет на бой,
орлиные крылья победного стяга
взлетят ли опять над тобой?

Сумеет ли снова от Волги до Дона
пройти твоя грозная рать?
Иль в тесной людской
"европейского дома"
ты нищенкой будешь стоять?

Неужто не хватит ни воли, ни силы
унять это злое ворье?
Неужто уже наступило, Россия,
вечернее время твое?

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Отшумела свирепая выюга,
поглумилась над тундрой всласть
и почти у Полярного круга
на прибрежных холмах улеглась.

С океаном повздорила грубо,
пометалась по снежной стране
и, укрытая белою шубой,
позабылась в горячечном сне.

Ни звезды, ни дороги, ни шума,
ни седеющей прядки костра.
Словно гиблое время Кучума
забрело на мои севера.

Словно здесь от рожденья Христова
немота постаралась залечь,
среди ночного пространства пустого
человечья не слышится речь.

Только отблеск дворцов золоченых
заполярное небо таит,
только тихо скулящий волчонок
посреди мироздания стоит.

Даже резвый остол юкагира
над упряжкой стынет давно.
Этот тягостный обморок мира
мне впервые увидеть дано.

Состарившись в разлуке долгой,
о пережитом не жалею.
Я нова тут, в степи за Волгой,
среди самарских ковылей.

Опять мой день осенний долог,
не частый на моем веку,
опять ведет меня проселок
к тому далекому колку.

О, горечь русского пространства,
блуждающие облака,
тоски дорожной постоянство
теперь уже без ямщика!

Не потревожит сокол слуха,
не прорывает песня в синь.
И только вышепчется глухо
давно привядшая полынь.

Да месяц выльвет лениво
из-за песчаного бугра,
да зарябит под ветром нива
и вновь застынет до утра.

К былому нет уже возврата,
и мысль о будущем скудна.
И низовой пожар заката
на все пылает времена.

Встреча для вас

Иосиф Кобзон: "Армия — это воспитание характера"

Он сидел в гримерке гарнизонного Дома офицеров МВО и примерял галстук. Как-то не совсем привычно было видеть народного артиста Советского Союза, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР депутата Госдумы профессора Иосифа Давыдовича Кобзона в пустом и тихом помещении с огромными зеркалами. Гордое одиночество мэтра нашей эстрады казалось несопоставимым с громом аплодисментов и овациями, которыми всегда встречала и провожала этого человека зрительская аудитория.

Через несколько минут ему снова (в который раз!) предстояло выйти на сцену. Иосиф Давыдович готовился выступить на юбилейном вечере перед ветеранами и военнослужащими одного из соединений Московского округа внутренних войск МВД России.

Любезно пригласив присесть, Кобзон предложил начать бесе-
ду...

— Иосиф Давыдович, расскажите, пожалуйста, о вашем творческом союзе с Академическим ансамблем песни и пляски внутренних войск.

— Начну с того, что моя встреча с этим коллективом была неслучайной. Меня многие военные ансамбли приглашали к сотрудничеству. Да и сам я выходец из ансамбля песни и пляски Закавказского военного округа, куда попал из артиллерии. Вот так мне повезло. Хотя сколько себя знаю, всегда пел: и в школе, и в Днепропетровском горном техникуме... Но впервые азы вокального мастерства постиг все-таки в военном ансамбле.

И там же я задумался о дальнейшем обучении пению. С молодости полюбил творческие армейские коллективы. Очень жаль, что сегодня они не востребованы. Ведь это же замечательное мобилизующее искусство!

А что касается ансамбля песни и пляски Виктора Елисеева, то поначалу была такая соблазнительная ситуация... Коллектив едет в Италию, очень интересный маршрут. У меня было свободное время. Почему бы не поехать, думаю? И решил согласиться.

Может быть, это была бы первая и последняя поездка, ежели бы она нас не сблизила творчески. Когда я увидел, как люди неистово работают над повышением профессионального мастерства, то понял: с ними необходимо продолжить сотрудничество.

— Какие гастрольные поездки с этим коллективом вам больше всего запомнились?

— Если говорить о дальних маршрутах, то скорее всего это Италия и Греция. Но все-таки мне больше запомнились наши московские выступления. И, конечно же, совместная работа над моим прощальным туром по

странам СНГ, когда мы проехали по всему бывшему Советскому Союзу, по всей России великой.

— **Скажите, Иосиф Давыдович, почему вы решили расстаться с большой сценой, с миллионами поклонников, которые так любят ваше творчество?**

— Прощальный тур по столицам бывших союзных республик я задумал еще в 1996 году. Свои дни рождения всегда проводил на сцене. Но в 60 лет решил уйти. Очень хотелось покинуть эстраду в хорошей форме и тем самым вызвать хоть какое-то сожаление у публики.

Сейчас ко мне многие подходят и спрашивают: “Ну как же так? Почему вы ушли?” Я отвечаю: “Пора. Вот и ушел”. Согласитесь, это же лучше, чем когда за спиной начинают говорить: “Господи, да когда же он уйдет?! Уже еле выползает... Голоса нет...” Атут, слава Богу, все есть. И потом... Мои слова не совсем правильно интерпретировали. Да, я закончил сольные концертные выступления. Но не прекратил свою жизнь в песне и в творчестве.

Сюда я пришел со съемок телемарафона, посвященного черномбыльцам. Через пять минут выхожу на сцену и снова буду петь на юбилее дивизии. Такие выступления доставляют мне удовольствие. Это символические, тематические концерты.

— **И будете выступать с ансамблем песни и пляски внутренних войск?**

— Да. Потому что этот коллектив всегда в форме. Мне с ним интересно. Мы записали массу музыки. Вышли компакт-диски.

Военные музыканты прекрасно меня понимают. Они слушают, что говорит старший мастер, то

бишь я. Вы не подумайте, что это обычная работа. Нет. Знаете, я как играющий тренер. Не просто выступаю, но и понемногу воспитываю их. Вдобавок ко всему приношу еще и репертуар. К тому же у меня сложились прекрасные дружеские отношения с художественным руководителем ансамбля народным артистом России Виктором Елисеевым.

— **Не секрет, что Кобзон — это целая эпоха не только советской, но и постсоветской эстрады. На ваших песнях росло и воспитывалось не одно поколение людей. Поэтому в сентябре 1997 года, когда вы публично попрощались со сценой в концертном зале “Россия”, ваши поклонники пришли в недоумение: “Неужели мы больше не услышим Кобзона?” И вдруг 10 ноября, на концерте, посвященном Дню милиции, вы в полном здравии вновь предстали перед публикой. Скажу честно, для нас, зрителей военных, это было как элексир для души. Скажите, Иосиф Давыдович, как часто вы будете радовать своими выступлениями?**

— Пока буду чувствовать себя в форме. Вы знаете, я сам себе строгий судья. Если смогу сделать на сцене то, что хочу, я буду, конечно, выходить. Как только почувствую усталость, физическую или моральную, скудность репертуара или состояние голоса, не соответствующее Кобзону, это и будут последние выступления.

— **Насколько мне известно, вы не единожды бывали с концертами в Афганистане. Расскажите, пожалуйста, подробнее читателям нашего**

журнала о встречах с советскими военнослужащими в этой стране.

— Мне не очень нравятся выражения типа “не единожды”, “множественно”, “несколько раз” и т.д. В них отсутствует конкретика. Когда меня спрашивают, сколько я записал песен, отвечаю: “Не знаю”. Когда задают вопрос, сколько городов посетил, я говорю: “Не знаю”. Сколько у меня было концертов, тоже не считал. Но когда встает вопрос: “Сколько раз Кобзон летал в Афганистан?”, я знаю точно: девять раз. Дважды был на Даманском: 3 марта 1968 года и 10 марта, после второго нашествия. Один раз был в Чернобыле.

Почему я об этом говорю? Да потому что такое запоминается навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Я не говорю о физической опасности, о том, как каждый раз мы полувертикально падали на Кабул, чтобы уйти от обстрела. И взлетали также полувертикально. Было опасно, противно, неприятно. Но мы знали, куда, к кому и зачем летим.

— **Неужели вам без проблем разрешили тогда вылететь из Советского Союза в Афганистан?**

— Ну что вы! В апреле 1980-го мне очень долго пришлось уговаривать тогдашнего секретаря ЦК КПСС Михаила Васильевича Зимянина, чтобы он разрешил выступить с концертом в Афганистане. Ведь присутствие там наших войск считалось секретом. Солдатам и офицерам не разрешали даже письма на Родину писать. “Ладно! — возмущался я. — Писать письма нельзя, но потрогать советских людей, поговорить с артистами, послушать наши песни, успоко-

КАЛЕНДОСКОП

ить свои сердца ребятам можно?!"

В конце концов мне разрешили вылететь туда. Встречи, конечно же, носили неофициальный, неконцертный характер. Свое творчество я перевел в совершенно другое русло. Там же не было ни клубов, ни сцен. Мы выступали на кузовах грузовых машин, просто на земле. То есть проходили обычные встречи друзей.

Потом уже стали обустриваться. В ЦК начали планировать приезды артистов: столько групп в год. Но я-то прилетал ежегодно, потому как считал это своим долгом. И постоянно, возвращаясь, говорил, что это в последний раз...

— Значит, вы были первой ласточкой среди артистов, которая прилетела, как говорили, "за речку" к нашим военнослужащим?

— Да. И последней тоже.

— В одной из телепередач показали вашу старую армейскую фотографию. Расскажите кратко о своей срочной службе.

— Меня призвали в 1956 году. И призвали очень срочно. По городу пошел слух, будто война какая-то готовится. Я тогда был студентом горного техникума и готовился защитить диплом. В конце мая нас собрали и сказали, что в июне дадут две недели на защиту, после чего сразу же призовут в армию.

Поначалу мы недоумевали. Однако потом все выяснилось... Нас призвали в июне, посадили в эшелон, долго везли в теплушках по всей стране. Высадились мы в Орджоникидзевском районе Кустанайской области Казахстана и... начали собирать знаменитый целинный урожай

1956 года. Страна нуждалась в хлебе. Потому всю молодежь, в том числе и призывников, бросили на уборку.

Затем были курсы молодого бойца, школа сержантского состава и служба в горах, в артиллерии. А заканчивал срочную, как я уже сказал, в ансамбле песни и пляски Закавказского военного округа.

— Что вам дала армия?

— Прежде всего, армия — это воспитание мужского характера. На гражданке привык, что я — хозяин улицы, живу своими интересами. А тут должен был подчиниться общим интересам, требованиям: каждое утро в 6.00 вставать, идти на зарядку, затем в столовую; до обеда бегать, прыгать, ходить строевым шагом, изучать оружие и т. д. Я накапливал здоровье, воспитывал характер, волю. Хотя и жили мы в трудных условиях, но ничуть не жалею, что прошел настоящую армейскую школу. Я служил три года. И за это время войска дали мне очень много полезного и нужного. Я им очень благодарен.

— Несколько слов о том, чем занимается сейчас патриарх нашей эстрады Кобзон.

— Продолжаю концертную деятельность. Встречаюсь, выступаю перед людьми, которым всю свою сознательную жизнь служил и продолжаю служить.

Кроме того, работаю в Госдуме над законопроектами, веду постоянную переписку с моими избирателями. Уже много лет возглавляю общественный совет ГУВД Москвы. У меня фонд "Щит и лира", два детских дома — в Туле и Ясной Поляне. Мы издаем подростковый журнал "Детки", выпускаем газету...

Общественных нагрузок хватает. На все это уходит масса времени. Гораздо больше, чем я предполагал. Так что нет возможности даже съездить на рыбалку, просто погулять, пообщаться с друзьями, с родными, сходить в театр. Поэтому жена ходит без меня, а я ей постоянно обещаю, что в следующий раз мы обязательно пойдем вместе.

— Ваше хобби?

— У меня его нет. Вообще, я мечтал о том, что в 60 лет, когда закончу большую эстрадную деятельность, свои сольные выступления, у меня будет очень много времени, которое я использую для себя, для семьи. Но пока, как видите, не получается.

— Вы заядлый рыбак?

— Нет, я просто любитель по сидеть с удочкой.

— И последний вопрос: любимое блюдо, которое готовит ваша жена?

— Пожалуй, грибной суп и каша.

— Благодарю за беседу, Иосиф Давыдович. Всяческих вам успехов!

— Спасибо. Желаю удачи вам!

Беседовал майор Геннадий ШАХОВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Выигрыш

Выигрыш

Ничья

Сказки на шахматной доске

Восприятие художественных композиций очень сходно с восприятием народных сказок, их психологическое родство неоспоримо. Герой сказки всегда в критическом положении, от гибели его спасает чудо. Как чудо воспринимается и неожиданный маневр в этюде, спасающий белого короля от гибели в безрадостной, проигранной, казалось бы, позиции.

Герой сказки побеждает носителей зла не грубой силой, а тонкой и умной тактикой, ему чужда жестокость. В этюдах же нет, как правило, грубых побитий, наоборот, есть жертвы в угоду "алчности" противника. На ковры-самолеты, сапоги-скороходы похожи в композиции превращения пешек в разные фигуры, вечные шахи, неожиданные паты и маты.

Сказку выкристаллизовывает реакция слушателей, благодаря которой она приобретает вечность или забвение. Точно так же композиция, пройдя сито народного отбора, запоминается или забывается. Сущность такого отбора — в победе живого над мертвым, художественного над механичес-

ким, доброго над злым. Истина в искусстве — во всеобщности восприятия, а не в мнении личности. Сказанное подтверждают приводимые этюды, посмотрите их сказочное содержание.

В № 6 у белых незавидная позиция, пешка a3 грозит стать ферзем, и тогда — гибель. Можно отдать за нее слона, но исчезнет надежда на выигрыш. Путь к победе довольно интересен. 1.Лf8+ Kpg7 2.Ch6+! Жертва! 2...Kp:h6 3.Lg8! a2 4.Lh5+! Еще жертва! 4...C:h5 5.g5X! Изящный финал, не потерявший своей прелести до наших дней. Этюду более двух веков, но он не забыт. Время создания подлинных художествен-

ных произведений в любом виде искусства не имеет значения.

В № 7 у белых проходная пешка, но она, увы, беззащитна. 1.Lb8! Фd5+ 2.Kpb2! Только на это поле! 2...Ф:f7. Пешка погибла, сила на стороне черных, но выручает чудо: 3.Lb7+ Кра8 4.Kc6!! Грозит мат, брать ни одну из белых фигур нельзя из-за потери ферзя. Разве не чудо!? 4...Kp:b7 5.Kd8+, 4...dc 5.L:f.

Критическое положение белых в № 8 очевидно, превращение черной пешки в ферзя с шахом белому королю неотвратимо. Но путь к спасению, похожий на чудо, все же есть. 1.Lg4+ Kph5 2.Lh4+ Kp:h4.

Надо брать, ладья не отстанет, будет шаховать непрерывно по четвертой горизонтали. 3.Kra5 e1Ф+ 4.Lb4+! Пат неминуем! Вновь чудо и волшебство!

Любителям гетеродоксальных жанров

№ 9. Кра3, Сb7, Cf2, п.f3 /4/ — Кра7, Фе3, Сb8 /3/, кооперативный мат в 3 хода.

№ 10. Kpg5, Ла3, Кc5/3/ — Kpb2, Фc2, пп.b3, c4 /4/, кооперативный мат в 3 хода.

Эти миниатюры составлены для читателей нашего журнала, они художественного стиля, решение их довольно любопытно.

Афоризмы, пословицы, фразы

В жизни, как в шахматах, — сделанный ход не вернешь.

Чтобы составлять композиции просто, надо мыслить сложно.

При поиске истины ставь все под сомнение.

Искусство основывается на истине, а истина — на верных сообщениях наших чувств.

Ошибки не в нашей власти, упорство в заблуждениях — в нашей.

Истина есть дочь времени, а не авторитета (Ф.Бэкон).

Элементы поэзии присутствуют не только в делах человеческих, но и в жизнедеятельности всего растительного и животного мира.

Злобные нападки на истину возвышают ее, придают ей большую силу.

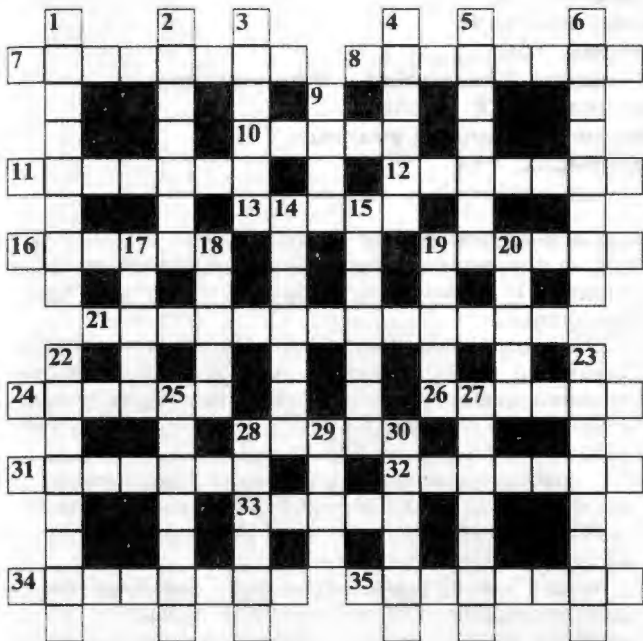
(На боввом посту, № 1, 1998)

№ 4. Kp1, Lh1, Kd4 /3/ — Kp7, Ла4, п.a7 /3/, кооперативный мат в 3 хода, 2 решения. 1. Kpd8 Kb6 2. Le4 Lh7 3. Le8 Ld7X! 1. Kpf8 Kd6 2. Lg4 Lh7 3. Lg8 Lf7X! Два других решения после перестановки белого короля на п8: 1. Kpd8 Kb6 2. Le4 Lc1 3. Le7 Lc8X!, 1. Kpf8 Kd6 2. Lg4 Le1 3. Lg7 Le8X!

№ 5. Kpe1, Фc2, Лd1, Лf8, Кc5, п.c3 /6/ — Kpe3, Фа1, пп.a2, c4, e2 /5/, обратный мат в два хода. 1. Lb1!, цугцванг, 1...abK 2. Фd2+ Kd2X, 1...abC 2. Фе4+ C:e4X, 1...abL+ 2. Фc1+ L:c1X, 1...Ф:c3+ 2. Фd2+ Ф:d2X, 1...Ф:h1+ 2. Фc1+ Ф:c1X, 1...Фb2 2. Фd2+ Ф:d2X.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Военное ведомство США. 8. Спортивный плотик, служащий для передвижения спортсмена по воде на буксире за самоходными судами. 10. В казацких войсках русской армии — офицерский чин, соответствующий капитану в пехоте и ротмистру в кавалерии. 11. Немецкий танк, участвовавший в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. 12. Персонаж романа М.А.Шолохова „Они сражались за Родину“. 13. Река в Крыму, где в 1854 году произошло сражение между русскими войсками под командованием А.С.Меньшикова и соединениями Франции, Англии и Турции. 16. По библейскому преданию — великан, побежденный в единоборстве пастухом Давидом, ставшим впоследствии царем Иу-

деи. 19. Вид термической обработки металла. 21. Перевод вооруженных сил и всех отраслей экономики с военного положения на мирное. 24. Матросская суконная куртка. 26. Опросный лист для получения каких-либо сведений. 28. Особый вид дежурства на корабле, подводной лодке. 31. Нашивки из цветной ткани на форменной одежде военнослужащих. 32. Химический элемент, используемый как присадка в сплавах, которые применяются в ракетной, авиационной и атомной технике. 33. Первое воинское звание старшего офицерского состава в русской армии. 34. Древнегреческий город в области Аркадия, в районе которой в 362 году до нашей эры произошло сражение между войсками Фив и Спарты. 35. Боевая бронированная вооруженная колесная машина, используемая для разведки, боевого охранения и связи, поражения огневых средств и живой силы противника.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Первый русский танк, созданный А.Пороховщиковым в 1915 году. 2. Одна из форм поощрения. 3. Высший военный орден в Советском Союзе. 4. Французский юрист и политический деятель, автор научного труда „Курс гражданского права“. 5. Каменная стенка, игравшая роль бруствера на крепостных стенах. 6. Город в Калининградской области, освобожденный в апреле 1945 года войсками 3-го Белорусского фронта. 9. Войско, ополчение, воинство, армия. 14. Часть затвора. 15. Взрывчатое вещество, применяемое для снаряжения боеприпасов. 17. Высшая конечная цель стремлений, деятельности. 18. Высшее оперативное объединение вооруженных сил на континентальном театре военных действий. 19. Вид боевых действий войск. 20. Способ войсковой разведки. 22. Один из военных преступников второй мировой войны, командовавший танковым корпусом, затем армией. 23. Передовой воин. 25. Средство вооруженной борьбы государства. 27. Бессмыслица, нелепость. 28. Футляр с длин-

ной яркой лентой, сбрасываемый с самолета при доставке донесений. 29. Русский композитор, автор военных маршей „Слава героям!“, „Гвардейские знамена“ и др. 30. Крейсер Балтийского флота, прославившийся своим участием в революции 1917 года.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1, 1998 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Танкодром. 4. Эллинг. 6. Поньры. 8. Муссолини. 9. Рельеф. 11. Рапорт. 14. Раков. 15. Нитра. 17. Эттли. 18. Оверштаг. 20. Мемориал. 21. Хунта. 23. Тракт. 25. Порик. 27. Кордон. 29. Отвага. 30. Арцимович. 31. Наваха. 32. Рокада. 33. Мокросов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Триумф. 2. Отсрочка. 3. Мундир. 4. Эшелон. 5. Гусар. 6. Плиев. 7. „Истоки“. 9. Радиомаяк. 10. Евтушенко. 12. Астронавт. 13. Треблинка. 16. Атака. 17. Эверт. 21. Херсон. 22. Еременко. 24. Травма. 25. Пецка. 26. Кивер. 28. Напалм. 29. „Очков“.

ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КРУГУ: 19. Гавань. 20. Мишень.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

ОБЪЯВЛЯЮТ НАБОР НА ПЕРВЫЙ КУРС

Санкт-Петербургский военный институт
198075, г. Санкт-Петербург, 75
Саратовский военный Краснознаменный институт
410023, г. Саратов, 23
Пермский военный институт
614108, г. Пермь, 108

Владикавказское высшее военное командное Краснознаменное училище
362005, г. Владикавказ, 5
Новосибирское высшее военное командное училище
630114, г. Новосибирск, 114

Военные образовательные учреждения профессионального образования готовят офицеров для внутренних войск МВД России. На учебу принимаются граждане Российской Федерации из числа военнослужащих, проходящих службу по призыву, независимо от их военной специальности и срока службы; военнообязанные, отслужившие установленный срок военной службы по призыву; военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, по истечении двух лет службы на контрактной основе в возрасте не старше 23 лет, а также юноши из числа гражданской молодежи в возрасте от 17 до 21 года, добровольно изъявившие желание обучаться в военных образовательных учреждениях профессионального образования, имеющие среднее образование, годные к учебе по состоянию здоровья и успешно сдавшие вступительные экзамены.

Военнослужащие, желающие поступить в военный институт (военное училище), подают рапорт по команде до 1 апреля года поступления, а военнообязанные и гражданская молодежь — заявление в районные (городские) военкоматы или отделы внутренних дел по месту жительства до 1 мая года поступления.

К рапорту (заявлению) прилагаются: автобиография, анкета, служебная (производственная) характеристика, копии свидетельства о рождении и документов о среднем образовании (учащиеся средних школ представляют справку о текущей успеваемости), три фотокарточки (размером 4,5 x 6 см) без головного убора, заверенные печатью воинской части или военного комиссариата.

Паспорт, военный билет или документ о прописке и подлинные документы о среднем образовании предъявляются кандидатом в приемную комиссию военного образовательного учреждения профессионального образования по прибытии.

Все поступающие сдают **вступительные экзамены:**

— в Санкт-Петербургском военном институте, Саратовском военном Краснознаменном институте, Владикавказском высшем военном командном Краснознаменном и Новосибирском высшем военном командном училищах — по русскому языку и литературе (письменно), основам Конституции Российской Федерации (устно), отечественной истории (устно);

— в Пермском военном институте — по русскому языку и литературе (письменно), по математике и физике (устно). Поступающие на интендантский факультет вме-

сто экзамена по физике сдают экзамен по химии (устно); на факультет кинологии — вместо экзаменов по математике и физике сдают экзамены по химии и биологии (устно).

Для определения физической подготовленности кандидаты из числа военнослужащих подвергаются практической проверке по упражнениям Военно-спортивного комплекса, а гражданская молодежь — по бегу на 100 и 1000 м, подтягиванию на перекладине.

С военнослужащими, отобранными кандидатами для поступления на учебу, по прибытии в военное образовательное учреждение проводятся учебные сборы с 1 по 15 июня года поступления.

Начало вступительных экзаменов для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, — 16 июня, а для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и гражданской молодежи — 8 июля.

Вызванные для сдачи вступительных экзаменов обеспечиваются бесплатным проездом, общежитием и питанием.

Лицам, окончившим военные образовательные учреждения, присваивается воинское звание "лейтенант" и выдается диплом государственного образца с присвоением квалификации:

— в Санкт-Петербургском военном институте, Саратовском военном Краснознаменном институте, Владикавказском высшем военном командном Краснознаменном и Новосибирском высшем военном командном училищах — "офицер внутренних войск с высшим военно-специальным образованием, юрист";

— в Пермском военном институте — "офицер внутренних войск с высшим военно-специальным образованием, инженер" (факультеты автобронетанковый и артиллерийского вооружения); "офицер внутренних войск с высшим военно-специальным образованием, экономист" (интендантский факультет); "офицер внутренних войск с высшим военно-специальным образованием, биолог-кинолог" (факультет кинологии).

Срок обучения — 5 лет.

В период обучения курсанты обеспечиваются питанием, обмундированием и денежным содержанием по установленным нормам. В конце зимнего семестра им предоставляются двухнедельные каникулы, а в конце каждого учебного года — тридцатидневный отпуск. Проезд по железной дороге к месту отпуска и обратно оплачивается военным образовательным учреждением.

Заказывайте наручные часы в Научно-производственной фирме
«ВОСТОК-ДИЗАЙН»

ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ

Только для вас!

- мелкие партии
- по цене больших заказов
- портретные часы
- часы в наградной фонд
- часы к памятным датам

Редакция
журнала
«На боевом посту»
предоставляет всем
желающим
услуги
по размещению рекламы
на страницах
своих изданий

Цветная полоса в журнале
«На боевом посту»

– 5,5 тысячи рублей

Последняя цветная полоса
обложки

– 7,5 тысячи рублей

Черно-белая полоса в журнале
и газете «Ситуация»

– 2,5 тысячи рублей

Защищено патентом РФ

г. Москва, Гончарная наб., 9

Тел.: 912-01-02

факс: 912-00-30

Internet эл. адрес

vostok @ artel.ru

- самые низкие цены
- двойная гарантия
- подарочные аксессуары

При одновременном размещении
рекламы в журнале и в газете,
а также повторном размещении рекламы
предоставляется **скидка до 20 %**

ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ

ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ

Положение о звании Героя Российской Федерации

Утверждено
Законом Российской
Федерации
№ 2553-1 от 20 марта
1992 года

1. Звание Героя
Российской Федерации
присваивается за заслуги
перед государством и
народом, связанные
с совершением
героического подвига.
2. Звание Героя
Российской Федерации
присваивается Президентом
Российской Федерации.
3. Герою Российской
Федерации вручаются:
Федерации вручаются:
знак особого отличия —
Медаль
"Золотая звезда";
грамота о присвоении
звания Героя
Российской Федерации.
4. Герой
Российской Федерации
пользуется льготами,
установленными
законодательством.
5. Медаль "Золотая
звезда" носится на левой
стороне груди над
орденами и медалями.

Военнослужащие Внутренних войск МВД России — Герои Российской Федерации

- Старший лейтенант Виталий БАБАКОВ
- Младший сержант Александр БУЗИН (посмертно)
- Старший лейтенант Виктор ВЕЛИЧКО (посмертно)
- Капитан Олег ВИЗНЮК (посмертно)
- Сержант Александр ГАЛЛЕ (посмертно)
- Майор Сергей ГРИЦЮК (посмертно)
- Старший лейтенант Игорь ГУРОВ (посмертно)
- Рядовой Олег ДОЛГОВ (посмертно)
- Подполковник Мединской службы Петр ЗАХАРЧУК (посмертно)
- Лейтенант Андрей ЗОЗУЛЯ (посмертно)
- Рядовой Рафик КАДЫРБУЛАТОВ (посмертно)
- Подковник Олег КВАЛИН
- Подковник Сергей ЛЫСЮК
- Старший лейтенант Михаил НЕВЫТКИН (посмертно)
- Старший лейтенант Александр НИКИШИН (посмертно)
- Старший лейтенант Евгений ОСТРОУХОВ
- Рядовой Олег ПЕТРОВ (посмертно)
- Подполковник Сергей ПЕТРУШКО (посмертно)
- Генерал-полковник Анатолий РОМАНОВ
- Лейтенант Евгений РЫДНИН (посмертно)
- Подполковник Александр САВЧЕНКО
- Рядовой Николай СИТНИКОВ (посмертно)
- Генерал-майор Николай СКРЫПНИК (посмертно)
- Прaporщик Олег ТЕРЕШКИН (посмертно)
- Ефрейтор Игорь ЧИЛИКАНОВ (посмертно)